

КАЗАХСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
МӘДЕНИЕТ ЖӘНЕ АҚПАРАТ
МИНИСТРЛІГІ

unesco
Kazakhstan
National Commission

7-8 қыркүйек
september

2023

ҚОЙЛЫҚ және ТАЛҒАР қалашықтары
Жібек Жолы: Чанъань-Тянь-Шань дәлізінің
құрамдас бөлігі ретінде

Халықаралық семинар

TALGAR and KAYALYK hillforts
as components of Silk Roads:
the Chang'an-Tianshan Corridor

The International seminar

ЖИНАҒЫ

DIGEST

"В РАМКАХ ПРОГРАММЫ
УЧАСТИЯ ЮНЕСКО
НА 2022-2023"

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ МӘДЕНИЕТ ЖӘНЕ СПОРТ МИНИСТРЛІГІ
МӘДЕНИЕТ КОМИТЕТІ
«ЕСІК» МЕМЛЕКЕТТІК ТАРИХИ-МӘДЕНИ МУЗЕЙ-ҚОРЫҒЫ

**«ТАЛҒАР ЖӘНЕ ҚОЙЛЫҚ ҚАЛАШЫҚТАРЫ ЖІБЕК ЖОЛЫНЫҢ
ЧАНЪАНЬ-ТЯНЬ-ШАНЬ ДӘЛІЗІНІҢ ҚҰРАМДАС БӨЛІГІ РЕТІНДЕ»
АТТЫ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҒЫЛЫМИ-ТӘЖІРИБЕЛІК СЕМИНАР МАТЕРИАЛДАРЫ**

МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО СЕМИНАРА
**«ГОРОДИЩА ТАЛГАР И КАЯЛЫК КАК КОМПОНЕНТЫ
ЧАНЪАНЬ-ТЯНЬШАНСКОГО КОРИДОРА ШЁЛКОВОГО ПУТИ»**

COLLECTION OF MATERIALS OF THE INTERNATIONAL
SCIENTIFIC AND PRACTICAL SEMINAR
**«TALGAR AND KAYALYK ANCIENT SETTLEMENTS AS COMPONENTS
OF SILK ROADS: THE CHANG'AN-TIANSHAN CORRIDOR»**

Есік, 2023

УДК 94 (574)
ББК 63.3 (5Қаз)
Т16

Ответственный редактор:

кандидат исторических наук **Г. Р. Мухтарова**

Жауапты редактор:

тарих ғылымдарының кандидаты **Г. Р. Мухтарова**

Редакционная коллегия:

Редактор: **Сураганова З. К., Зікірия Д. Қ**

Составитель: **Жумай Г**

Редакциялық алқа:

Редактор: **Сураганова З. К., Зікірия Д. Қ**

Құрастырушы: **Жумай Г**

«Талғар және Қойлық қалашықтары Чанъань-Тяньшань Жібек жолы дәлізінің құрамдас бөлігі ретінде» Халықаралық ғылыми-практикалық семинардың материалдары. Есік, 7-8 қыркүйек 2023 ж.) / жауапты ред. Г. Р. Мұхтарова. – Алматы, Z-print баспасы, 2023. – 202 б. Қазақ, ағылшын және орыс тілдерінде.

Материалы Международного научно-практического семинара «ГородищаТалгар и Каялык как компоненты Чанъань-Тяньшанского коридора Шёлкового пути». Есик, 7-8 сентября 2023 г.) / отв.ред. Г. Р. Мухтарова. – Алматы, Z-print баспасы, 2023. – 202 с. На казахском, английском и русском языках.

ISBN 978-9965-23-624-2

«Талғар және Қойлық қалашықтары Чанъань-Тяньшань Жібек жолы дәлізінің құрамдас бөлігі ретінде» атты Халықаралық ғылыми-практикалық семинар материалдарының жинағы Орталық Азия ескерткіштерінің мұрасын зерттеу, сақтау және басқарудың өзекті мәселелеріне арналған мақалаларды қамтиды. Авторлар арасында археологтар, музейтанушылар және қалпына келтірушілер бар.

Басылым тарихшыларға, өнер және сәулетшілерге, археологтарға, тарихи урбанистика мамандарына, музейтанушыларға, ЖОО оқытушылары мен студенттеріне, сондай-ақ Орталық Азияның тарихи-мәдени мұрасына қызығушылық танытқандарға арналған.

Жинаққа енгізілген мәтіндер авторлық редакцияда берілген.

Сборник материалов Международного научно-практического семинара «ГородищаТалгар и Каялык как компоненты Чанъань-Тяньшанского коридора Шёлкового пути» включает статьи, посвященные актуальным проблемам наследиеведения, изучения, сохранения и управления наследием памятников Центральной Азии. Среди авторов археологи, музейеведы и реставраторы.

Издание адресовано историкам искусства и архитектуры, археологам, специалистам по исторической урбанистике, музейедам, преподавателям и студентам вузов, а также всем, кто интересуется историко-культурным наследием Центральной Азии.

Включенные в сборник тексты представлены в авторской редакции.

ISBN 978-9965-23-624-2

СОДЕРЖАНИЕ

Аманбаева Бакыт Элтиндиевна Жолдошов Чынарбек Маматович ЧАНЬ-АНЬ-ТЯНЬШАНСКИЙ КОРИДОР ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ: СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЧУЙСКИЕ ГОРОДИЩА КРАСНАЯ РЕЧКА, АК-БЕШИМ И БУРАНА.....	5
Нямдагийн Ганбат Батсуурийн Батцоож ВЕЛИКИЙ ЩЁЛКОВЫЙ ПУТЬ И СИНИЙ ФАРФОР: УЗОРЫ И ФОРМЫ	13
丁岩、魏铖 中国陕西省考古研究院 Mukhtarova Gulmira Railovna Tulegenov Turali Zhaksylykovich Kurbanali Zhazira 哈萨克斯坦伊塞克国家历史文化博物馆 中哈两座高等级墓葬封堆的初步比较 览中国汉武帝时代与哈萨克斯坦塞人时代 PRELIMINARY COMPARISON OF THE MOUND OF TWO HIGH-GRADE TOMBS IN CHINA AND KAZAKHSTAN THE ERA OF EMPEROR WUDI OF HAN IN CHINA AND THE ERA OF THE SAKA KAZAKHSTAN.....	42
Дуйшаналиева Айсин Тунжуровна Терещенко Олеся Владимировна ВАЛОРИЗАЦИЯ II-ГО БУДДИЙСКОГО ХРАМА – КОМПОНЕНТА ОБЪЕКТА ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ ЮНЕСКО – ГОРОДИЩА «КРАСНАЯ РЕЧКА».....	48
Плетникова Лариса Николаевна ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ АРТЕФАКТОВ: ТЕНДЕНЦИИ, СЛОЖНОСТИ, ВОЗМОЖНОСТИ	56
Самибаев Масуд Кимович РОЛЬ ВЕЛИКОЙ ШЕЛКОВОГО ПУТИ НА СТАНОВЛЕНИЕ СОГДИЙСКОГО ИСКУССТВА В IV-VI ВВ.....	72
Саидзода Савриддини Сайдамир ТАХТИ САНГИН – ВАЖНЕЙШИЙ ПАМЯТНИК АМУДАРЬИНСКОГО КОРИДОРА НА ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ	82

Claudia Chang Ivanov Sergei Sergeivich Perry Tourtellote DIACHRONIC CHANGE AND THE FORMATION OF NOMADIC CONFEDERACIES IN CENTRAL AND NORTHERN TIAN SHAN MOUNTAIN VALLEYS IN THE 1ST MILLENNIUM BC TO THE EARLY MEDIEVAL PERIOD	89
Chen Wei THE SILK ROADS AS A SKILLED PRACTICE	95
Li Erwu THE STUDY OF THE WORLD CULTURAL HERITAGE IN DANGER: IN VIEW OF THE COMPONENT IN DANGER WITHIN SERIAL PROPERTIES.....	99
Абсеметов Марат Оралбаевич УЙСУНЕ ЖЕТЫСУ: ВЗАИМОСВЯЗЬ ВРЕМЕН.....	108
Алтынбеков Кырым Касенханович Алтынбекова Элина Кырымовна Досаева (Алтынбекова) Дана Кырымовна КОНСЕРВАЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ РЕЗЬБЫ ПО СЫРОЙ ГЛИНЕ ИЗ ЦИТАДЕЛИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДИЩА КУЛАН.....	114
Железняков Борис Анатольевич ГОРОДИЩА КАЯЛЫК И ТАЛГАР: ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ НАСЛЕДИЯ	127
Мухтарова Гульмира Раиловна ГОРОДИЩЕ ТАЛГАР (ТАЛХИЗ, ТАЛХИР) КАК ОБЪЕКТ ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ ЮНЕСКО: СТАТУС, ПРОБЛЕМЫ, ПУТИ РЕШЕНИЯ	154
Тәжекеев Әзілхан Әуезханұлы Султанжанов Жетесби Канапияевич Бейсембаева Ләззат Серікбайқызы СЫРДАРИЯНЫҢ ТӨМЕНГІ АҒЫСЫНДАҒЫ ҚАЛАЛЫҚ МӘДЕНИЕТ ЕСКЕРТКІШТЕРІНІҢ ЗЕРТТЕЛУІ МЕН САҚТАЛУЫ (ЖЕТІАСАР, ЖАНКЕНТ ҚАЛАШЫҚТАРЫ БОЙЫНША).....	172
СЕМИНАР-ТРЕНИНГ Сергазина Карлыгаш Тулегеновна АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПРЕДМЕТ В ЭКСПОЗИЦИИ МУЗЕЯ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИЛИ НАРРАТИВ? ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА МАСТЕР-КЛАССА ПО СОЗДАНИЮ АТТРАКТИВНЫХ АННОТАЦИЙ К МУЗЕЙНЫМ ПРЕДМЕТАМ	186
Файзуллина Галия Шаукетовна ГОСТЕПРИИМНЫЙ МУЗЕЙ: КОНЦЕПТ СОЦИАЛЬНОГО ДИЗАЙНА	190

Аманбаева Бакыт Элтиндиевна
Институт истории, археологии и этнологии
Национальная Академия наук
Кыргызской Республики
Жолдошов Чынарбек Маматович
Министерство культуры, информации,
спорта и молодежной политики Кыргызской Республики
Бишкек, Кыргызская Республика
abakit_@mail.ru

ЧАНЬ-АНЬ-ТЯНЬШАНСКИЙ КОРИДОР ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ: СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЧУЙСКИЕ ГОРОДИЩА КРАСНАЯ РЕЧКА, АК-БЕШИМ И БУРАНА

Abstract: The article contains information about the emergence, development and specifics of medieval towns of the Chu Valley (Kurguz part). Special attention is paid to the settlements of Krasnaya Rechka, Ak-Beshim and Burana as objects of the Chan-An-Tian-Shan corridor of the Silk Road.

Keywords: Chu Valley, Turks, Karakhanids, Silk Road, central ruins, Islam, Buddhism, Christianity.

По данным археологии, в раннее средневековье [VI–VIII вв.] в рамках политической системы тюркских каганатов, в Чуйской долине появляется значительное количество поселений. Некоторые из них, состоящие из цитадели и шахристана, в последующее время, IX–XI вв., перерастают в крупные города, округа которых опоясываются одним или двумя кольцами, так называемых «длинных стен», достигающих в периметре от 5 до 15, а иногда, и более, километров. П.Н. Кожемяко, открывший их, считал, что именно они составляют специфику топографии чуйских городищ, функционально выполняя роль полицейско-административных рубежей городов¹. Однако это мнение разделяется далеко не всеми исследователями, так как, «феномен» длинных стен имел место и в Согде, Уструшане, Фергане и т.д.²

Эти городища расположены по всей долине, на некотором расстоянии друг от друга и от Кыргызского хребта, ограничивающего равнину с юга, и локализуются они на краю первой надпойменной террасы р. Чу и на ее крупных притоках, то есть в местах, пригодных для занятий земледелием. По данным П.Н. Кожемяко, их число достигает 18, а по В. Д. Горячевой – 21³.

Располагаются они друг от друга в пределах 15–20 км, словно маркируя своим местоположением проходящее здесь ответвление транзитной магистрали – Великого шелкового пути. Вокруг этих суб-центров, концентрируются более мелкие поселения второй группы, имеющие иногда, не менее значительные укрепления, чем у центральных развалин городищ первой группы.

Поселения описываемой группы могли выполнять различные функции – форпостов, караван-сараев, культовых комплексов. Последняя, третья группа, расположена на выходах из ущелий в долину; иногда в одном ущелье может находиться по два-три поселения. Вероятно, что они могли играть роль крепостей, контролирующих горные проходы, обеспечивающих безопасное прохождение караванов и охраняющих начало

1 Кожемяко П.Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. –Фрунзе, 1959. С.69.

2 Негматов Н.Н., Мамаджанова С.М., Мукимов Р.С. Согдийско- уструшанские традиции в радостроительстве и культуре Семиречья //Древний и средневековый Кыргызстан. – Бишкек, 1996. С. 136–144.

3 Горячева В.Д. Городская культура Тюркских каганатов на Тянь-Шане. –Бишкек, 2010. С. 49.

водоотводных и водораспределительных систем, а также следящих за стадами на летних пастбищах⁴.

Отметим, что в плане изучения городищам восточной части долины повезло гораздо больше, чем аналогичным памятникам, расположенным в ее западной части. В особенности это относится к трем памятникам – Красной Речке, Ак-Бешиму, Буране – являющимся руинами исторических городов Невакет, Суяб и Баласагун, соответственно. Они входят в число самых крупных средневековых городищ с «длинными стенами»; ранние слои Красной Речки и Ак-Бешима принято относить к VI в. Кроме того, они имеют развитые и сложные по конструкции центральные развалины, состоящие из нескольких частей – цитадели, двух шахристанов [на Красной Речке еще одной части – западной пристройки], которые занимали значительные территории от общей площади памятников [100га и 95га, соответственно], что может свидетельствовать о том, что в их генезисе и развитии заметную роль сыграли веяния из центрально-азиатских областей с более ранней урбанистической культурой. Формирование Бураны происходило в относительно позднее время и в иных историко-культурных условиях, во второй половине X в., поэтому она и отличается по структуре, что выражается в отсутствии деления на цитадель и шахристан, а основная часть имеет вид прямоугольника с длиной сторон 600 x 580 м. Однако его округа занимает настолько значительную территорию, что помимо двух кольцевых стен, имеются еще и полукольца валов⁵.

Невакет располагался на левом, южном берегу реки, а на правом берегу, практически напротив него, находилось городище Кысмычи [по разным мнением, средневековый город Якалыг или Бунджикат]. Несомненно, что эти города осуществляли контроль за переправой через Чу.

Из Невакета одно ответвление дороги уходило на запад Чуйской долины, которое также маркировано целым рядом городищ и поселений, а другое – напрямую выводило караваны на восток долины и через Кемин и Боом – в область Верхний Барсхан [здесь он повторял маршрут Сюань Цзяня] и далее, в Восточный Туркестан и Китай, а третий отрезок пути уходил на юго-восток, к Суябу, позднее к Баласагуну, от которых выводила путников на восток, затем сливаясь с прямой дорогой из Невакета на Иссык-Куль, или же, через ущелья в Кыргызском Ала-Тоо, чаще всего, по Шамси, выходил в Кочкорскую долину, где располагался Ярыш [Жарыш] – заповедник тюркешских каганов, являвшийся местом сбора и отправной точкой их походов, а также город Кочкор-Баши или по-другому еще- Каджингар-Баши⁶. Туда же можно было попасть и по дороге через Боомское ущелье⁷. Города восточной части долины были легко доступны и с запада, о чем свидетельствуют как данные археологии, так и информация письменных источников⁸.

4 Аманбаева Б.Э. Кольченко В.А., Сулайманова А.Т. Археологические памятники на кыргызстанском участке Великого Шелкового пути. – Бишкек, 2015. с.20-21

5 Кожемяко П.Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. –Фрунзе, 1959. С.70.

6 Аманбаева Б.Э. Кольченко В.А., Сулайманова А.Т. Археологические памятники на кыргызстанском участке Великого Шелкового пути. – Бишкек, 2015. с.67

7 Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические надписи на Центральном Тянь-Шане // Суяб – Ак-Бешим. – СПб. 2002. С. 141.

8 Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья [VI – начало XIII вв.]. – Алма-Ата: Наука, 1986. – 256 с.

Вышеперечисленные факторы способствовали тому, что города, расположенные в верхней части долины, стали не только центрами земледелия, локальной и международной торговли, но и местами расположения ставок политико-административной власти различных тюркских государственных образований. Что само по себе, уже становилось дополнительным фактором их интенсивного развития.

Поэтому объяснимо стремление краеведов и специалистов различных профилей с XIX в. по настоящее время к исследованию руин именно этих трех городов – Невакета, Суяба и Баласагуна (В.В. Бартольд, А.Н. Бернштам, М.Е. Массон, Л.Р. Кызласов, Л.П. Зяблин, Д.Ф. Винник, В. Г. Горячева, К.М. Байпаков, М. Елеуов, Г.Л. Семенов, Б.Э.Аманбаева, К. Ямаучи и др.). Археологический материал из раскопок вышеназванных памятников представлен в различных категориях: в компонентах градостроительства и фортификации, в элементах благоустройства, образцах культовой, жилой, производственной архитектуры, в различных видах декоративно-прикладного искусства, в памятниках эпиграфики, в разных типах погребений на некрополях, в культовых артефактах и массовых бытовых предметах, нумизматических коллекциях и т. д.

1. Средневековый Невакет [Навекат] [по согдийским источникам] или Синьчен [по китайским хроникам], отождествляемый с городищем Красная Речка, расположенный в 35 км к востоку от Бишкека, был одним из крупных городов Чуйской долины. Известен по китайским дорожникам с VII в⁹.

В согдийских источниках известен благодаря архиву с горы Муг. В частности, в брачном контракте он назван согдийским городом¹⁰. Особо значимой была роль Невакета в XII в. в качестве одного из центров сиро-несторианской церкви, наряду с Кашгаром¹¹. Непродолжительное время, в первой половине VIII в. здесь располагалась резиденция тюркешского кагана. В разные годы различными исследователями проводились раскопки на цитадели, шахристанах, так называемой «западной» пристройке, в округе, в пределах «длинных стен». Процесс их проведения и результаты хорошо известны в исследовательской литературе¹². Наиболее резонансное открытие последнего десятилетия состоялось в результате раскопок в южной части западной пристройки, где располагается комплекс, состоящий из конусообразного холма высотой 12 м, доминирующего над местностью, окруженного по периметру строениями и внушительной стеной. С востока располагаются еще два значительных по своим параметрам холма – по 25–30 м в диаметре и высотой по 3–5 м. Ранее исследователи по-разному интерпретировали назначение этого объекта: как цитадели западной пристройки¹³, в качестве буддийской ступы¹⁴, или храма огня¹⁵.

Совместные работы археологов Кыргызстана и России в 2010–2014 гг. поставили точку в этом вопросе: раскопанный восточный холм оказался входным пилоном в начале своего существования, потом перестроенного в буддийский храм, который функционировал в качестве такового все последующее время. В целле, в глубокую

9 Зуев Ю.А. Китайские известия о Суябе// Известия АН КазССР/ Серия Истории, археологии и этнографии. Алма-Ата, 1960. Вып.3(14). С.91.

10 Лившиц В.А. Согдийский брачный контракт начала VIII в. н.э. СЭ.1960. №.5. С.80-81.

11 Бартольд В.В. Работы по отдельным проблемам Средней Азии. – М.: Наука, 1964. – Т. 2. с. 285–287.

12 Байпаков К.М. Древняя и средневековая урбанизация Казахстана. – Алматы, 2012. Книга I: Урбанизация Казахстана в эпоху бронзы – раннем средневековье.

13 Чуйская долина: Труды Семиреченской археологической экспедиции. – Т. 2. – М.-Л., 1950 // МИА, № 14. с. 12.

14 Кожемяко П.Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. –Фрунзе, 1959. С.69.

15 7 Горячева В.Д. Городская культура Тюркских каганатов на Тянь-Шане. –Бишкек, 2010. С. 96–97.

алтарную нишу, была помещена глиняная скульптурная композиция, расположенная на невысоком пьедестале.

Основу ее составляла скульптура Будды, сидящего в позе лотоса, которая сохранилась *in situ* на треть своей высоты (0,7 м). По обеим сторонам от этой статуи были представлены и более мелкие фигуры других персонажей, от которых сохранились *in situ* только ступни правой фигуры середине¹⁶. А весь комплекс интерпретирован как буддийский монастырь с монументальной ступой в центре¹⁷. Исследования этого многообещающего комплекса были продолжены в 2018 году кыргызско-китайской экспедицией. На первом этапе совместных исследований проведено документирование основного объекта исследований, получившего обозначение как Раскоп-5d(R-5d). В этом сезоне, коллеги приступили к реализации запланированным ранее раскопочным работам. Следует отметить, что в исследовательской литературе, Красная Речка, традиционно датируется VI – началом XIII вв. Но, в последнее время, наметилась тенденция к «омоложению» нижней даты некоторых частей города, в частности, даты возведения стен шахристанов 1 и 2, в середине или даже в конце VIII в¹⁸.

2. Со столицей государственных образований западных тюрок, тюркешей, карлуков – Суябом [тюркское название города Орду], однозначно отождествляется городище Ак-Бешим, находящееся в 10 км к юго-западу от современного города Токмок. Известен он и по китайским источникам. В частности, Сюань Цзянь, посетивший его в 629 г., пишет о том, что в окружности город имел 6–7 ли, и что земледельцев и торговцев там поровну¹⁹. В VII- VIII вв. здесь располагался гарнизон Танского Китая [648–719 гг.]. Связан он был и с тибетцами, во время их краткосрочного возвышения на Тянь-Шане (680–709 гг.).

В середине X в, после перемещения столичного центра Караханидов на территорию городища Бурана (Баласагун), расположенного в 6 км к юго-востоку от Ак-Бешима, жизнь здесь продолжалась в течение XI–XII вв. Результаты исследований в разных частях городища – на цитадели, двух шахристанах, в округе, также хорошо известны в литературе²⁰.

В 2012-2013 гг. исследования проводились кыргызстанскими и японскими археологами из Национального института сохранения культурных ценностей (г. Токио) в рамках проекта «Сохранение культурного наследия Центральной Азии». Новый раскоп был заложен в центральной части шахристана- 1, на пересечении двух удлинённых впадин, отчетливо выделяющихся на аэрофотосъемках. Одна из которых, имеющая длину 600 м, вытянута с востока на запад; вторая, длиной 500 м, простирается от северных ворот к южным, пересекаются они под прямым углом почти в центре первого шахристана. Выбор этого участка продиктован был тем, что во время предварительного изучения микро-топографии городища в 2011 г. появилось предположение, что впадины сформировались, вероятно, на месте магистральных улиц средневекового

16 Торгоев А.И., Кольченко В.А., Кий Е.А. и др. Буддийский монастырь городища Красная Речка (некоторые итоги работ 2010–2013 гг.) // Древние цивилизации Средней Азии. – М., 2014. – С. 126–130.

17 Торгоев А.И., Кольченко В.А., Кий Е.А. и др. Буддийский монастырь городища Красная Речка (некоторые итоги работ 2010–2013 гг.) // Древние цивилизации Средней Азии. – М., 2014. – С. 126–130.

18 Торгоев А.И., Кольченко В.А. К стратиграфии и датировке нижних слоев Краснореченского городища // Древние культуры Евразии: Материалы международной конференции, посвященной 100-летию А.Н. Бернштама. – СПб. Инфо-ол, 2010. – С. 301–310.

19 Зуев Ю.А. Китайские известия о Суябе // Известия АН КазССР/ Серия Истории, археологии и этнографии. Алма-Ата, 1960. Вып.3(14). С.91.

20 Кызласов Л.Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953-1954 гг. // ТКАЭЭ. 1959 а. Т.2. С.155-237.

города. В результате чего, в центре шахристана-1, был заложен Раскоп-13, по верхнему горизонту которого, на глубине 1,1–1,2 м, был вскрыт участок улицы, поверхность которой была покрыта наброской из щебня и шлакообразных отходов. От нее на восток и запад отходили небольшие проулки. Вдоль основной магистрали располагались дома с сырцовыми стенами толщиной до 0,8–1,0 м. Полученный вещественный материал дал основание для датировки этого горизонта караханидским временем²¹. В сезоны 2015–16 гг. уже в сотрудничестве с коллегами из Университета Тейкё [Токио] работы были продолжены в западной части раскопа, где вскрыт очередной слой культурных остатков, в котором основные архитектурно-планировочные решения повторяют вышележащие. В частности, вдоль главной улицы в пределах Раскопа-13 вскрыто три продолговатых блока с фиксированной шириной около 6 м, каждый из которых имел основное помещение, примыкавшее к главной улице. Этот горизонт датируется в пределах первой половины – середины XI в.²² В 2021-2023 гг. проведены работы по уточнению и фиксации внешних фасадных стен сооружений «А» и «В» (южной и восточной) христианского комплекса, расположенного на этом же шахристане.

Кроме того, исследовалась и территория, расположенная между внешней южной стеной сооружения «А» и южной стеной городища. Аналогично – площадка между внешней восточной стеной сооружения «А» и восточной стеной городища.

Получен значительный вещественный материал; повышенный интерес исследователей вызвали найденные в 2022 г., на глубине 35-50 см., в слое завала, железные пластины (как целые, так и фрагменты) от панцирного доспеха.

Вместе с этими пластинами, были найдены и небольшие железные кольца, скорее всего, от кольчуги, а также железные пластины с позолотой, которые, возможно, являются частями доспехов и поясов. Дата по С-14 определяет их возраст примерно второй половиной XI века. Следует отметить, что это не первый случай нахождения таких предметов на этом объекте. Во время работ 1998 года, также было обнаружено около 100 целых и фрагментированных пластин такого же доспеха.

С восточной стороны к основному (первому) шахристану примыкал шахристан-2, называвшийся исследователями по-разному – «киданьским кварталом», «рабадом», «второй частью центральных развалин». В центре этой части городища располагался торткуль, размерами 200 x 300 м. В 2015 г. здесь проведены разведывательные работы, и по их результатам, в сезон 2017 г., заложен Раскоп-15. По верхнему горизонту, которого вскрыта концентрация сероглиняной черепицы на площади 25 x 2 м, вероятно, являющихся остатками покрытия крыши здания; а также обнаружена дорожка из разноцветных камней, выложенных в форме цветочного орнамента, характерного для садово-парковых ансамблей танской эпохи. В сезон 2023 года, скопление черепицы открыто и к югу от предыдущего местонахождения. Из вещественного материала, особый интерес вызывают черепки с надписями на согдийском и китайском языках, а также фрагменты буддийских стел из красного песчаника с иероглифами, найденные во время работ 2023 года. Таким образом, исследования, проведенные в последнее двадцатилетие – раскопки комплекса христианских церквей на шахристане-1 и престижного комплекса на цитадели²³, жилой и производственный комплекс на том же

21 Аманбаева Б.Э. Кольченко В.А., Сулайманова А.Т. Археологические памятники на кыргызстанском участке Великого Шелкового пути. – Бишкек, 2015. с. 31

22 Аманбаева Б, Кольченко В, Ямаучи К, Мочизуки Х, Кушихара К. Отчет об археологических исследованиях на городище Ак-Бешим за 2016г. Бишкек- Токио, 2017. с.13, илл. 2,3.

23 Суяб-Ак-Бешим. СПб, 2002.

шахристане²⁴, а также наши работы на Раскопах-13 и 15, дают основания для сомнения в правильности тезиса, ранее выдвинутого Л. Р. Кызласовым, о прекращении жизни на Ак-Бешиме в X в²⁵.

Суяб-Ак-Бешим, перестав быть столицей, в качестве рядового города функционирует весь караханидский период. Тем самым, общая датировка городища может быть предложена в пределах VI–XII вв.

3. Средневековый Баласагун [Куз-Орду, Куз-Улуш], отождествляемый с городищем Бурана, расположен в 14 км южнее г. Токмока. С середины X в. до 30-х годов XII в. он был столицей Караханидов, первой династии тюркского происхождения, официально принявшей ислам; с 30-х годов XII в. до начала XIII в. – империи Западный Ляо [каракиданей, кара-китаев], а с 1211 по 1218 гг. – найманов. При монголах, в начале XIII в., город получил название Гобалык и просуществовал до XIV.

Городище с конца XIX привлекало российских исследователей, прежде всего, сохранившимся до наших дней средневековым минаретом из жженого кирпича и считающимся одним из самых ранних сооружений этого типа в среднеазиатском регионе. С учетом характера декора и некоторых рудиментарных конструктивных особенностей, датой его сооружения принято считать конец X в²⁶. Можно с уверенностью сказать, что с изучения этого минарета и некоторых других объектов, расположенных возле него и за пределами основной части городища, начинаются дореволюционные исследования средневековых городов Чуйской долины²⁷. Наличие минарета и мусульманского некрополя около него, включавшего руины трех мавзолеев из жженого кирпича, мусульманских надгробных камней-кайраков, а также остатков мечети-хазира(?) к северо-западу от указанного комплекса, явилось одним из веских аргументов в пользу признания большинством исследователей, современное отождествление памятника со средневековым городом Баласагуном.

Находкой, вызвавшей интерес исследователей, стала находка, сделанная сотрудником местного музея, в начале 2000-х годов. Около тепе, расположенного в 1, 5 км к востоку от минарета, в пределах второй кольцевой стены, при распашке земли была обнаружена каменная скульптура, сохранившаяся не полностью. Статуя, выполненная в 2/3 человеческого роста из местного камня красного цвета, представляет образ фронтально стоящего буддийского персонажа, одетого в широкое, с драпированными складками, одеяние. Передняя ее сторона, по всей вероятности, специально была повреждена еще в средневековье, голова утрачена, а торс и ноги расколоты на два фрагмента.

Ее обнаружение поблизости от монументальной постройки, коим может являться тепе, сигнализирует, возможно, о том, что последняя может быть руинами буддийского храма. Впрочем, это не первая находка на городище, связанная с этой религией. Маленькая бронзовая статуэтка бодхисатвы (около 5 см) была обнаружена Л. М. Ведутовой в 80-х годах прошлого века в одном из сырцовых кирпичей, при раскопках сооружения на западном холме близ минарета²⁸. Эти факты, равно как и то, что на основной территории

24 Ведутова Л.М., Куримото Ш. Парадигма раннесредневековой тюркской культуры: городище Ак-Бешим. – Бишкек: Алтын Тамга, 2014. – 166 с.

25 Кызласов Л.Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953-1954 гг.//ТКАЭЭ. 1959 а. Т.2. С.155-237.

26 Горячева В.Д. Городская культура Тюркских каганатов на Тянь-Шане. –Бишкек, 2010. С. 96–97.

27 Горячева В.Д. Средневековые городские центры и архитектурные ансамбли Киргизии: Научно-популярный очерк. – Фрунзе: Илим, 1983.

28 Аманбаева Б.Э. Кольченко В.А., Сулайманова А.Т. Археологические памятники на кыргызстанском участке Великого Шелкового пути. – Бишкек, 2015. с. 37.

городища в середине 70-х годов XX века, были обнаружены значительные фрагменты керамических сосудов, относимых к согдийской, могут косвенно подтверждать мнение некоторых исследователей об обживании данного места, задолго до основания здесь Баласагуна²⁹.

К сожалению, в этом столетии, городище оказалось обойденным вниманием исследователей. И только в 2021 году, сотрудники кыргызско-российской экспедиции, при помощи геосканирования, попытались найти местоположение средневековой мечети, с которой и был связан здешний минарет, известный как «башня Бурана».

Все вышеописанные города, будучи центрами сосредоточения политико-административной власти, экономики и торговли, местами проживания представителей различных этносов и религий, сыграли ощутимую роль в истории, политике и культуре центрально-азиатского региона в эпоху средневековья. Поэтому они, в формате «чаньянь-тянь-шаньского коридора» серийной транснациональной номинации ЮНЕСКО «Памятники Великого шелкового пути», были внесены в Список природного и культурного наследия в 2014 г.

Использованные источники и литература:

- Аманбаева Б.Э. Кольченко В.А., Сулайманова А.Т. Археологические памятники на кыргызстанском участке Великого Шелкового пути. – Бишкек, 2015.
- Аманбаева Б., Кольченко В., Ямаучи К., Мочизуки Х., Кушихара К. Отчет об археологических исследованиях на городище Ак-Бешим за 2016г. Бишкек-Токио, 2017.
- Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья [VI – начало XIII вв.]. – Алма-Ата: Наука, 1986. – 256 с.
- Байпаков К.М. Древняя и средневековая урбанизация Казахстана. – Алматы, 2012. Книга I: Урбанизация Казахстана в эпоху бронзы – раннем средневековье.
- Бартольд В.В. Работы по отдельным проблемам Средней Азии. – М.: Наука, 1964. – Т. 2.
- Брыкина Г.А. Юго-Западная Фергана в первой половине I тысячелетия нашей эры. – М.: Наука, 1982.
- Ведутова Л.М., Куримото Ш. Парадигма раннесредневековой тюркской культуры: городище Ак-Бешим. – Бишкек: Алтын Тамга, 2014. – 166 с.
- Горячева В.Д. Средневековые городские центры и архитектурные ансамбли Киргизии: Научно-популярный очерк. – Фрунзе: Илим, 1983.
- Горячева В.Д. Городская культура Тюркских каганатов на Тянь-Шане. – Бишкек, 2010.
- Зуев Ю.А. Китайские известия о Суябе // Известия АН КазССР/ Серия Истории, археологии и этнографии. Алма-Ата, 1960. Вып.3(14). С.91.
- Кожемяко П.Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. – Фрунзе, 1959.
- Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические надписи на Центральном Тянь-Шане // Суяб – Ак-Бешим. – СПб. 2002.
- Кызласов Л.Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953-1954 гг. // ТКАЭЭ. 1959 а. Т.2. С.155-237.
- Лившиц В.А. Согдийский брачный контракт начала VIII в. н.э. СЭ.1960. №.5. С.80-81.
- Массон М.Е., Горячева В.Д. Бурана: история изучения городища и его архитектурных памятников. Фрунзе, 1985.
- Негматов Н.Н., Мамаджанова С.М., Мукумов Р.С. Согдийско-уструшанские традиции в градостроительстве и культуре Семиречья // Древний и средневековый Кыргызстан. – Бишкек, 1996. – С. 136–144.
- Суяб-Ак-Бешим. СПб, 2002.

29 Байпаков К.М. Древняя и средневековая урбанизация Казахстана. – Алматы, 2012. Книга I: Урбанизация Казахстана в эпоху бронзы – раннем средневековье. С. 227-228.

- Торгоев А.И., Кольченко В.А. К стратиграфии и датировке нижних слоев Краснореченского городища // Древние культуры Евразии: Материалы международной конференции, посвященной 100-летию А.Н. Бернштама. – СПб, Инфо-ол, 2010. – С. 301–310.
- Торгоев А.И., Кольченко В.А., Кий Е.А. и др. Буддийский монастырь городища Красная Речка (некоторые итоги работ 2010–2013 гг.) // Древние цивилизации Средней Азии. – М., 2014. – С. 126–130.
- Чуйская долина. Труды Семиреченской археологической экспедиции (МИА№ 14).М-Л, 1950.
- **Сокращения:**
- ТКАЭЭ- Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции
- МИА- Материалы и исследования по археологии СССР
- УСА- Успехи среднеазиатской археологии
- СЭ- Советская этнография

**ВЕЛИКИЙ ЩЁЛКОВЫЙ ПУТЬ И СИНИЙ ФАРФОР:
УЗОРЫ И ФОРМЫ**
(на примере артефактов империи Юань и династии Мин Фонда
Национального дворца-музея Тайваня)

Abstract. The development of porcelain and porcelain culture cannot be considered separately from Chinese history. As a result of the trade and cultural exchange that took place on the Silk Road since ancient times, blue porcelain was created by combining Arabic and Chinese techniques. In other words, it is said that during the Yuan Dynasty, the development of blue porcelain was brought to a new stage when polycarbonate, cobalt or albino stones were transported by camel weight and made by artisans in Jindezheng.

But this time, from the point of view of use and shape, blue porcelain related to the Mongolian Yuan Dynasty and Ming Dynasty, which is stored in the Imperial Palace Museum of Taiwan. Cup, b. Plate /includes dish-like container/, c. Cup /cup/, trophy, etc. Kettles, pots, and bowls, e. Bumba /humkh/ and boypor, f. In the form of Dasmag, yo. Classified as other vases and based on these, blue porcelain decorations and patterns were classified as 1. Flowers and plants, 2. Religious and symbolic, 3. People and animals, and 4. Natural scenes.

Keywords: Ceramics and types of porcelain, blue porcelain, names, types of ceramic furnaces; characteristics of ceramics made in these furnaces; types of glaze, names and characteristics; patterns of blue porcelain, their types and characteristics, museum collection of the National Museum of Taiwan.

I. История керамики и синего фарфора

До недавнего времени считалось, что использование глиняной посуды связано с переходом от кочевого образа жизни к оседлому и что только оседлый народ занимался этим ремеслом. Однако изучение керамики, выявленной в захоронениях и погребениях древних кочевников, показало, что люди степи также как и оседлые люди, занимавшиеся земледелием изготавливали свою уникальную керамику из глины, которой было в изобилии в их землях. Однако среди земледельцев эта керамика была развита с лучшим мастерством и множеством типов.

В древности изделия из глины создавались для бытовых нужд, но с развитием навыка человека их формы, виды, украшения становятся разнообразными. В наше время керамика стала произведением искусства, выходящим за рамки повседневного использования. В период неолита, или от позднего неолита до раннего бронзового века изобретение гончарного круга было новаторством, что имело прямое влияние на улучшение формы и качества керамики. Изучая керамику оседлых и кочевых народов, можно определить уровень промышленного развития этих двух цивилизаций.

Неотъемлемой частью китайской культуры является фарфор и фарфоровая посуда разного предназначения. Считается, что китайский фарфор появился в период палеолита, а высокотемпературный обжиг был открыт в период династии Чжоу (11-8 вв. до н.э.)³⁰. И чуть позже китайские мастера керамику стали покрывать защитной краской

30 中国古代陶瓷文献影印辑刊。景德镇陶瓷学院 中国陶瓷文化研究所(套装共30册)、第一辑。世界图书出版公司
广东有限公司。2013年。傅振伦。中国古陶瓷文献学(二)。《景德镇陶瓷》1993年04期

или же наводить глазурь^{31*}. Древние китайские мастера изготавливали керамику для императорского дворца и знати следующие виды керамических изделий, как предметы повседневного обихода, так и для религиозных церемоний (чаши с основанием (鉢-bo) для ритуалов), чаши с округлым дном / или же без основания / (碗-wan), кубки-бэй (杯), плоские тарелки, миски (盤-pan) и тарелки с краями (盆-pan), чаша (豆-доу) на высоких ножках, вазы с широким горлышком и выпуклыми боками (釜-fu), чаши на трех ножках (鼎-дин), ваза (罐-guan) и чайники для заварки (壺-hu)³² и т.д. Позднее уазанные изделия стали изготавливать и для простого народа. В древнем Китае, а точнее в культуре Яншао, керамику украшали узорами в виде прямых линий, завитков, треугольников и волнистой линии. Эти изделия отличались более тонкой обработки, они стали приобретать более сложные формы. Отличительный цвет керамики данной культуры – ярко-оранжевый цвет. Во времена культуры Луншань (начало III-го тыс. до н. э. - II-е тыс. н. э.) с использованием примитивных ручных гончарных кругов сырую заготовку стало легче формовать. Керамика луншаньской культуры характеризуется глубоким черным цветом. Начиная с периода Шань-Ин, керамику покрывают глазурью, что делает ее более красочной и прочной. Выделка фаянса относится к VI в.у до н. э. Первые виды фаянса изготавливались в провинции Хэнань. На ранних стадиях своего развития китайский фарфор почти без узоров и рисунков, но поэты того времени восхваляли этот фарфор в своих стихах, сравнивая утонченность с бумагой, восхищаясь его прозрачностью, глазурью, сияющую белоснежным светом и чистым подобно звучанию колокольчика звуком*.

В Китае изготовление, обжиг керамики и фарфора считается искусством огня. Искусство вылепки керамики и фарфора зависит от качества сырья и мастерства мастера, а самое главное – от правильного обжига в печи, умения поддерживать нужную температуру. Сколько бы замысловатых вещей ни делал художник из качественной глины, в конечном счёте огонь все решал. Поэтому создание высокой температуры в течение длительного времени для обжига сырой глины и правильное поддержание силы огня, считалось главной задачей даже более важной, чем изготовление сырых изделий из глины. И на обжиг сырых заготовок собирались всей деревней. Чтобы обжечь все заготовки правильно и без браковки, собирались всем селом, все ремесленники разных школ и технологии вместе начинали процедуру обжига заготовок в большой печи. Такая печь долго разогревается до необходимой температуры, а поддержание равномерного нагрева требовала большой сноровки, чуткости и сообразительности, поэтому несколько недель уходило только на подготовку к обжигу.

Остановимся вкратце на печках для обжига керамики и фарфора. Ведущие печи для обжига древнего и средневекового Китая, располагались на территории современной провинции Чжэцзян. Это Цзюнь Яо (钧窑jun yao), Чжу Яо (汝窑zhu yao), Гуань Яо (官窑guan yao), Гэ Яо (哥窑ge yao), Дин Яо (定窑ding yao), Лунчуаньяо (龙泉窑long quan yao), а также и Оу яо(瓯窑ou yao)³³.

Чжу Яо (汝窑-zhu yao)³⁴: это общее название селений-мастерских, производивших светло-зеленый фарфор с блестящей, прозрачной глазурью “чинцы”(青瓷-qing ci). Эти мастерские располагались вокруг города Баофэни (宝丰) округа Чжу Чжоу汝州 (современная провинция Хэнань), и занимались гончарным ремеслом, начиная с эпохи

31 глазурь – 珐琅falan-китайское слово, бесцветное(также называют молочного цвета) вещество ею покрывают изделие из дерева, металла, керамику и фарфор как защитное средство.

32 沈泓。瓷器。华龄出版社。2011年

33 聚考拉。中国古代十大历史名窑排行榜。文库开学。2018-10-02。wenku.baidu.com

34 汝窑瓷器的特征。网易新闻[引用日期2013-12-15]

Пяти династий (также известного как Периода Пяти государств варваров, 907-960 гг.) вплоть до маньчжурской династии Цин (1840-1911). Изящные, фарфорные чайные сервизы (柴-чай) поставляли в столицу Кайпин. Фарфор, обожженный в печи Чжу Яо, характеризуется своей изящной формой и мягким цветовым оформлением. Древние китайские поэты и более позднего периода восхваляли фарфор Чжу Яо – «голубой, как небо»: Гладкий фарфор, цветом нефрита, с замысловатыми узорами, как крылья ястреба, и сияющая, как утренняя заря». Однако в 1127 г. чжурчжэни захватив город Кайпин выслали императорскую семью вместе с 14 000 подданными в нынешнюю Маньчжурию, где император умер через восемь лет. Мастера фарфора сосланные вместе с императором, как подданные его, унесли с собой секреты фарфора «чжу яо». Позже было предпринято множество попыток имитировать этот фарфор, но ни одна из них не была такой как подлинный Чжу Яо. В настоящее время около 21 образцов фарфора Чжу Яо находятся в Национальном музее Тайваня, 17-в Пекинском музее. Небольшое количество этого фарфора хранится в Шанхайском музее, в Британском музее китайского искусства и у частных коллекционеров.

Согласно источникам и исследованиям истории фарфора было много типов фарфора Чжу Яо, до наших же дней сохранились фарфоровые изделия небесно-голубого (天藍-tian lan), белоснежного (粉青fen qing) и юэ бай (月白- юэ бай)-лунно-белого.

Во время движения «Восстановление культурного наследия» в Китае, в 1952 г.у была развёрнута работа по восстановлению технологии мастерской Чжу и исследование источников. В 1958 г.у была воспроизведена глазурь цвета зеленого гороха (豆绿繅- dou liu yu), чуть позже, в августе 1983 г.а была воссоздана небесно-голубая глазурь (天藍繅-тянь лань юй). По мнению китайских исследователей и специалистов по керамике, оба воссозданных типа фарфоровых изделий по качеству работы да по другим показателям, намного превосходили изделия мастерской Чжу Яо, династии Сун.

Печь Гуан Яо (官窯guan yao)³⁵, также располагалась недалеко от города Кайпин, но некоторая часть ее была разрушена монгольским нашествием, а оставшая часть уничтожена во время наводнения происшедшее в XVII в.е. Так бесследно исчезла технология Гуан яо. Сегодня историю и особенность фарфора Гуан яо можно прочесть в письменных источниках Древнего Китая, а в музеях можно увидеть лишь небольшое количество артефактов дошедших до наших дней. Одной из характеристик обожженного в печи фарфора Гуань Яо является узкий край или «коричнево-розовый обвод» вокруг горлышка фарфорового сосуда. Эта оправа имеет различные цвета от бледно-коричневого до коричневатого-красного и создается путем окисления железа в составе защитного покрытия или эмалевого состава. Керамика из мастерской Гуань Яо была покрыта бледно-голубой, бледно-зеленой, пурпурной и оранжевой глазурью. Поэтому фарфор этой печи назывался «紫口铁足» или «с коричнево-фиолетовой горловиной и железными ножками». Кроме того, с точки зрения внешней формы и дизайна технологии обжига печей Гуан Яо схожи с Чжу Яо, потому что мастера использовали то же сырье (глину), тот же состав покрытия, краски или глазури и метод обжига.

35 The chemical composition of blue pigment on chinese blue-and-white porcelain of theyuan and ming dynasties (AD 1271–1644). R. Wen, C.S. Wang, Z. W. Mao, Y.Y. Huang, A.M. Pollard. University of Oxford. 2007, pp. 1-15; 南宋顾文荐《负暄杂录》记载：“宋宣政间（宣和、政和即公元1111—1125年）京师自置窑烧造，名曰“官窑”，南宋叶寘在其《垣斋笔衡》中对北宋官窑亦有记载：“政和京师自置窑烧造，名曰“官窑” 张小哥66.公选课历代名瓷鉴赏论文。百度文库。2014-04-15. Wenku.baidu.com

Жун яо (均窯jun yao-(ныне округ Чжунчжоу, провинция Хэнань)³⁶ в печах для обжига производили замысловатые керамические изделия и фарфор с многослойной глазурью таких цветов, как оранжевый, фиолетовый, ярко-красный, темно-бордовый, зеленый и ярко-синий. Различные цвета производятся в зависимости от состава кремниевой земли, свинца, железа, фосфора и меди, а также температуры горения. Технология обжига была очень тонкой и достигала в некоторых случаях 1380° С. При такой высокой температуре браковывалось более 70% заготовок. Сегодня артефакты печи Чжун яо чрезвычайно редки и считаются одним из самых дорогих фарфоровых артефактов.

Изделия **Диняо** (定窯ding yao-округ Баодин 河北省保定市, современная провинция Хэбэй)³⁷ были очень тонкими, но уникальными в своем белоснежном фарфоре с простыми формами и сложным дизайном. Также с точки зрения декора для него характерны резные и нарисованные изображения, такие как волны, пары рыб, зверей, пары распустившихся цветов и двое или более (обычно четное число) играющих детей. На некоторых образцах вместо узоров присутствуют золотые и серебряные рамки.

Лунчуань (龙泉窯long quan yao-печь источника дракона)³⁸ – один из известных исторических и культурных центров, расположенных на стыке провинций Чжэцзян, Цзянси и Фуцзянь. Десятки печей, разбросанных по этой территории, были созданы ещё в X в.е. За свою долгую историю развития они получили общее название Лун Чуань (или Источник дракона). Обычно, если дверь печи расположена у подножия горы, то дымоход или же конец печи помещали на вершине горы. Выстроенная таким образом в подножье печь постепенно поднимающаяся на возвышенность, напоминала гигантскую извивающую змею, из-за чего ее и назвали – «дракон».

История печей **Гэ яо** (哥窯ge yao), **Ди яо** (弟窯di yao)³⁹ опирается на легенду. Согласно письменным источникам древнего Китая, давным-давно два брата рода Чжан (章) государства Западная Цзинь (265–316 гг. н. э.) основали печь для обжига фарфора. Позднее печь, построенную братьями назвали Гэ яо (哥窯), или печью старшего брата – Ди яо (弟窯), или печью младшего брата. С середины правления династии Тан (608–907 гг.) была создана печь Тунгуань яо (铜官窯tong guang yao), и мастерская начала производить красочный узорчатый фарфор, который был очень популярен в своё время. В декоре фарфора данного периода преобладали зеленые и красные цвета с коричневой и желтой глазурью. В качестве декора сосуда украшали строками из стихов, слов благопожеланий, изречений мудрых, просветленных и т. д.

Печь **Юэ яо** (越窯yue yao)⁴⁰ представляет один из основных центров производства древнекитайского фарфора «селадон». Она существовала в промежутке времени

36 The Chemical Composition Of Blue Pigment On Chinese Blue-And-White Porcelain Of The Yuan And Ming Dynasties (AD 1271–1644). R. Wen, C.S. Wang, Z.W. Mao, Y.Y. Huang, A.M. Pollard. University of Oxford. 2007, pp. 1-15., Sky-blue-glassed Plate with Begonia-shaped Design, June ware. The Northern Song dynasty / the collection of the Palace museum. Beijing. 2013.

37 未知。河北定窑陶瓷兴衰历史探及现状阐述。1005-5312 (2019) 03-0054-01北京艺术博物馆。中国定窑[M]。北京：中国华侨出版社，2012

38 龙泉窑。浙江省龙泉市 3-228. 1988. – 四川省人民政府关于同意成都市调整龙泉驿区等15个县(市、区)部分乡镇行政区划的批复(川府民政(2019)24号)。四川省民政厅[引用日期2019-12-24]。-《成都市龙泉驿区志(1989—2005)》，成都市龙泉驿区地方志编纂委员会，方志出版社，2013年2月第1版p 41

39 王世贞[撰]《宛委余编》卷十五 //丛书主编:[清]阮元江苏古籍出版,1988

40 吴隼, 罗宏杰, 李其江等. 越窑、龙泉及南宋官窑青瓷等我国南方青釉名瓷的元素组成模式和显微结构特征.《硅酸盐学报》, 2009 - 吴隼, 李家治, 郭景坤, 徐锴等. 各地出土越窑青瓷胎釉微量元素的研究.《中国科学: 技术科学》, 1999

Восточной Хань (東漢 NT 206-NT 220) – Сун (宋朝 NT 960-1279) и находилась на территории современной провинции Чжэцзян. В период династии Тан чайный сервиз дома Юэ Яо, — чашки, блюда и чайник для заварки — широко использовался в чайной церемонии. Чайная церемония и керамика Юэ Яо неразрывно связаны между собой.

Печь **У жоу яо**(婺州窯 wu zhou yao)⁴¹— одна из известных печей для обжига фарфора эпохи династии Тан располагалась на территории современной провинции Чжэцзян. В печи У жоу производился в основном фарфор цвета морской воды или тускло-зеленого, и желто-зеленого цветов, а также блестящий черный, коричневый, пестрый или темно-оранжевый, украшенный вертикальными и косыми линиями.

Печь **Оу яо**(甌窑 ou yao)⁴² – располагалась на обоих берегах реки Миньцзян, в крупном центре фарфоровой промышленности на территории современного города Вэньчжоу, провинции Чжэцзян. Поскольку в древние времена эта река называлась Оу, печь для обжига фарфора была названа Оу. В письменных источниках древнего Китая, а точнее в оде восхваления, пишут, что «хочешь хороший фарфор, отправляйся в восточную Оу». Поэт эпохи династии Западная Цзинь – Фан Ань (潘安 (247年-300, получивший при рождении имя Фан Юэ (潘岳), написал в своем сборнике 《笙英-воспеваниекрасоты》”披黄苞以授甘，倾缥瓷以酌醪” следующие строки: “хочешь вкус жизни познать, расстели скатерть, украшенную желтыми цветами и налей ароматный чай в звонкую фарфоровую чашу”.

В южных регионах древнего Китая изготавливались керамика и фарфор из глины “каолин”. Эти изделия, являющиеся уникальными и неповторимыми произведениями искусства, стали большим шагом в развитии традиционного фарфорового ремесла. Они сыграли роль одного из катализаторов экономики и культуры древнего Китая. Тайна технологии и его метод изготовления было семейным секретом, передавались от отца к сыну, а император и чиновники не только поддерживали, но и строго следили за сохранением секрета фарфора и всемерно поощряли его производство. Фарфор, как и шелк было одним из основных рычагов внешней политики древнего Китая.

Традиция печи **Маньтоу**(馒头窑 mantou yao)⁴³ была основана в период Сражающихся царств (V-III в.а) в период монгольской империи Юань. Под покровительством монгольских императоров производился фарфор по вкусу монгольской знати. Своё название он получил из-за круглой формы основания и и куполообразной вершины. История печи корнями уходит в глубокую древность. Эта печь с квадратным отверстием наверху для дыма имела 2-3 м в основании и 1-3 м в высоту. Круглая в основании и куполообразная вершина считалась самой удобной для равномерного обжига заготовок в печи и самое главное, для равномерного распределения температуры огня. Согласно сведениям письменных источников, в период Сражающихся царств печь была реконструирована и устроена так, что огонь разводился не внизу обжигаемой заготовки, а сбоку, форма печи стала более вертикальной и овальной формы, что и послужило поводом назвать печь «маньтоу». Реконструированная печь имела 2,7 м в основании, 4,2 м в ширину и около 5 м в высоту. Горячий воздух поступал через наклонную трубу и через три небольших прямоугольных дымохода в основной отсек для обжига. Перед обжигом, заготовки укладывали в несколько рядов в зоне обжига и циркуляции горячего воздуха. Когда отсек для обжига был наполнен сырыми заготовками, дверной проём закладывали сырыми кирпичами. Вышеупомянутые фарфор и керамика Дин-яо и Чжу-яо, обжигались именно в печи «маньтоу». Эта печь используется и сейчас.

41 《陶瓷研究》2015年第4期 124-127 页 共4页

42 张仁。甌窑的主要工艺特点及艺术成就。《甌窑寻脉》节录。2017年。

43 江宁编著,名窑名瓷图鉴,黄山书社,2014.05,第5页

Традиция **Даньсин** (蛋形窑 dan xin)⁴⁴ возникла в период Десяти государств пяти варваров (五代十國 wu dai shi guo NT 907-960). В это время была создана печь овальной формы под названием Danxing (蛋形 dan xin-яйцообразная печь). Это печь с куполообразной крышей имела дугообразную арку и с высокую трубу. Основная часть печи вкопана в землю, на поверхность земли выходит длинная труба и верхняя часть куполообразной крыши. Площадь отсека для обжига составляет 150-200 м³, а высокая труба создаёт хорошие условия для тяги воздуха. Если в других печах для поддержания огня сжигали уголь и дрова, то в печи “Даньсин” пользовались только сосновыми дровами.

Печь **Цзянь яо** (建窑 jian yao)⁴⁵. в период династии Сун это была одной из крупнейших фарфоровых мастерских, находившейся на территории современной провинции Фуцзянь. В рамках этой традиции фарфоровые чашки и блюда с глянцевой черной глазурью выпускались в основном для чайной церемонии. Эмаль под воздействием горячего воздуха растекается, образуя неповторимый рис.. Печь Цзянь яо была создана в конце династии Тан и существовала с периода Пяти варваров, династии Сун, монгольской династии Юань, династии Мин, вплоть до маньчжурской династии Цин. Это также является собирательным именем нескольких мастерских домов. Печь Цзянь яо располагалась в деревне Шуйцзичжэн (水吉镇) в Уишане (武夷山市), в пригороде Наньпина (南平), находившего на территории современной провинции Фуцзянь.

Печь **Жижоу яо**(吉州窑 ji zhou yao)⁴⁶ – одна из древних печей для обжига фарфора в Китае. Она создана в конце династии Тан и достигла своего пика во времена династии Сун. Ее развитие замедлилось (или как пишут китайские историки “прекратила производство”) в период правления монгольской династии Юань. Печь Цзичжоу Яо названа в честь места и расположена в уезде Цзичжоу (ныне район города Цзиань (吉安市) в провинции Цзянси. Он характеризуется мастерством изготовления фарфора, которое полностью включает в себя традиции ремесла керамики ханьцев.

Таким образом, в результате торговли и культурного обмена на Шелковом пути, в процессе слияния китайской традиционной технологии с технологией Средней Азии, цветовых вкусов связанных с мировоззрением монгольской знати, арабской и китайской техники был создан голубой фарфор (青花瓷), который позже распространился в Европе. Согласно источникам сведениям, в период династий Тан и Сун для изготовления фарфора синего цвета сырье доставляли из Персии, но до XIV в.а фарфор, где узор украшался в синем цвете, не был популярен. И только в период правления Монгольской империи Юань, воссоединение белого каолина или же белой глины из Гаолиньшань (高齡山), находившего только на юге Китая с поликарбонатом, сырьем (содержащим диоксид меди из далекой Персии) на свет появился синий фарфор. Монгольская знать, да и весь монгольский народ испокон в.ов поклоняется “Вечно синему небу” и предпочитала цвет неба. Монгольская знать стала заказывать фарфор с узорами синего цвета, для этого специально из далёкой Персии караваном доставляли поликарбонат. Так, гончарные мастера южного Китая стали делать синий фарфор в печи “Маньтоу”.

Китайский фарфор делает уникальным и красивым не только из-за цвета,

44 张思桐. 晚唐至北宋时期越窑与耀州窑青瓷工艺比较研究. 《浙江大学》2017年. K876.3www.cnki.com.cn- 李申 盛. 蛋形窑 | 柴窑 本站原创. 发布时间: 2005年09月19日 (收藏) 【查看评论】

45 夫物盍集. 建盍历史的真相. 蔡襄《茶录(外十种)》, 上海书店出版社. 2015. 彭乘《墨客挥犀》, 中华书局. 1991. 华丽转身. 跨越千年话建窑. 2019-04-20.

46 李玖蔚, 石志芳吉州窑研究现状的定量分析//《科技资讯》2018年第16期. <http://www.qikan.com.cn>

тонкостенности изделий, звонкости, но 珐琅 (fa lang-фалань) также из-за глазури. Она имеет глянцевое покрытие и создается путем обжига нескольких слоев фалани – глазури, чтобы продлить срок службы керамики, защитить ее от внешних воздействий, таких как вода и влага, и придать блестящий цвет и внешний вид. Глазурь очень разнообразна, приведем несколько примеров. Глазурь /фалань/Хэй цы(黑瓷 hei ci)⁴⁷. Во времена династии Сун чайная церемония была очень популярной. Знать древнего Китая подражая императору, который был главным фанатом чайной церемонии и чайного сервиса, сами того не зная или сознательно стимулировали развитие производства фарфора. В церемония вспенивания чая или доу ча (斗茶 doucha), использовались только чашки покрытые чёрной глазурью. Считалось, что чёрный цвет хорошо держит тепло и аромат чайных листьев. Поэтому для чайной церемонии использовались только эмалированные чашки чёрного цвета. Глазурированная миска чёрного цвета, также известна как “хэй ю” (黑黝 hei you), черная глазурь, у ни цзянь (乌泥建) или Цзяньская черная глазурь. Она также известна как цзы цзянь (紫建 ci jian) или темно-бордовая глазурь. В рукописи “大观茶论”, составленной императором Хуй Цзун(徽宗 1082-1135)-ым в династии Сун, далее в “Размышления о чае” или сокращенно “Чайная сутра” 《茶论》, написанной во время правления императора Да Гуаня сказано: “... расплавленной глазурью чёрной покрытая чашка бесценна...”. Эта чаша покрытая черной эмалью или Хэйци, была изготовлена в печи Цзян Яо (建窑) и Цзи чжоу яо (吉州) деревни Шуй цзе чжэнь (水吉镇) района Цзян ян (建阳区), провинции Фуцзянь). Фарфор типа хэйци, обожженный в печах Цзян Яо и Цзи Чжоу Яо, периода династии Тан, был известен своей уникальной формой, дизайном и украшением не только в древнем Китае, но и за рубежом. Среди знаменитых глазурей Хэйци можно выделить: Тухао бань (兔母斑 или ворсинки зайчьего пуха), Чжегу бань (鸚鵡斑 или перинки куропатки), Цзе цзин бин ю (前夜冰瓚 или ледяной кристалл), Дзима хуа ю (芝麻花美 чжи ма хуа ю или цветы кунжута), Цзюньлэ вэнь ю (龟裂纹结 или узор скраба), Даймао бан (玳瑁斑 или узор панциря черепахи).

Глазурь Хэйци имеет 10 типов: 青黑 (qing hei you) темно-синяя глазурь, 灰黑美 (hui hei you) или темно-серая глазурь, 灰白眉 (hui bai you) или светло-серая глазурь, , 黑褐釉 (hei he you) темно-коричневая глазурь, 紫金釉 (zi jin you) позолоченная пурпурная глазурь, золотая глазурь с чёрными точками, 柿红釉 (shi hong you) глазурь красная хурма, 窑变花釉 (yao bian hua you) глазурь с цветочным узором раскрывшимся в печи, 窑变红釉 (yao bian hong you) красная глазурь раскрывшаяся в печи, 褐红釉 (he hong you) темно-бордовая глазурь и 酱褐釉 (jiang he you)⁴⁸ коричневая глазурь цвета уксуса.

Кроме вышеперечисленных типов фарфора хэй ци, также известного как Ган хэй (紺黑 gang hei), Чун хей ю (纯黑釉-qun hei you, осадочная черная глазурь), глазурь создавалась путем смешивания оксида железа и оксида марганца. Знатоки фарфора того времени считали, что многослойная глазурь со множеством застывших пузырьков напоминает утреннюю росу. При получении эмали (兔母斑) или ворсинки зайчьего пуха, оксид железа в эмали плавится при температуре выше 1300° С градусов по Цельсию, оксид при обжиге приобретает золотисто-желтый, серебристый и коричневый цвет, который напоминает цвет зайчьего пуха. Поскольку бордовая краска обрамляющая края

47 建盞编撰. 崛起的黑瓷文明. 光明日报出版社. 2016. 邓宏文. 吉州窑和建窑黑瓷的研究 к 876. 《湖南考古辑刊》. 1999年, 华文图景企划. 青花瓷收藏实用解析[M]. 北京: 中国轻工业出版社, 2007

48 晒宝会. 黑釉瓷器的发展历程. 2017-03-20sohu.com 建盞的釉色品种分类. 茂林. 宋代吉州黑釉瓷图文赏鉴-馆藏 珍品贴画, 窑变天目瓷. 2019-05-29. 360.doc.com

чашки расплывается при такой высокой температуре, то край чашки обычно обрамляли золотисто-желтой или серебристым цветом. Кроме того, при извлечении эмали Чжегу бань (鸚鵡斑) или «перинки куропатки» в состав эмали вместе с оксидом железа вливали и масло. По мере повышения температуры в печи образовавшаяся в глазури пена лопалась и оставляла изображение, похожее на птичьи перинки. Кроме того, существует глазурированный фарфор «Сияющее око небес» или «Яобянь тяньму» (曜變天目 yao bian tian mu), который на японском языке назывался «тэммоку» и пользовался большим спросом в Японии. Так называют пятна светящиеся цветами радуги на темном фоне. Внутренняя часть этой эмалированной чашки украшалась причудливыми узорами. Для изготовления этой глазури на сырую глину наносили черную глазурь и обжигали, затем вырезали из бумаги благопожелательные слова, изображение дракона, птицы фэн хуана и наклеивали на глазурь. Затем покрывали тонким слоем цветной глазури, и снова обжигали. При высокой температуре в печи бумажная наклейка сгорала, а изображение оставалось в виде рисунка. Точно так же, если к внутренней стороне чашки приклеить лист дерева, нанести сверху прозрачную глазурь и поставить ее в печь, то при обжиге даже мельчайшие следы листьев отпечатывались на внутренней стенке чашки. В то время для узора листья чаще использовали листья дерева «бодхи», согласно легенде именно под деревом “бодхи” Будда Шакьямуни достиг просветления.

Прозрачный фарфор Лин лун цы (玲瓏瓷 ling long ci)⁴⁹ с глазурью или “митун” (米通 mi tong). Этот тип фарфора монголы называли «фарфор с рисом». Глазурированный или рисовый фарфор впервые был произведен в мастерской Цзиндэжэня во времена династии Юньлэ династии Мин. Для получения тонкого прозрачного, зернистого фарфора, производящего впечатление хрупкости, в стенке сырой заготовки просверливают множеством мелких отверстий, на стенку заготовки наносят узоры, а затем покрывают прозрачной глазурью. При обжиге прозрачная глазурь заполняет пространство открытого отверстия и принимают форму риса. Так создается известный нам рисовый фарфор или же как его называют монголы “чашка с рисом”.

При династии Тан стал распространяться фарфор Сань цай (三彩 san cai)⁵⁰, дословно означающий “трёхцветье”. Распространение данного типа считается одним из главных периодов расцвета технологии фарфора. В “трёхцветье” преобладали окись железа (желтая, коричневато-коричневая, желтая, светло-коричневая), окись меди (зеленая, иногда с коричневатым оттенком) и в очень редких случаях для нанесения узора использовали краску сине-голубого цвета, получаемую из окиси кобальта. В то время фарфор, украшенный сочетанием этих трех цветов, использовался не только для сопровождения похорон зажиточных людей, но и для жертвенных церемоний, а также данный тип фарфора широко использовался в быту. Считается, что во времена династии Сун (960-1279) искусство фарфора достигло своего расцвета. Помимо изготовления снежно-белого фарфора, мастера того времени изготавливали изделия и из серой глины, заготовки из серой глины обжигали особым образом. Фарфор, обожженный таким особым образом, издает особенно чистый звук, что впоследствии стало одним из критериев признания качества фарфора в Поднебесной. Этот тип

49 宋芳. 景德镇玲珑瓷的历史发展演变及创新发展研究. 《景德镇陶瓷学院》 2009年. CAJViewer

50 Второй основатель государства Мин Жу Ди (朱棣 zhu di), тронное имя 永樂 yong le или же “вечное счастье”. Правление империей с 1402-1424 гг. имя обета Чэн зу (成祖 cheng zu), имя данное после кончины Вэнь хуанди (文皇帝 wen huangdi) или же “император дарующий просветление”. Император Юньлэ родился в 1360 г.у, император был из рода простого крестьянина, возглавил восстание “красных повязок” по созданию династии Мин стал первым императором, второй сын крестьянина Джу Юаньчжан (朱元璋 zhu yuan zhang).

фарфора еще называют «ворсинкой заячьего пуха» или «маслянистый цвет» из-за его глянцевого серебристо-черного цвета с узорами коричневого цвета. С этого периода широкое распространение получила слегка голубовато-зеленая «чинси» (青瓷 qing ci) или эмалированная посуда селадон (горшки, чашки и т. д.). Поскольку основа и несколько слоев эмали этого «чинси» или же «селадона» подвергаются воздействию разных температур, при охлаждении они образуют паутину трещин состоящих из очень тонких линии. Этот вид узора или же узор-трещина была известна как «крылья цикады». Еще одна особенность «чинцы» или селадона заключается в том, что он имеет светло-зеленый цвет, имитирующий цвет нефрита. В европейских странах этот фарфор покрытый бледно-зеленой эмалью приобрел имя «Селадон». Это было имя главного героя романа «Астрея», пастуха Селадона, произведения, написанного французским писателем Оноре д'Урфе (Honore d'Urfe-1568-1625). Главный герой или же пастух носил светло-зеленую одежду, что было необычным в то время. Так, в то время, когда это произведение было популярным в Европе, светло-зеленый фарфор был завезен из Китая, что и повлияло на присвоение цвета фарфора имени главного героя романа. В то время синий фарфор Лунцюань (龙泉青瓷 long quan qing ci) из села Лунцюань (龙泉 long quan) провинции Чжэцзян (浙江zhe jiang) считался фарфором самого высокого качества. Керамика Лунцюаня изготавливалась в соответствии со вкусами и требованиями ученых, и мастера Лунцюани поставляли продукцию только императорскому двору, а когда столица переместилась в Линьянь(临安 ling an)⁵¹, ныне Ханчжоу, производство фарфора сосредоточилось в этом городе. Примерно в 1004 г.у центром производства фарфора стал город Цзиндэчжэн (景德镇 цзин дэ чжэн), а производимый в городе фарфор стал известен как «цин хуа ци» (青花瓷 цин хуа ци). Город Цзиндэ (景德 цзин дэ) первоначально назывался Синьпин (新平 синь пин), позже он назывался Чаннань чжэн (昌南镇 чан нань чжэн). С XI в. во времена правления Чжао Хэн Циндэ ((趙恆景德, 1004-1007), императора династии Северная Сун, поскольку дворец и соответственно столица очень нуждались в фарфоре, император издал указ основать фабрику по производству прекрасного фарфора для дворцовых нужд. Тронное имя императора Цзиндэ (景德), было написано на дне фарфорового изделия, предназначенного для императорского дворца, что в конечном итоге привело к тому, что Чаннань 昌南 стал называться Цзиндэчжэн (景德镇)⁵². Синий фарфор (青花瓷), названный в честь этого города, фарфор Цинхуаци получил новый вид во время династий Великой монгольской империи Юань. Именно в этот период производство синего фарфора перешло на новый этап развития. Не без помощи торговцев, следовавших по Шелковому пути, это вид фарфора приобрел популярность во времена династии Мин и стал одним из самых ходовых товаров Ближнего Востока. Получение бледно-голубого и синего цветов является результатом региональных торговых и культурных отношений в эпохи династий Тан и Сун. Получение данных оттенков стало возможным в результате импорта сырья из таких стран, как Персия. Как мы выше упомянули, только в XIV в.е метод декорирования фарфора оксидом поликарбоната распространился по всему Китаю и далее по всему миру. До этого времени фарфор с узором бледно-голубого

51 朱裕平.中国三彩.山东美术出版社.2005.

52 历史沿革：隋开皇九年（589）灭陈，废钱唐郡，设立杭州——“水居江海之会，陆介两浙之间”。大业六年（610），江南运河开通，杭州成为江、河、海水运的东南交通枢纽和“珍异所聚”、“商贾并臻”的商业都市。五代十国时期，杭州成为东南地区一流的中心城市，打破了自唐代以来浙西以苏州为中心，浙东以越州（今绍兴市）为中心的格局，演变成以苏州、杭州、越州为北、中、南三大都市中心为支撑的东南地区政治、经济和文化版图。北宋初期，当时的杭州是东南第一大都会，超过了苏州和越州，成为当时中国的第一等城市。吴越国和南宋两度建都杭州，历时230多年，使得杭州成为与西安、北京、南京、洛阳、开封并列的“中国六大古都”。

цвета расходился в ограниченном количестве как изделие местного ремесла.

По мнению учёных распространение синего фарфора изготовленного в городе Цзиндэчжэн⁵³, как мы выше упомянули, связано с цветовыми предпочтениями монгольской знати. Далее потребность именно синего фарфора в Средней Азии было большое, следовательно спрос на фарфор другого цвета в данной регионе не было таким большим, что повлекло спад производства другого вида фарфора. С другой стороны, как рассуждают учёные, такой расцвет синего фарфора связан с сырьём, а именно, в поздний период династии Сун добыча минерального сырья для выработки синего, бледно-голубого фарфора в древнем Китае осложнилось. Шахты, в которых добывали сырьё содержащее жаростойкую окись меди, имели относительно небольшую глубину. Сырьё, полученное на большей глубине, по качеству не отвечало необходимым требованиям. Если дело с добычей минерального сырья обстояло так, то дело с ещё одним главным сырьём состояло по другому. Так, большое количество «каолина», обнаруженного в окрестностях Цзиндэчжэня, соответствовало требованиям к глине, которая была очень плотной и белоснежной. Глина «каолин» названа в честь горы Гаолиньшань (高齡山), находившего недалеко от города Цзиндэчжэн. Фарфор с узором синего цвета (青花qing hua)⁵⁴ вырабатывался путём измельчения кобальта или же, как в то время называли, камня-альбиноса. Готовую пыльцу наносили на сырую заготовку узор, затем покрывали бесцветной глазурью и обжигали при высокой температуре. Изменяя состав ингредиентов, получали светло-голубой и синий цвет. Окраску сгущали за счет подмешивания в состав таких минералов, как диоксид меди. Раньше это делалось тонкой кистью на заготовке, но в наше время используют готовые штампы узоров. Этот синий цвет был впервые получен древними персидскими мастерами. Но в IX в.е большое количество фарфора в арабский мир поставлял Китай. Так, в текущем столетии территория нынешних Ирака и Ирана стала крупным центром гончарства и керамики, украшенной голубыми, синими узорами, добываемыми из кобальта или камня-альбиноса. Основа для его повторного распространения была заложена, когда хан и знать Монгольской империи Юань привезли поликарбонат, кобальт или камень-альбинос из нынешних Ирака и Ирана и заказали керамическим мастерам Цзиндэчжэня синий фарфор. Синий, фарфор снова приобрел популярность при монгольской династии Юань, а затем достиг нового этапа развития при последующем династии, основанной на руинах монгольской империи. В период Монгольской империи Юань синий фарфор распространился не только в Китае, но и по всему миру. Китай был основным производителем этого вида фарфора и в больших количествах доставлял в Среднюю Азию. В декоре и дизайне синего, голубого фарфора методы и стили декора древнего китайского, кочевого и арабского мира тесно переплетаются и смешиваются. Далее внедрение этого культурно-синтезированного фарфора в Европу, заложило основу стиля фарфора «майолика» (майолика или Майорка по-итальянски) в средневековой Испании и Италии. Фарфор-майолика представляет собой тип фарфора, который делается с использованием отходов керамики и покрыт яркой цветной

53 顾祖禹《读史方輿纪要》卷85浮梁县 /中华书局,北京,2005/ 据史书记载:“新平治陶,始于汉世。”新平是景德镇的古称,因位居昌江之南,也叫“昌南镇”,建于东晋时期。在古代,这里就有瓷器生产,陶器则更早。到了北宋,赵恒景德年间(公元1004——1007年),京师需要这里的瓷器,皇帝令御史在此监制宫廷用瓷,并在瓷器底部印上“景德年制”的字样。由于瓷器精美,影响很大,时人皆赞“景德瓷”。以后,“昌南镇”之名竟为“景德镇”取而代之,并渐次成为全国制瓷行业的中心。由此可知,景德镇制瓷业有一千七百多年的历史,景瓷是中国瓷器的代表,景德镇无愧于瓷都之美誉

54 《清波杂志·别志》,上海古籍出版社1987年

глазурью. Такие украшения, как псалии, рамы, фарфор и статуи, изготавливаются из майолики. Китайские археологи обнаружили осколки бледно-голубой керамики в провинции Хэнань. Однако эта находка была имела светло-голубой оттенок, который нанесен синим цветом на обожженную глиняную посуду, а не на фарфоровую глазурь. Это доказывает, что бледно-голубой и голубой фарфор изготавливали в Древнем Китае с IX в.а. До династии Сун кобальт использовался как краситель для изменения цвета, но он не имел большого распространения. Фарфор, известный в мире как голубой фарфор, достиг нового этапа развития именно в период Монгольской империи Юань.

В период Монгольской империи Юань, Цзиндэжэн стал главным центром производства синего фарфора, а во времена династии Мин и маньчжурской династии Цин синий фарфор составлял доминирующую долю всего фарфора. Во время Монгольской империи Юань голубые фарфоровые тарелки, чашки, миски, вазы и глиняная посуда разной формы пользовались большим спросом, но к сожалению, сейчас мало что из них сохранилось. В ранний период китайской династии Мин, которая была построена на руинах империи Юань, синий фарфор был продуктом местного значения и концентрировался в провинции Сычуань. Императоры Мин Хун У (洪武 hūn wū 1368-1398) и Юнлэ (永樂 yǒng lè 1402-1424) не поощряли синий фарфор, в то время как Сюандэ (宣德 xuān dé 1425-1435) поощрял производство синего фарфора и заказывал его для дворцовых нужд. Со времени восшествия на престол императора Циндэ (正德 zhèng dé 1505-1521) производство синего фарфора вновь расцвело, а после на синем фарфоре стали выгравировать арабскую каллиграфию. Мастера фарфора чутко реагировали на потребность и интерес потребителей Средней Азии, что привело к поставкам большого количества синего фарфора в регион. Еще одной особенностью синего фарфора периода Мин является сочетание цветочных орнаментов с изображениями дракона, которые были очень популярны в то время. Еще одним отличительным украшением периода Мин является изображение сосен, бамбука и цветов.

Так, если в начале династии Мин синий фарфор вообще запрещался, то со времени вошествия на трон Циндэ его производство стало развиваться под покровительством императора. В период династий Сюандэ и Чжэндэ, он находился под непосредственным контролем государства и начал производиться в специализированных ремесленных центрах, где изготавливали фарфоровые изделия не только для повседневного использования, но и для государственных церемоний, и религиозных ритуалов.

С точки зрения формы и дизайна, главная особенность синего фарфора, изготавливавшегося в период Монгольской династии Юань и династии Мин заключается в том, что нижняя часть изделия обычно украшали узорами, изображающими многосеменное цветущее растение, одинарными или двойными лепестками лотоса. Кроме периода Монгольской империи Юань, при династии Сун нижняя часть фарфора украшалась лепестками лотоса, но узор в виде лотоса периода Сун отличается техникой изображения и выразительности.

Однако было бы неверным утверждать, что именно с периода Монгольской империи Юань монголы стали использовать изображение в виде лотоса. Как показывают археологические артефакты, гораздо раньше, на артефактах сяньбийского периода выявлены изображения лотоса на каменных резных изделиях и в украшении жилых строений⁵⁵, а также на артефактах периода Северной Вэй, который хронологически относится к IV-VI в.ам.

55 《清波杂志校注》刘永翔校注，中华书局1997年；《清波杂志》（全四册）中华再造善本，国家图书馆出版社 2004年；

II. Узоры синего фарфора, их виды и категории:

О том, как синий фарфор распространился по многим частям мира, уже говорилось ранее. Российский исследователь Ю. И. Елихина отмечала, что «хотя этот вид фарфора изготавливался в мастерской Цзиндэчжэнь времен династии Тан, но расцвета он достиг во времена династий Юань и династии Мин...»⁵⁶ Кроме того, согласно работам других исследователей, в период Монгольской империи Юань производство снежно-белого фарфора с узорами синего цвета развивалась в прямом наследовании и развитии технологии династии Сун⁵⁷. Также синий фарфор был одним из основных товаров, поставлявшегося из Монгольской империи Юань. Начиная с этого времени китайские мастера стали производить более изящный синий фарфор. В то время, Хубилай-хан помимо ведения военных действий против династии Южная Сун, гончарам и мастерам по фарфору соизволил свободно экспериментировать с формами и украшениями⁵⁸, вместо того, чтобы строго согласовывать их с концепциями династии Сун и ученых, возглавлявших китайское общество того времени и со строгими требованиями древнекитайской эстетики. В конце концов, синий фарфор намного превзошел предыдущую эпоху с точки зрения формы, узора, дизайна и т. д., и распространился по всему Китаю и стал продаваться во многие страны Юго-Восточной, Средней Азии и Аравии, стал одним из ходовых товаров того времени. Так, Ибн Баттута (1304-1377), арабский мыслитель посетивший в то время Монгольскую империю Юань, отмечал, что фарфор, изготавливавшийся в империи поистине лучшее творение мира⁵⁹.

Другим обоснованием, является то, что в начале правления Хубилай-хана монгольская династия Юань контролировала большую часть Тибета, Центральной Азии и Ближнего Востока, что ограничивало возможности страны Южной Сун общаться с другими странами по суше. Это нанесло сильный удар по китайской экономике, и, вполне возможно что китайские ремесленники, гончары, чтобы выйти из кризиса делали вещи, отвечающие нуждам и запросам общества.

Как изготавливался фарфор самых разных форм и дизайнов в период Монгольской империи Юань и при династии Мин? Вопросы орнамента, изображаемого на синем фарфоре, их виды и классификация будут рассмотрены на основе оригинальных материалов, хранящихся в Национальном музее Тайваня.

В Национальном музее Тайваня есть несколько видов синего фарфора, относящихся к периоду Монгольской империи Юань, но есть изрядное количество фарфора связанного с династией Мин и с последующими династиями. Прежде чем описывать, какие узоры обычно на них изображены, упомянем, как отечественные и зарубежные исследователи классифицировали узоры в Монголии и прилегающих регионах.

Среди монгольских исследователей «...классификацию монгольских орнаментов сделал учёный Х. Нямбуу, по многим аспектам это была первой попыткой сделать научно обоснованную классификацию...»⁶⁰. Он разделил их на восемь категорий: «...растения-геометрия, растения, геометрия-животные, растения-животные, буквенные узоры и кружевные узоры...»⁶¹, а «...Д. Майдар разделил их на четыре категории: геометрия, животные, растения, природные силы и монашеская религия»⁶², «...С. Лувсанвандан

56 Амарбат. Монгол үндэстний гар урлалын түүх, ӨМШУТМХХ, 2008, т. 514

57 Елихина Ю. И. Эрмитаж дахь Хархорум хотын өв, УБ., 2018, т. 54

58 Ганболд Ж., Мөнхцэцэг Т. нар, Монголын Юань улс- 2, УБ., 2015, т. 109

59 Моррис Россаби. Хубилай хаан түүний амьдрал, цаг үе- 4, УБ., 2015, т. 211

60 Ганболд Ж., Мөнхцэцэг Т. нар, Монголын Юань улс- 2, УБ., 2015, т. 109- 110

61 Монголын угсаатны зүйн хээрийн судалгааны эх хэрэглэгдэхүүн- 6, (1977-1978), эрх. Чулуун С., Цэрэнханд Г., Булаг Э., УБ., 2011, т. 11

62 Болд Б., Монгол ардын хээ угалз- 1, УБ., 2009, т. 7., Нямбуу Х., Халхын зарим нутгийн хээ

разделил на пять классов: животные, растения, геометрические фигуры, вид природы и символика.”⁶³.

Зарубежные исследователи, изучавшие орнамент народов Сибири, Северной Азии и монголов на региональном уровне, выдвинули категории несовпадающие друг с другом либо повторяющие деление прежних исследователей. «...И. Г. Ковалев, изучавший виды орнаментов Советской Калмыки делил их на такие виды как геометрический, виды растения и виды небесных светил. Изучавший монгольское народное искусство исследователь В. Кочешков делит виды орнаментов монголов на геометрические, виды растения, животных, изображения сил природы...”⁶⁴.

Орнамент синего фарфора, отобранного нами из собрания Национального музея Тайваня, достаточно уникальный, поскольку широко отражает культурные особенности стран Восточной и Центральной Азии, таких как монгольский, китайский, тибетский, персидский, арабский и т.д. Исходя из этого, узоры и изображения можно классифицировать следующим образом. Например:

1. С цветочными и растительными узорами;
2. С геометрическими фигурами;
3. С религиозными и символическими фигурами такими как восемь жертвенных символов, с тибетскими, санскритскими и арабскими буквами;
4. Люди, животные и птицы, мифические существа;
5. С узорами в виде объектов природы: облака, вода, горы;
6. С изображениями храмов, домов, предметов обихода;
7. Внешняя сторона окрашенная в фиолетово-синий цвет, а внутренняя часть цветом белого фарфора и т. д.

Кроме того, исследователи не раз подчёркивают, что сюжет и смысл передаваемый данными орнаментами тонко переплетаются между собой.

При кратком обзоре видов изделий из синего фарфора хранящего в музее Тайваня, изготовленный во времена династий Тан и Сун (а также хранящиеся в других странах), будут сопоставлены с синим фарфором периода Монгольской империи Юань и династии Мин. Будет дано краткое описание, трансформации, произошедшие в орнаментах данных артефактов, прослежена их преемственность. Что касается изображений на синем фарфоре династии Тан, то вместо того, чтобы рисовать орнамент с чётким изображением, линии наносятся быстро и плавно с помощью метода, аналогичного изображениям на трехцветных фарфорах, описанных выше и синий цвет как бы растворяется и тускнеет, а изображения рисуются линейно как бы небрежным мазком кисти⁶⁵. Орнамент синего фарфора времен монгольской империи Юань, а также династии Мин напротив – более детальны, они кропотливы в исполнении и сложны с точки зрения описания.

Основная характеристика синего фарфора монгольской династии Юань и периода Мин заключается в том, что лепестки цветка лотоса с изображениями растений обычно рисуются и гравированы в один или два ряда вокруг основы или в нижней части изделия. Нужно отметить, что некоторые фарфоровые изделия династии Сун украшены мотивами лотоса в нижней части изделия, но метод изображения лепестков лотоса,

угалзын зүйлээс (XIX- XX зууны эхэн), УБ., 1968, т. 49

63 Майдар Д. Архитектура и градостроительство Монголии, “Стройиздат”, М., 1971, с. 101., Ядамжав Ц., Монгол ардын хээ угалзын эх дүрсүүд, УБ., 1985, т. 12

64 Лувсанвандан С. Монголын урлагийн уламжлал, шинэчлэл, УБ., 1982, т. 52., Ядамжав Ц., Монгол ардын хээ угалзын эх дүрсүүд, УБ., 1985, т. 12

65 Alfred Beit, Bidwell R. A., Blumenfeld R. H., Marchant est 1925 Exhibition of Chinese Ceramics Tang to Qing, London, 2014, pp. 8-13

как мы выше упомянули, не идентичны с видом лепестков лотоса империи Юань и династии Мин.

Российский исследователь А. Г. Юрченко отмечает, что монголы изображали лепестки лотоса в виде орнамента не только на фарфоре, но и на других предметах⁶⁶. Действительно, золотые кубки, бокалы и чашеобразные сосуды, использовавшиеся в то время монгольской знатью, имеют орнамент в виде лепестков лотоса, нарисованных вокруг нижней части данного изделия⁶⁷, что похоже на орнамент на голубых фарфоровых чашках и вазах. Однако дело не в том, что именно с этого периода монголы стали изображать этот узор из цветов во всем. Выше нами уже указывалось, что лотос присутствует на сяньбийских изделиях. Он изображен во многих каменных резных изделиях и домостроительных промыслах периода Северной Вэй⁶⁸, что относится к IV-VI в.ам.

Кроме того, на изделиях из голубого фарфора монгольской династии Юань и периода Мин по сравнению с периодами Тан и Сун, символические мотивы буддийского бога более часто изображаются. Артефактов с такими рисунками в музее Тайваня достаточно. Это может быть связано с буддизмом, который в то время распространялся в Тибете и в сопредельных регионах. Буддийские сюжеты хронологически совпадают⁶⁹ с расширением влияния буддизма.

Итак, возьмём виды фарфоровых изделий, хранящихся в музее Тайваня, в рамках указанных хронологических границ и попытаемся классифицировать их с точки зрения назначения:

Орнамент чашки:

В музее Тайваня есть несколько фарфоровых чашек одинаковой формы периода Монгольской империи Юань. Так, на чашке под номером 贈-瓷-000360-N000000000, изображены листья и цветы (рис. 7). Артефакт под номером 故-瓶-012395-N000000000 тоже относится к этому периоду. Цветок

Рисунок 6 – 故-瓷-012395-N000000000.
Династия Юань (1271-1368), XIV в.

Рисунок 7 – 贈-瓷-000360-N000000000.
Династия Юань (1271-1368), XIV в..

на нем также имеет орнамент листьев, а нижняя часть изделия украшена тонкими линиями, обрамляющими лепестки лотоса (рис. 6).

По мнению исследователей, этот тип узора стал более популярным вокруг нижней

66 Юрченко А. Г. Монголын эзэнт гүрний язгууртан, УБ., 2016, т. 244

67 Елихина Ю. И., Крамаровский М. Г., Полякова Г. Ф., Сокровища Золотой Орды, СП., 2000; Дабир Н., Ил хаадын урлаг, соёлын бүтээлүүд, УБ., 2016

68 Амарбат. Монгол үндэстний гар урлалын түүх, ӨМШУТМХХ, 2008, т. 514

69 Түүхийн судлал, том- 26, fas- 4, ред. Очир А. // Баянцагаан С. XV зууны үеийн Төвд- Хятадын харилцааны түүхэнд холбогдох хоёр захидлын тухай, УБ., 1992, т. 49- 56

части изделия во время правления императора Юнлэ (1360-1424), династии Мин, после восхождения на престол Пятого императора Сюаньдэ (1425-1435 гг.). Воследующие периоды он передавался мастерами из поколения в поколение и далее распространился в Юго-Восточной Азии, на Ближнем Востоке, в Италии и далее на Западе. Эту особенность отметила в своём исследовании английский исследователь Джессика Харрисон-Халл⁷⁰.

Рисунок 1 – Номер хранения故-瓷-006012-N000000000 династия Мин (1426-1435)

Рисунок 2 – Номер хранения故-瓷-004586-N000000000 Династия Мин (1426-1435)

Согласно сравнительному исследованию, итальянский художник Франциско Бенаглио (1432-1492) изобразил в своём труде “Мадонна с младенцем” узор похожий на орнамент синего фарфоровой чаши династий Юнлэ и Сюаньдэ. Подобных фарфоровых чаш в Национальном дворцовом музее Тайваня (фото 1) имеется в достаточном количестве. Край чашки не изогнут, с внутренней стороны обрамлён тонкой линией, снаружи край также обрамлен тонкой линией и меандром, его круглое основание украшено геометрическими линиями. Кроме того, есть чаши, похожие по форме. Они украшены мотивами восьми жертвенных атрибутов буддизма. В коллекции имеются чашки с орнаментом в виде растений (рис. 2). Есть чашки с изогнутыми краями, круглым или прямым плоским основанием. Круглые, дугообразные основания различаются по высоте.

Рисунок 3 – Номер хранения故-瓷-003651-N000000000 (1522-1566)

Рисунок 4 – 故-瓷-006048-N000000000 (1522-1566)

Риснок 5 – 故-瓷-005247-N000000000 (1465-1487)

Кроме этого, существует особый вид фарфора, который можно назвать чашами. От фарфорового кубка или бокала их отличает то, что чаша сужается книзу и не имеет ручки. (Рис. 3, 4, 5). Об этом артефакте будем писать в следующем разделе.

⁷⁰ Craig Clunas, Jessica Harrison-Hall, Luk Yu-ping, Ming China: Courts and Contacts 1400-1450, London, 2016, pp. 77-78

Классификация орнамента, изображённого на фарфоровых чашках:

1. **Цветочно-растительный орнамент:** На любом синем фарфоре изучаемого периода довольно часто изображаются георгины. Например, а / артефакт под номером 故-瓷-006165-N000000000. Здесь данный цветок изображен на чашке династии Мин, б/. На нижней части корпуса с наружной стороны тонкими линиями изображены лепестки лотоса, снаружи и с внутренней стороны – цветок с тонким прилистником отдельными группами в виде круга. Номер хранения 故-瓶-012395-N000000000. Время изготовления – период Монгольской империи Юань (1271-1368). Примечательно, что фарфор с таким орнаментом также производился в начале династии Мин (рис. 6). в/ на внешней стороне следующего фарфора цветы (подсолнух) окружены орнаментом из листьев, а край окаймлен орнаментом в виде круглых листьев. Номер хранения: 贈-瓷-000360-N000000000, относится к периоду Монгольской империи Юань (рис. 7).

2. **Орнамент с религиозной атрибутикой и символикой:** а. Чаша с символикой долголетия (Lanz и Nanjvandan) и счастья (Номер хранения: 故-瓶-013179-N000000000). Имеются чашки, относящиеся к правлению императора Ван Ли, династии Мин (1573-1620). К данному периоду также относится и артефакт под номером: 故-瓶-013901-N000000000 (1573-1620), б. Чаша с тибетской письменностью. На боку наружной стороны присутствуют две строки благопожеланий, написанные тибетскими буквами. Внизу написано «летоисчисление Дай Мин Чэн Хуа». Номер хранения: 故-瓶-005247-N000000000, относится к периоду династии Мин (1465-1487) (рис. 5). в. Чаша с арабскими и персидскими буквами (с орнаментом волны на внутренней стороне края). По времени этот тип узора широко применялся в мусульманских странах с начала XVI в.а, а затем данный узор впервые использован в фарфоре северного Китая. Номер хранения: 故-瓶-005070-N000000000, относится к периоду династии Мин.

3. **Орнамент в виде изображений людей и животных:** а. Чашки с изображением жар-птицы (по кит., фэн хуан, симург – на Востоке) и журавлей. Номер хранения: 故-瓷-005637-N000000000, относится к периоду правления императора Цзя Цзиня (1522-1566) династии Мин., б. Чаша с изображением козла. На дне чашки в двойном кругу написаны слова «Летоисчисление Dai Ming Jia Jin». Номер хранения: 故-瓷-003651-N000000000, относится к периоду правления Цзя Цзинь (1522-1566). (фото-3). с. Чаша с изображением барана (горного архара), (есть также с изображениями солнца, сосен и бамбукового леса). Номер хранения: 故-瓷-006048-N000000000, также относится к периоду правления Цзя Цзинь (1522-1566) (Фото-4), д. Чаша с образами детей. Номер хранения: 故-瓷-003654-N000000000, также относится к периоду правления Цзя Цзинь (1522-1566).

4. **Зарисовки природы:** чашки с видами природы, такими как волны и их гребни. Номер хранения: 故-瓶-012428-N000000000 относится к периоду династии Мин.

Виды орнаментов на фарфоровых тарелках и мисках:

В фондах музея Тайваня хранится большое количество тарелок и мисок из синего фарфора, династии Мин. Они различаются по форме, по разнообразию вид стенок: от плоских до вертикальных.

В начале XV в.а использование изделий из синего фарфора было широко распространено на обширных территориях, подвластных Тамерлану и его преемникам, которые граничили с династией Мин и владениями ойратов. В хранилище музея Тайваня хранится рис., свидетельствующей об этом: на картине письменного источника «Шах-

наме» 1444 г.а изображены люди, несущие стол с голубым фарфором и тарелками⁷¹. Кроме того, в конце династии Мин китайский фарфор доставлялся в Португалию и Испанию, а затем в Голландию и Англию. В музее искусства и истории Женевы хранится картина «Визит» неизвестного художника, написанная в немецком стиле. На деревянной полке вдоль стены, изображенной на этой картине, много голубых фарфоровых тарелок, украшенных узорами, и относятся они примерно к 1630-1635 г.ам⁷². Таково беглое описание тарелок и мисок, хранящихся в музее Тайваня.

Классификация орнаментов мисок и тарелок:

1. **Цветочно-растительный орнамент:** а. Тарелка, номер хранения: 故-瓶-006109-N000000000, относится к периоду династии Мин. Край тарелки подобно лепестку лотоса, изогнут наружу, с внутренней стороны край обведён цветочным орнаментом. б. Фарфоровая посуда. На каждой из восьми сторон изделия с внутренней стороны изображён дракон. Снаружи с внутренней стороны каждой из восьми сторон изображен цветок миндаля. На наружной стороне дна в двойной рамке надпись «Летоисчисление Dai Min Wan Li». Номер хранения: 故-瓶-006107-N000000000, относится к периоду династии Мин, императора Ван Ли (1573-1620) (рис. 9).

2. **Орнамент с религиозной атрибутикой и символикой:** а. Тарелка с наружной и внутренней стороны разрисована тибетской буквой Ланз – с пожеланием благополучия. На дне с наружной стороны в двойном круге надпись «Летоисчисление Дай Мин, Хунцзи». Номер хранения: 故-瓶-009711-N000000000, относится к периоду правления Хунцзи-хана (1488-1505) династии Мин (рис. 8). б. Тарелка с персидской письменностью. На боку с наружной стороны изображены десять лотосов, и написано изречение на персидском языке: «ل ابوردی تفتین ات مزمزار ادک اپاردوخ قل خمزبرد» или «Усмири жадность, в день грядущий будешь спокоен душой». На дне с внутренней стороны написано «تم عن» в круге с роговым узором, орнамент в виде облака, означает «милосердие». На дне с наружной стороны в двойной рамке надпись «Летоисчисление Dai Ming Zheng De». Номер хранения: 故-瓶-015705-N000000000, относится к периоду правления императора У Дзун (1506-1521) династии Мин (рис. 10).

Рисунок 8 – Дугаар 故-瓷-009711- N000000000 (1488-1505)

Рисунюок 9 – Дугаар 故-瓷-006107-N000000000 (1573-1620)

Рисунок 10 – Дугаар 故-瓷-015705-N000000000 (1506-1521)

71 Craig Clunas, Jessica Harrison-Hall, Luk Yu-ping, Ming China: Courts and Contacts 1400-1450, London, 2016, pp. 79-80

72 Craig Clunas, Jessica Harrison-Hall, Luk Yu-ping, Ming China: Courts and Contacts 1400-1450, London, 2016. pp. 79

3. **Узоры с изображениями людей и животных:** а. Тарелка. С наружной стороны с орнаментом в виде рыбы (рядом с ней изображены морские водоросли), номер хранения: 中-瓶-002909-N000000000, датирована периодом императора Сюаньдэ (1426-1435) династии Мин. б. Тарелка. С дне с внутренней стороны по кругу солнца изображены пара фениксов. Номер хранения: 故-瓶-003430-N000000000, относится к периоду правления императора Чэнхуа династии Мин (1465-1487).

Орнамент кубков⁷³, бокалов⁷⁴:

О бокалах такого типа археолог Д. Баяр неоднократно упоминал в своих исследованиях. В одной из своих статей он отмечал, что и в Тюркском каганате, располагавшемся на территориях современной Монголии, в Монгольской империи, каменные бабы обычно изображаются держащими в правой руке бокал⁷⁵. Данный вид бокала очень похож по форме на чашку на высокой ножке и на бокалообразное изделие, описанное ниже. Кочевники чаще всего его делали их драгоценных металлов, таких как золото и серебро. Кроме того, в некоторых случаях он мог использоваться как атрибут для религиозных ритуалов. В музее Тайваня имеется большой набор этого вида изделия.

Классификация орнаментов, изображенных на фарфоровых бокалах и рюмках:

1. **Цветочно-цветочный узор:** Бокал с цветочным орнаментом. Имеется выгравированная крышка. Идентичен с бокалом периода Великих Моголов Средней Азии и Индии. Номер хранения: 故瓷-017815-N000000000, относится к периоду правления императора Юнлэ (1403-1424) династии Мин (рис. 11).

2. **Орнамент с религиозной символикой:** а. Бокал с буквой санскрита благопожелания Lanz. Две строки ланз-слово благопожелания (санскрит) написаны с внутренней стороны, далее в общей сложности семь строк букв написанных на боку и три слога с наружной стороны основания. Номер хранения: 故-瓶-008343-N000000000 относится к периоду правления императора Ван Ли династии Мин (рис. 12), б. Кубок с надписью на боку. Дословный перевод: «каждый день мирный, солнце блаженная мать, ночь тихая». «Три сокровища — Будда, закон и монах — защитят мир». Нижняя часть чаши с наружной стороны украшена лепестками лотоса и с двух сторон обрамлена тонкой двойной линией, окружена растительным орнаментом. На дне с наружной стороны надпись: «летоисчисление Сюань Де», которая сильно потускнела. Номер хранения. 故-瓶-005593-N000000000, правление Сюаньдэ (1426-1435) династии Мин.

3. **Орнаменты в виде людей и животных:** а. Бокал с изображением дракона. Дракон изображен на боку с наружной стороны, в верхней части бокала, по краю нанесен цветочный узор, ниже дракона нанесена тонкая линия в два ряда. Основание по кругу украшено лепестками лотоса. Номер хранения: 故-瓶-013200-N000000000, относится к периоду правления первого императора династии Мин Хун Юя (1368-1398), (рис. 13), б. Рюмки с изображением челова (в дополнении с пейзажем, солнцем и облаками). На дне снаружи в двойной рамке надпись: «Летоисчисление Сюань Дэ». Номер хранения: 故-瓶-002802-N000000000, относится к правлению императора Сюаньдэ (1426-1435) династии Мин.

73 на монгольском языке рюмки или же кубок называют на китайский лад “джунцзы”.

74 края изогнутый во внутрь, вместительная чаша-кубок

75 Mongolian studies-2, ред. Nakanchulu Н., // Баяр Д., Монгол ба Чезу арлын хүн чулууг харьцуулан судлах нь, The Korean Association for Mongol Studies, 1994

Рисунок 11 – 故-
瓷-017815-N000000000,
(1403- 1424)

Рисунок 12 – 故-
瓷-008343-N000000000,
династия Мин

Рисунок 13 – 故-
瓷-013200-N000000000
(1368- 1398)

4. **Внешний сторона окрашена в фиолетовый цвет, а внутренняя часть состоит из белого фарфора:** край изогнут наружу, Номер хранения: 故-瓶-006794-N000000000, относится к правлению императора Сюаньдэ династии Мин (1426-1435).

Орнамент чайников⁷⁶, кувшинов:

В этом разделе рассматриваются фарфоровые чайники и кувшины, фарфоровая посуда с насадкой или горлышком для слива и с ручкой. Различные изделия из синего фарфора позднего периода Юань и Мин проиллюстрированы выше в миниатюрах, изображающих Тамерлана и его преемников, а также в картинах эпохи Возрождения Центральной и Западной Европы. Так, Уильям Клаезе Хеда, представитель немецкого барокко, в своём произведении «Утренняя жизнь»⁷⁷ (1638) изображает натюрморт с синими фарфоровыми чайниками и кувшинами, относящийся к концу династии Мин. Таков беглый пересказ истории фарфоровых чайников и кувшинов.

Классификация орнамента данного типа:

1. **С цветочно-растительным орнаментом:** а. Чайник с выпуклыми боками. Край изделия снаружи обрамлен узором в виде геометрических изображений. В верхней и нижней части боков орнамент в виде цветов и листьев. Номер хранения: 贈瓷-000330-N000000000, относится к Монгольской империи Юань или к XIV в.у (рис. 14). б. Кувшин. На шейке и на боку изображены цветки георгина. Верхняя часть украшена лепестками лотоса. Номер хранения: 故瓶-003265-N000000000, относится к династии Мин.

76 Бууран сав-ваза, изображающая самца верблюда (вместимость вазы 3 л, изображает верблюда самца), Монгол хэлний их тайлбар толь // Толковый словарь монгольского языка

77 Craig Clunas, Jessica Harrison-Hall, Luk Yu-ping, Ming China: Courts and Contacts 1400-1450, London, 2016, pp. 79

Рисунок 14 – 贈-
瓷-000330-N000000000,
династия Юань, XIV в.

Рисунок 15 – 故-瓷-012548-
N000000000,
(1426- 1435)

Рисунок 16 – 故-瓷-017806-
N000000000,
(1573-1620)

2. **Орнамент в виде религиозных атрибутов и символики благопожеланий:** Фарфоровый кувшин. На боковых сторонах вкруговую – надпись на тибетском языке (ободок и горлышко украшены изображением дракона и цветочным орнаментом, вокруг основания - лепестки лотоса). Дословный перевод надписи: «Светит мирно солнце, Спокойный день, тихая ночь. Да пусть солнце светит спокойно и день, ночь вечно пребывают в спокойствии. Три сокровища «Бог, Закон, Священник». На дне с наружной стороны надпись: «Летоисчисление Сюаньдэ» в двойной раме. Номер хранения: 故-瓶-012548-N000000000, период правления императора Сюаньдэ (1426-1435) династии Мин (рис. 15).

3. **Орнамент в виде изображений людей и животных:** а. Чайник. На боку изображен мужчина, сидящий под деревом, вокруг которого – дети (основание украшено листьями тропических растений, над головами детей изображение облаков в виде узоров). Номер хранения: 故-瓶-017806-N000000000, относится к периоду правления императора Ван Ли (1573-1620) династии Мин (рис. 16). б. Ваза. В верхней части изображены два дракона, на боку изображены несколько драконов, каждый из которых изображён в виде круга (нижняя часть украшена листьями тропических растений). Номер хранения: 故-瓶-006103-N000000000, относится к периоду династии Мин (1567-1572 гг.). в. Кувшин. С обеих сторон на боку изображен феникс, летящий между цветами (горлышко и крышка кувшина украшены цветами и листьями, нижняя часть вкруговую украшена узорами в виде листьев). Номер хранения: 故-瓷-006762-N000000000, относится к периоду правления Юньлэ, династии Мин (1403-1424).

4. **Орнамент в виде пейзажа:** а. Кувшин. Корпус, нос и ручка изделия покрыты изображением гребнистых волн, над которыми парит дракон. Номер хранения: 中-瓷-003352-N000000000, относится к раннему периоду династии Мин (1368-1450). б. Кувшин. Вокруг основания изображены волны, река и горы. В верхней части – ромашки и листья. Номер хранения: 中-瓷-003238-N000000000, относится к периоду 1427-1456 гг.

Орнаменты религиозных атрибутов Бумба (Хумх)*-кувшина и Бойпор-сосуд для воскуривания благовони:**

Толковый словарь гласит, «бумба» / кувшин / – это сосуд для хранения священной воды-*рашаан*, общий вид данного сосуда для религиозных ритуалов-сосуд без ручек, с высоким горлышком, изготавливается из золота, серебра, меди и латуни, данный атрибут является третьим из восьми жертвенных священных атрибутов. Следующее значение –

это приспособление для баночного массажа. Третье значение слова “бумба” – сосуд для хранения праха покойного. Бойпор — он же курильница, небольшой трехногий сосуд / есть также курильницы с плоским дном, без ножек / для сжигания можжевельника и благовоний, использовавшиеся в древнем Китае в VII—VI в.в. до н. э. Китайцы, проживавшие в бассейне реки Хуанхэ /Жёлтой реки/ с древнейших времён пользовались данным атрибутом.

Классификация орнаментов изображенных на религиозных и ритуальных атрибутах:

1. **Орнамент в виде цветочно-растительных узоров:** а. Бумба – ритуальный атрибут. По внешнему краю сосуда изображён цветок миндаля, вокруг основания – две линии. Бока разукрашены цветами и листьями, ниже данных узоров изображены лепестки лотоса. Номер хранения: 故-瓶-005287-N000000000, относится к периоду правления Сюаньдэ (1426-1435), династии Мин. б. Бумба-ритуальный сосуд. Край с наружной стороны и нижняя часть сосуда украшены изображением лепестков лотоса. Среднюю часть сосуда украшают листья и цветы. Номер хранения: 中-瓷-001842-N000000000, период правления Сюаньдэ (1426-1435), династии Мин (рис. 17). в. Бойпор-сосуд для воскуривания благовоний. По краю с внешней стороны нарисован узор, а на шейке сосуда написаны слова благополучия (заключены в кавычки). Боковую часть сосуда украшают лозы винограда, со скрученными стеблями и листьями. Номер хранения: 中-瓷-003981-N000000000, период правления императора Узун(1506-1521), династия Мин (рис. 18).

2. **Религиозно-символический орнамент:** Ритуальный атрибут – бумба. На внешней стороне основного корпуса имеются четыре ромбовидные вставки, каждая из которых маркирована арабской вязью. Каждая сторона ромба украшена пятилепестковым цветком. Номер хранения: 故-瓶-010691-N000000000, период правления короля У Дзуна (1506-1521). (рис. 19).

Рисунок 17 – 中-瓷-001842-N000000000, (1426- 1435)

Рисунок 18 – 中-瓷-003981-N000000000, (1506-1521)

Рисунок 19 – 故-瓷-010691-N000000000, (1506-1521)

3. **Узоры с изображениями людей и животных:** а. Бумба – ритуальный сосуд в виде кувшина без ручки, с тонким горлышком. Основная часть сосуда окружена ромбообразным узором в полоску. В верхней и нижних частях сосуда нарисованы геометрические фигуры / промежутки заполнены квадратными и сплошными линиями. Номер хранения: 故-瓶-011443-N000000000, период правления императора Сюаньдэ (1426-1435), (рис. 20). б. Бумба-ритуальный сосуд. Он выполнен в виде двухъярусного шара, имеет в верхней части узкую горловину. Основная часть сосуда украшена изображением драконом в виде круга. (нижняя часть сосуда украшена лиственными

мотивами). На боку верхнего шарообразного сосуда искусно изображены несколько летящих журавлей в форме круга (рис. 21). Номер хранения: 中-瓷-002973-N000000000, относится к периоду правления императора Цзя Цзинь Хана (1522-1566).

Рисунок 20 – 故-瓷-011443-N000000000, (1426-1435)

Рисунок 21 – 中-瓷-002973-N000000000, (1522-1566)

Орнамент фарфоровой фляги: С древнейших времён кочевники для переноса жидкости на дальнее расстояние изготавливали фляги из кожи животных. В такой фляге жидкость не портилась. Согласно археологическим артефактам, фарфоровая фляга с изображением танцующих людей и музыкантов, была выявлена в гробнице сяньбийского представителя периода Северной Ци (NT 550-577). Кроме того, кидане умели делать фарфоровые фляги разного вида. Технология производства фарфоровой фляги передавалась из поколения в поколение в период Монгольской империи Юань. Позднее и при династии Мин фляги стали делать из керамики.

Рисунок 22 – 故-瓷-012549-N000000000 (1403-1424).

1. **Орнамент с изображением людей и животных:** Музыканты и танцующие люди изображены на фоне виднеющихся вдали гор (с двумя небольшими цепочками, соединяющими горлышко с верхней частью сосуда, край нижней части сосуда традиционно окружены лепестками лотоса). Номер хранения: 故-瓶-012549-N000000000, династия Мин при правлении императора Юнлэ (1403-1424), (рис. 22).

II. Виды форм синего фарфора

В настоящем разделе предлагается рассмотреть форму, дизайн и классификацию изделий из фарфора на основе терминологии и терминов, типологии и формов. Как упоминалось в начале статьи, ранние китайские мастера изготавливали чаши с основанием (鉢-бо), чаши без оснований или имеющие круглое основание (碗-ван), рюмки-чаши (盃-бэй), плоские тарелки (盤-пан) и тарелки с вертикальными бортиками, для бытовых и религиозных обрядов и праздников (盆-пен), чаши (豆-доу) с высоким основанием, вазы с широким краем (釜-фу) и чаши на трех ножках (鼎-дин), вазы (罐-гуань) и миски (壺-ху). Исходя из вышеуказанных категорий с точки зрения использования, за основу принята следующая классификация: 1. Кубки, 2. Тарелки, 3. Бокалы, трофеи, 4. Чайники, кастрюли и сковородки, 5. Купола и бойпоры, 6. Изделия дашмагского типа, 7. Другая керамика и фарфор, как правило, сгруппированы в семь частей. Есть несколько причин, по которым некоторые виды изделий из фарфора рассматриваются здесь как отдельная категория. Каждая фарфоровая фляга в фонде Тайванского музея имеет свою особенность (смеситель, носик и т. п.). **Чашки:** Фарфоровые синие чашки относительно периода Монгольской империи Юань и китайской династии Мин по форме можно разделить на две основные группы. Например:

1. **Чашки с выпуклыми боками** (если перевернуть вверх дном по форме напоминают монгольскую юрту). У чашек этой классификации края согнуты наружу, диаметр основания значительное, но по высоте основания различаются (рис. 1-2, б). Также есть чашки у которых нижняя часть чашки квадратное либо имеют углы (рис. 7).

2. **Чашки на высоких ножках-бокалы.** Чашки-бокалы на высоких ножках (цугц-монг., ритуальная чашка) по форме похожи на фарфоровый кубок, ножки у которых книзу сужаются и не имеют ручек, похожи на перевернутый конус (рис. 3-5). Края у бокалов веером изогнуты наружу, есть также и с прямыми краями, основание у бокалов по диаметру неодинаковы.

Тарелки, миски: По форме и внешнему виду синие тарелки можно разделить на несколько видов. Например, а/ по предназначению, то есть для жидкостей, супов и т. д., б/ для личной гигиены – умывания. В эту группу можно отнести артефакт под номером хранения: 故-瓷-004581-N000000000, который относится к XV в.у. По форме:

1. **Тарелки-плоски.** Края плоских веерообразные, с волнистыми краями. Имеются плоски, с прямыми краями и в виде лепестков лотоса. Есть также. Основание круглое, почти плоское (рис. 8, 10).

2. **Тарелки многогранные.** В большинстве случаев такие тарелки имеют веерообразные, волнистые края и основание у них заметно выделяются, но есть тарелки у которых нет основания. Бока у тарелок чуть поднимающиеся, стенки обычно полувертикальные, есть и такие тарелки у которых стенки почти вертикальные. Есть экземпляры у которых края изогнуты, по форме напоминают лепестки лотоса (рис. 9). Например изделие под номером хранения: 故-瓷-016012-N000000000, которое относится к периоду правления императора Ван ли (1573-1620).

Рюмки (ритуальные чашки), бокалы: Большинство экземпляров, хранящихся в фондах музея Тайваня не имеют крышки, лишь отдельные виды в полной комплектации /имеют крышки/. Края у рюмок разные, есть с веерообразными краями, с прямыми краями, есть и изогнутыми вовнутрь краями. Имеются экземпляры, у которых стенки в нижней части расширяются.

1. **Бокалы и кубки с волнистыми краями:** К основанию расширяются или в основании широкие, края у них похожи на лепестки цветов, стенки чуть выпуклые (рис. 12, 13).

2. **Бокалы и кубки с прямыми, полувертикальными краями.** У большинства экземпляров основание выпуклое. Например: номер хранения: 故-瓷-003624-N000000000, относится к периоду 1465-1487гг. Идентичные экземпляры имеют крышки (рис. 11).

3. **Бокалы с вовнутрь изогнутыми краями.** Имеют крышки, края слегка изогнуты вовнутрь. Например: номер хранения: 故-瓷-016772-N000000000, относится примерно к 1426-1435 гг.

Фарфоровые чайники имеют разнообразные формы. Во-первых, изделия этой группы различаются по форме горлышка: а. четырёхгранные, б. трубчатое. Также есть экземпляры, у которых, в зависимости от общей формы, носик расположен низко. Есть экземпляры, у которых основание имеет грань, край изогнутый наружу, основание с вертикальными стенками. Например: а. **Вазообразный чайник.** Двухъярусный вазообразный чайник, на стыке двух частей узкий шов не заметен. Нос чайника чуть изогнут вверх и находится в нижней части чайника (рис. 14). б. **Грушевидный чайник.** Имеет крышку. Основание разное, есть с прямыми стенками, по краям чуть изогнутый наружу. Например: номер хранения: 中-瓷-003352-N000000000, относится к 1368-1450 гг. в. **Цилиндрообразный чайник.** Нос чайника с гранями, прямой. Номер хранения: 中-瓷-003238-N000000000, относится к 1427-1456 гг. г. **Кувшинообразный чайник.** Корпус чайника как у обычного чайника выпуклый по бокам, шейка узкая вытянутая, по краям изогнута наружу, имеет крышку. Есть экземпляр и без крышки. Нос расположен в верхней части корпуса, граненный, короткий. Например: номер хранения 故-瓷-017814-N000000000, относится к 1426-1435 гг., второй экземпляр – номер хранения: 故-瓷-003265-N000000000, относится к 1368-1644 гг. д. **Чайник с полукруглыми боками.** Крышка чайника цилиндрической формы. Нос чайника узкий, прямой, без граньев. Имеются ручки. Номер хранения: 故-瓷-006762-N000000000, относится к периоду правления императора Юнлоили же, 1403-1424 гг.

3. **Чайник по форме напоминающий верблюда-буур.** В Национальном музее Монголии хранятся идентичные по форме чайники XVI-XVIII в.ов, сделанный из латуни, меди. В толковом словаре монгольского языка слово “буур” означает самец верблюда. Чайник по форме напоминающий верблюда вмещает 3 л. Нос такого чайника похож на голову верблюда, волнистые края напоминают два горба, а ручки чайника по форме похожи на хвост верблюда (рис. 15).

Ритуальная ваза и курильница: В фонде Тайваньского музея очень много видов синей фарфоровой вазы предназначенной для религиозных ритуалов. А вот фарфоровых курильниц мало. **Фарфоровая ритуальная ваза.** Корпус такой вазы выпуклый по бокам. Есть другой вид данного атрибута. а. **Двухъярусная ваза.** Связанная между собой тонкой шейкой, два круглых корпуса составляют ритуальную вазу. Горлышко вазы узкое, основание изогнуто наружу (рис. 21).

б. **Ритуальные вазы основание у которых изогнуты наружу.** Бока вазы выпуклые, шарообразные. Есть экземпляры с крышкой и без крышки. В фонде данного музея хранится два вида экземпляра имеющие крышку, край основания изогнуто наружу. Например: номер хранения 中-瓷-003234-N000000000, относится к 1435гг., также сюда относится и экземпляр на рис. 20. К вазе, имеющей узкую шейку с низким основанием, относится экземпляр под номером хранения: 故-瓷-005287-N000000000 и относящийся к 1426-1435

гг. К вазе имеющей высокое основание и низкий край относится артефакт на рис. 19.

в. Вазы с полувыпуклыми боками. Экземпляры, относящиеся к этому виду не имеют основания, с середины корпуса стенки в направлении вниз постепенно сужаются. Край изогнут вовнутрь или имеет низкую стену, из двух экземпляров – один имеет крышку. Например: номер хранения 故-瓷-016056-N000000000, 中-瓷-001842-N000000000, относится к 1426-1435 гг.

2. Курильница. Курильницы периода Монгольской империи Юань и китайской династии Мин в большинстве случаев трехножие. Экземпляров, которых можно было бы сопоставить в фонде данного музея не оказалось. Есть курильница с изогнутыми наружу краями, также края имеют форму лепестка цветов, треножник (рис. 18).

Фарфор имеющий форму фляги: В фонде данного музея имеется большое количество экземпляров данного вида, но все они относятся к периоду маньчжурской династии Цин. Экземпляров периода Монгольской империи Юань или китайской династии Мин не оказалось, можно лишь один экземпляр отнести к интересующему нас периоду. Например: а. **Фарфоровая фляга имеющая круглую форму.** Лицевая и задняя части имеют полукруглую форму, бока овальной формы, по обе стороны – ручки, которые соединены с краем (рис. 22).

Другие виды фарфоровой вазы:

Кроме вышеперечисленных видов рассматриваемых изделий из фарфора в фонде данного музея хранятся вазы и другие виды. Среди них – изделия с разными краями, у которых горлышко тоже разной толщины. Также корпус фарфоровых артефактов разного вида, в большинстве попадают с выпуклыми боками. Если квалифицировать данные экземпляры, то можно перечислить такие виды. Например: 1. **Вазы с изогнутыми наружу, толстыми краями и узким, коротким горлышком.** Данного вида экземпляров по сравнению с другими видами в коллекции музея много. Экземпляры данного вида в большинстве случаев имеют толстый и изогнутый наружу край, основание у которых имеют вертикальную стенку и ручки по бокам.

а. **Вазы с длинным горлышком и тонким краем.** Например в этот раздел можно отнести такие вазы: рис. 26, номера хранения: 故-瓷-015832-N000000000, 中-瓷-001575-N000000000, 故-瓷-016952-N000000000. Все относятся к 1368-1398 гг. Основание у всех троих чуть изогнутое наружу.

б. **Ваза с толстым краем и длинным горлышком.** Например, экземпляр на рис. 29 относится к этому виду. Данный экземпляр имеет ровное низкое основание, относится к 1573-1619 гг.

в. **Ваза с толстым краем и ручкой с двух сторон.** Экземпляр на рис. 28 можно отнести этому виду. Шейка длинная, основание по краям чуть изогнутое наружу.

Ваза с длинной шейкой. Здесь всего два экземпляра, оба имеют длинную шейку и края чуть изогнуты наружу, корпуса ваз по бокам выпуклые. Номера хранения: 故-瓷-011422-N000000000, относятся к 1403-1424 гг., номер хранения: 故-瓷-008845-N000000000, относится к 1426-1435 гг.

Высокая ваза с коротким горлышком и низкими краями. Вазы с разными краями как толстыми так и тонкими. Корпус данных экземпляров – выпуклый по бокам и в основании постепенно сужающийся. У некоторых экземпляров корпус волнообразный или же в средней части корпуса выпуклый чуть ниже сужающийся и в части основания вновь расширяющийся, но такой вид экземпляра единичный. Вазы данного типа можно классифицировать в таком порядке. **Вазы с короткими, чуть изогнутыми наружу краями.** Например, экземпляр на рис. 24 и экземпляр под номером хранения:

中-瓷-004354-N000000000, относящий к 1368-1644 гг.

Вазы с короткими чуть изогнутыми наружу краями (корпус данного вида экземпляра сужающий посередине, выпуклый). Например: номер хранения 中-瓷-001869-N000000000, династия Мин.

Ваза с коротким краем и коротким горлышком. Край данного экземпляра чуть-чуть изогнут наружу. По сравнению с вышеперечисленными вазами незначительной высоты. Например: номер хранения 中-瓷-003984-N000000000, относится к периоду правления императора Юнло.

Ваза с большими краями и низким горлышком. Край вазы прямой, также есть с веерообразными краями, большинство экземпляров имеют крышки. В верхней части корпус широкий, и сужающий внизу. Можно в нижеследующем виде квалифицировать. Например: а. **Ваза с веерообразными краями.** Имеется крышка, например: рис. 27, относится к 1573-1620 гг., номер хранения: 故-瓷-015360-N000000000, относится к 1426-1435 гг., без крышки. б. **Ваза с прямыми краями.** Экземпляр с крышкой. Например, номера хранения: 中-瓷-004973-N000000000, 中-瓷-004975-N000000000, относятся к 1368-1644 гг.

Ваза с длинными и изогнутыми наружу большими краями. Корпус данного экземпляра в верхней части широкий, постепенно сужающий в нижней части. Стенки основания изогнуты наружу. Например: рис. 23, относится к 1426-1435гг.

Рисунок 23 – 故-瓷-011941-N000000000, (1426-1435)

Рисунок 24 – 故-瓷-006105-N000000000, (1368-1644)

Рисунок 25 – 故-瓷-009183-N000000000, (1506-1521)

Ваза с длинным горлышком и широкими краями. Данное тип изделие в музее в единичном экземпляре. Имеет ручку, с прямыми краями. Начиная с верхней части корпус выпуклый. Номер хранения: 中-瓷-002278-N000000000, относится к 1426-1435 гг.

Рисунок 26 – 購-瓷-
000128-N000000000,
(1301-1400)

Рисунок 27 – 中-瓷-
004968-N000000000,
(1573-1620)

Рисунок 28 – 故-瓷-
009255-N000000000,
1435

Рисунок 29 – 故-瓷-
004061-N000000000,
(1573-1620)

Ваза с длинной шейкой, с большими краями (корпус имеет цилиндрическую форму).

В единичном экземпляре. Бока данного изделия цилиндрической формы, с гранями. Расширяющий к низу. Например: рис. 25, относится к 1506-1521 гг.

Выводы:

С древнейших времён челов. начал использовать в бытовых целях глиняную посуду, которая естественно на ранней стадии отличалась неуклюжей грубой формой. За длительный период своего исторического развития челов. изготовил множество видов глиняных изделий, а затем и керамических изделий с различными глазурями, которые наносились для продления срока службы посуды. Развитие керамики, особенно историю развития фарфора и фарфоровой культуры невозможно рассматривать отдельно от китайской культуры и истории. Одной из неотъемлемых частей китайской культуры является керамика, восходящая к каменному в.у. В южном районе древнего Китая производили из глины керамику и фарфор, являющиеся уникальным и неповторимым произведением искусства, что привело к большому прогрессу в традиционных китайских ремеслах, а также оно послужило стимулом развития экономики и культуры Китая. Хотя в древнем и средневековом Китае метод и технология изготовления фарфора было секретом и передавались от отца к сыну только в семье или роду, китайское правительство придерживалось политики строгого соблюдения сохранения секрета технологии фарфора и под покровительством императора поддерживало его производство.

Китайские мастера изготавливали из глины керамику и фарфор, украшенные замысловатыми узорами и привлекающими внимание рисунками. Главным сырьем для изготовления качественной керамики, несомненно, была качественная глина. Так, в южной регионе Китая было обнаружена очень плотная белая глина, называемая «каолин», которая нашла широкое применение на юге Китая. Гончарные мастера пользуются «каолин»-ом для производства фарфора цвета белой кости. Изделия из нее отличались прочностью, подобной камню. Производили их в несколько этапов. И наконец, в результате изучения состава и свойств многих природных минералов, смешивав по надлежащему составу их между собой и при обжиге сырых заготовок при высокой температуре, получали пестрящий разными красками и глазурью фарфор,

что несомненно вывело развитие фарфора на новый уровень. Древние и средневековые гончары считали, что изготовление глины и фарфора не иное как искусство огня. Поэтому высокотемпературные печи и топливо для поддержания надлежащей температуры были важны для производства качественного, изящного фарфора с чистым звуком, похожим на звон колокольчиков. В провинциях Чжэцзян и Фуцзянь на юге Китая были созданы десятки фарфоровых мастерских и созданы уникальные печи для обжига фарфора, что стало открытием, поднявшим развитие фарфора на более высокий уровень. В результате изящные и художественно оформленные фарфоровые изделия не только шли во дворец императора и в дома китайской знати, но и продавались в ближние и дальние страны по Шёлковому пути. Так происходил широкий обмен культурой и техникой производства керамики и фарфора. Таким образом, в результате торговли и культурного обмена, технологии на Великом Шёлковом пути был создан синий фарфор (青花瓷), который позже распространился по Европе, сочетая арабские и китайские техники. Исторически сложилось так, что синий фарфор использовался во времена династий Тан и Сун для изготовления фарфора с бледно-голубым декором, но как отмечают исследователи, он не был популярен до XIV в.а. Тем не менее, замечательный фарфор был рожден путем смешивания снежно-белой каолиновой (белой) глины из Гаолиньшань (高齡山) на юге Китая с поликарбонатным сырьем, содержащим диоксид меди из далекой Персии.

Китайские археологи обнаружили, что древние китайские мастера раскрашивали и украшали глиняную посуду узором голубого цвета. Однако, по мнению тех же исследователей, этот бледно-голубой цвет не был фарфоровой глазурью, а узором синевы на обожженной глине. Однако древние китайские мастера умели извлекать синий и бледно-голубой цвет и пользовались им для украшения гончарных изделий, керамики. Однако с тех пор, как монгольская империя Юань обосновалась в Китае, поликарбонат, кобальт или камни-альбиносы везли верблюдскими караванами из далекой Персии и Ирана, и голубой фарфор вступил в новую стадию своего развития. Например, поликарбонат и кобальт, являются одним из основных сырья голубого фарфора. Они были привезены из Средней Азии. В результате культурного обмена технологиями, орнаментальным ассортиментом в период правления Китаем Монгольской империей Юань, изделия из синего фарфора достигли новой стадии развития. Традиционный китайский орнамент, использовавшийся в керамике и фарфоре, был обогащён новыми видами узоров, символикой степного мира, а также религиозной семантикой буддизма и ислама.

Однако на сегодняшний день ученые не пришли к единому мнению о развитии китайского фарфора, в особенности синего фарфора периода Монгольской империи Юань. Согласно истории, в упомянутое время одни китайские мастера фарфора закрыли свои печи, а другая часть наоборот обогатила традиционное китайское фарфоровое ремесло новыми технологиями, новыми узорами, орнаментом, символами и способами их изображения. В результате синий фарфор перешёл на новую стадию своего развития. Таким образом традиционная культура китайского фарфора посредством синтеза с культурой стран Центральной Азии получила новый импульс к развитию.

Так, построенная на руинах Монгольской империи Юань, китайская династия Мин на первых порах своего развития придерживалась политики не поддерживать развитие синего фарфора, но с времён правления императоров Сюаньдэ и Чжэндэ производство именно синего фарфора строго контролировалось государством. Для его поддержки действовали многопрофильные ремесленные центры для изготовления фарфоровых атрибутов как для повседневного использования, так и для государственных церемоний и религиозных ритуалов.

Одна из главных особенностей синего фарфора, производимого в период Монгольской империи Юань и китайской династии Мин, заключается в том, что нижняя часть изделий обычно украшалась узором из цветов или лепестков лотоса, в один или в два ряда. Нельзя сказать, что до этого периода лепестки лотоса в виде украшения не использовались в китайском орнаменте. В период династии Сун фарфор тоже украшался лепестками лотоса в нижней части корпуса, но они существенно различны с точки зрения выразительности и по технике рисования. В рамках этой темы мы взяли за основу изделия синего фарфора периода Монгольской империи Юань и династии Мин, хранящиеся в Национальном музее Тайваня, и попытались обобщить результаты исследования в двух основных частях. Например, во-первых, выполнена классификация украшений и узоров из синего фарфора. Во-вторых, была предпринята попытка классифицировать синий фарфор по его форме и рисунку. Украшения и орнамент синего фарфора классифицируются следующим образом. Прежде всего, с точки зрения применения. а. Кубок, б. Тарелка /включает чашеобразный сосуд/, в. Кубок /кубок/, бокал, рюмки, чайники, вазы и миски, тарелки. г. ритуальные сосуды-бумба /хумх/ и курильница, д. фарфор в виде фляги, и другие виды. На основе этих и других видов и форм фарфоровых сосудов и ваз. Далее анализировался декор изделий из синего фарфора. Орнамент и узоры классифицируются как: 1. Цветы и растения, 2. Религиозные, символические изображения 3. Люди и животные (антропоморфные и анималистические изображения), 4. Пейзаж природы.

Далее, при классификации формы и дизайна синего фарфора, исходя из предназначения, фарфоровые изделия можно разделить на семь категорий:

– **Чаши.** 1. С выпуклыми боками, 2. По внешнему виду похожие на бокалы и рюмки.

– **Миски, тарелки.** 1. Плоские, 2. Многогранные.

– **Кубки /кубки/, бокалы.** 1. С изогнутыми наружу краями, 2. С прямыми и вертикальными краями, 3. С краями изогнутыми во внутрь.

– **Чайники, вазы и вазы, напоминающие верблюда-буур.** Чайник. 1. Многогранный, с выпуклыми боками, 2. Выпуклые вазы. 1. Внешней формой похожие на ритуальные вазы, 2. Грушевидная ваза, 3. Ваза цилиндрической формы, 4. Высокая ваза, 5. Полукруглая ваза.

– **Ритуальная ваза “бумба” и курильница.** По форме напоминающие ритуальные вазы. 1. Двухъярусные, 2. Основа с прямой, вертикальной стенкой, с изогнутыми наружу краями, 3. С выпуклыми боками и шарообразной формы, Курильница. 1. С изогнутыми наружу краями.

– **Фарфоровая фляга.** 1. Фарфоровая фляга с овальными боками.

– **Другие виды фарфора.** С тонкой шейкой, с изогнутыми наружу краями. 1. Край тонкий, с длинной шейкой, 2. Вазы с толстыми краями, и с длинной шейкой, 3. Вазы с толстыми краями и двумя ручками по бокам. Высокие вазы с длинной шейкой, вазы с короткими шейками и с маленькими краями. 1. Вазы с веерообразной, изогнутыми краями, 2. Ваза с маленькой и изогнутой наружу краями /корпус вазы волнообразный или же в середине сужающий/. Вазы с короткими шейками и маленькими краями, С короткой шейкой и с большими изогнутыми наружу краями. 1. Вазы с волнистыми и изогнутыми наружу краями, 2. Вазы с прямыми краями, вазы с большими изогнутыми наружу краями, вазы с большими краями и длинной шейкой, Вазы с длинной шейкой и большими краями.

丁岩、魏铖 中国陕西省考古研究院
Сиань, Китай
aryanyan1419202669@qq.com
Mukhtarova Gulmira Railovna
Tulegenov Turali Zhaksylykovich
Kurbanali Zhazira
哈萨克斯坦伊塞克国家历史文化博物馆
Есик, Казахстан
railovna@mail.ru
tur4ik_kz@mail.ru
zhazi1981@inbox.ru

中哈两座高等级墓葬封堆的初步比较
——中国汉武帝时代与哈萨克斯坦塞人时代

PRELIMINARY COMPARISON OF THE MOUND OF TWO HIGH-GRADE
TOMBS IN CHINA AND KAZAKHSTAN
THE ERA OF EMPEROR WUDI OF HAN IN CHINA AND THE ERA OF THE
SAKA KAZAKHSTAN

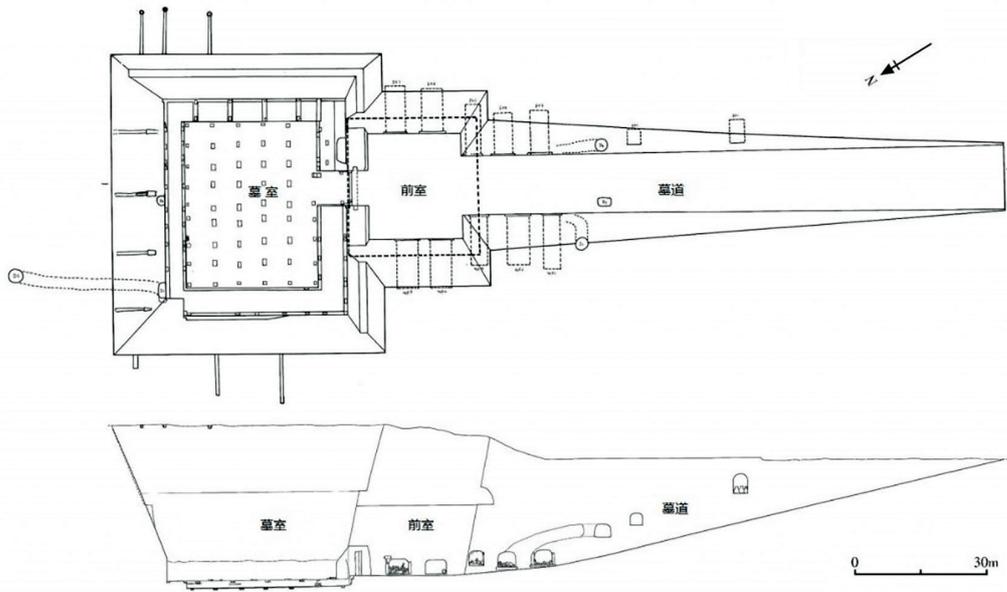
缘起

墓葬封堆是古人留传的重要建筑遗存之一，往往隆起地表，显著可见，从而引起特别关注。由于地域环境及文化传统的不同，封堆情形一般有着各自的多方面特点。因为工作关系，作者多有了解中国关中地区汉武帝时代皇室的一座高等级大墓的发掘及成果，也参加了哈萨克斯坦早期铁器时代塞人贵族的一座高等级大墓封堆的考古发掘。两座大墓的时代较为接近，规模大致相仿，也都属于高等级贵族行列。基于此，本文拟对这两座大墓的封堆进行初步比较，借以抛砖引玉，推进更大范围、更长时段的相关研究。

一 中国陕西省支家沟西汉大墓

支家沟西汉大墓，研究认为属于西汉汉武帝时代或稍晚，即公元前2世纪下半期，位于陕西省关中农耕地区的蓝田县支家沟村西，灞河东岸二级台地上，西隔灞河距汉文帝霸陵约5千米，西北距西安市钟楼约25千米。陕西省考古研究院在2009-2010年发掘清理（陕西省考古研究院，《陕西蓝田支家沟汉墓发掘简报》，《考古与文物》2013年5期）。该墓封堆保留而且经过解剖式发掘，是探讨秦汉时代墓葬封堆难得的考古材料。

支家沟大墓的墓圻为甲字形土圻状，主要由墓道、前室、墓室等部分组成

支家沟西汉大墓平、剖面图

（图1 支家沟西汉大墓平、剖面图），大墓外侧设有垣墙以成墓园。斜坡墓道居南。前室居于墓道北端，紧接墓室，平面略呈长方形，口大底小。墓室居北，亦口大底小。木构椁室和棺具已朽，出土一块成年女性头骨，应是墓主之头骨。

封堆置于墓室区域，呈覆斗状，由纯土逐层夯筑而成，现高约10米，顶部平缓，四周呈斜坡状；封土原底形状为长方形，南北长44、东西宽40米。封堆的夯层多水平分布，夯头分平夯和圆夯两种，夯窝大小不等，直径5~10厘米。堆土的浅黄色土中添加坚硬的红褐色垆土，提高封土的坚固性。可见的夯土可划分出21层，每层厚度约0.3~1.1米。木椁朽塌致使墓室上部填土有所下陷，进而导致该区域局部下斜、错位

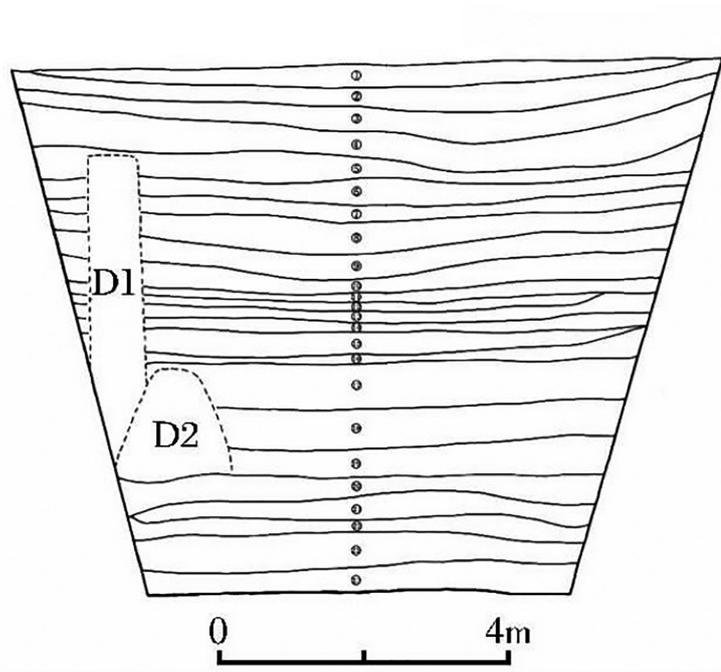

支家沟西汉大墓封堆解剖图

（图2 支家沟西汉大墓封堆解剖图）。封堆内设有祭祀坑，位于中部偏南处，平面略呈长方形，包含有动物骨骼、铜饰漆器、箭簇、残封泥等。

墓道内填土为平夯逐层夯打，质地坚硬；夯土上部为细夯；下部为粗夯，夯层0.07-0.6米。夯土较为纯净

墓道夯土层横向剖面图

（图3 墓道夯土层横向剖面图）。墓室及墓道壁面挖有壁龛12座。墓葬有大量随葬品，包括铜车马器、陶器、玉石器、封泥、五铢铜钱、铁器、漆器等3900件。

尽管该墓被多次盗掘，但还是能根据大墓形制、规模、随葬品等方面，可认识到墓主与西汉皇室关系密切，身份高贵，级别应不低于列侯一级。从出土五铢钱的形制分析，该墓时代应在武帝元狩五年（前118年）至昭帝之间。尽管学者对墓主有两种推测，但一致认为其身份属于十分显赫的皇室贵族。

一种观点认为墓主是汉武帝女儿鄂邑盖长公主（段毅，《蓝田支家沟汉墓墓主身份蠡测》，《考古与文物》2013年6期），鄂邑盖长公主是汉武帝女儿，在昭帝8岁即位时她入宫抚养，参与朝中事。“元凤元年春，长公主共养劳苦，复以蓝田益长公主汤沐邑”，后因谋反自杀。

另一种观点认为墓主是汉武帝第一任皇后陈皇后（谭青枝，《蓝田支家沟汉墓墓主考辩》，《中原文物》2022年6期）。陈皇后是馆陶长公主女儿，“初，上为太子时，娶长公主女为妃。立为帝，妃立为皇后，姓陈氏，无子。上之得为嗣，大长公主有力焉，以故陈皇后骄贵”，后废。卒年大致在武帝元鼎至元封年间（前116年—前105年）。之所以在介绍大墓本体之后还不厌其烦介绍墓主，是想再次说明支家沟大墓级别很高，其封堆建筑应具有高级别封堆的特点。

有材料显示关中地区秦汉高等级大墓的封堆有着长时期的延续性（注：中国南方土墩墓出现时间更早，其与北方地区封堆墓的关系，本处不涉及）。雍城秦公一号大墓（秦景公 前576年—前537年在位）及雍城秦公陵园内其它一些大墓的地表多高于四周，表明此时大概已有了封堆雏形。芷阳东陵M1（秦昭襄王 前325年~前251年）的地表隆起明确，当是封堆情形。秦始皇帝陵（秦始皇帝 前259年—前210年）封堆高大，几无超越者，呈覆斗形状，高约31、底边边长约285米。咸阳原汉景帝阳陵（汉景帝 前188年—前141年）的几座高等级陪葬墓经过考古解剖或者发掘，封堆夯筑，夯层呈水平状、较均匀。

两千多年前的秦汉大型墓葬封堆能够保存下来的较少，经过考古发掘的更少。前文简单梳理秦汉大墓封堆有着延续性，故此，本文以考古发掘的公元前2世纪的支家沟大墓封堆为代表，说明该地区此前数百年以来大墓封堆的构筑情形及其特点。

二 哈萨克斯坦阿拉木图州伊塞克塞人大墓M8

伊塞克M8，研究认为属于中亚早期铁器时代塞人遗存，时间在公元前5世纪前后，该大墓地处

阿拉套山北麓的阿拉木图州游牧区域，伊犁河流域伊犁河支流伊塞克河左岸的二级阶地，位于伊塞克国家历史文化博物馆西侧，西距阿拉木图市约50千米，东距霍尔果斯约250千米。1969年发掘的伊塞克金人墓就位于该墓地。该墓地发现有早期铁器时代塞人的高等级贵族墓葬近百座。

伊塞克M8封堆近圆丘状，由砂土卵石堆筑而成，高约7米，底部直径约60米，顶部直径约21米。顶部的凹陷区域呈漏斗状，盗扰及塌陷所致，深度约1.7米，口部直径约13米

（图4 伊塞克M8封堆俯瞰、

图5 伊塞克M8封堆解剖位置)。解剖性发掘显示，墓圻位于封堆所处区域地面中心区域，呈长方形土圻状，深3.5，南北5，东西长4米

(图6 伊塞克M8封堆解剖正视)。该墓多次被盗，墓室破坏严重，在墓圪内仅清理到了棺椁木构件及铜棺钉遗存。在封堆剖面可见盗洞迹象。

该封堆主要由四层堆积构成。第一层，处于最外的部分，颜色较浅，为土、石分层多次堆筑而成，原状保存，少有扰动；靠外的部分呈外低内高的斜状堆积，为原状堆积，靠内的部分呈外高内低的倾斜堆积，为塌落而成。该层的顶部有团扇状石圈一周，解剖显示石圈厚度0.10~0.55米，靠上部较薄，中下部稍厚，半幅的南北斜长度约16.2米，水平长度约15.1米，水平高差4.4米。这些河卵石形状不甚规则，大小不一，较大者直径多为0.1~0.2米。

第二层，绕椁室区域一周的浅色土，质地较密、较纯，砂石含量较少，靠近椁室的内侧有被二次挖掘迹象。

第三层，覆压椁室一周的河卵石，剖面显示位置不同，河卵石的大小不同、砂土含量不同。部分河卵石体积较大，多数直径为0.2~0.3米，大的达0.45米。

第四层，封堆中部的绛红色沙石土，上、下贯通，直抵底部卵石层，该处上部的堆积多紊乱状，下部的堆积地层较平整，这是二次回填堆积，应该是回填盗洞的迹象。

大墓封堆的第一层堆积，原状保存、少有扰动。以较为清晰的封堆剖沟的西北断面为例，进一步说明大墓的封堆构筑情形。观察到剖面区域的踩踏面较为明显，南低北高，呈斜线状。踩踏层较硬，表面多平整，薄厚不一，薄者约1毫米，厚者达3~5毫米。依据这个区域的踩踏面层线可将封堆最少划分11个堆积层次，这些踩踏层表明了封堆的堆筑层次，明确显示了大墓椁室完成后若干年内有过11次的覆土增高过程。根据传说或者记载，这时期对大墓封堆的每一次覆土就是又一次祭祀活动的一个环节。

第一层堆积最外层一周扇状分布的卵石之外再无人造的堆积层，表明这座大墓此后不再覆土增高。至于从此是否还有另外的祭祀活动，目前的考古资料尚无法提供信息。

三 两座大墓封堆的初步比较

在概述中哈两座大墓相关信息的基础上，主要将两者的封堆从地理环境、选址、形态、规模、用材、构筑方式、构筑时限、附属设施以及与住地的关系等方面，予以比较（表一、表二）。

从表一可以看出支家沟大墓、伊塞克M8诸多的相同点和不同点。

两座大墓都处于某座大山的北侧台地，整体地势高敞；选址于河流的二级阶地，距离较远可免于河水危害；封土高耸于地表，规模都较大。两座大墓地点均远离墓主生前居住地，是为另外择地，阴、阳两隔。

封堆用材方面都是就地取材，支家沟大墓用黄土，伊塞克M8用砂土、卵石。封堆构筑方面，支家沟大墓采取逐层夯筑、水平增高的方式；伊塞克M8采取逐层堆筑、斜状增高的方式。封堆完成时限方面，支家沟大墓封堆完成时限较短，花费时间较少，很可能在墓主安葬不久的几天、几十天或者几个月的较短时期内就已完成（尽管中国传统也有墓祭之际的培土行为，但这几乎不再影响堆封高度）；伊塞克M8封堆完成时限较长，花费时间较多，很可能在墓主安葬后会持续几年、十几年或至几十年的较长时期内才完成，这与该地区塞人一乌孙时期每年祭祀之际都会增加封堆一次的传说是一致的。封堆外的附属设施，支家沟大墓封堆外界以夯土墙垣形成了墓园，墓园很可能是长方形；由于后期破坏的原因，伊塞克M8封堆外目前没有发现石圈或者围沟，但是参照已有资料，很可能也设置石圈，作为大墓的界域标志。

至于封堆之下的墓圪、墓室、棺椁、墓向、随葬品等方面的比较，不属于本文主要讨论内容，可参看表二。

两座大墓的封堆规模、墓圪结构、随葬品数量和内涵等多方面，显示出大墓的规格很高，属于高等级贵族（使用）行列，它们都是所处时期、所处地区的高等级贵族所使用。依据支家沟大墓的出土信息，可以明确确定该大墓级别不低于列侯。

表一 中哈两座大墓封堆比较项目之一

类别	地理环境	选址	形态	规模	用材	构筑方式	完成时限	附属设施
支家沟西汉大墓	秦岭北麓黄土高原的关中平原	河谷二级阶地，地势高亢	覆斗状	现高10，边长40-44米	黄土	逐层夯筑，夯层水平	较短时期内完成	墙垣
伊塞克塞人大墓M8	天山北麓伊犁谷地的草原地带	河谷二级阶地，地势平缓	圆丘状	现高7，直径60米	砂土、卵石	逐层堆筑，斜状堆积层	较长时期内完成	? 石圈

表二 中哈两座大墓封堆比较项目之二

类别	墓圪	墓室	墓向	葬具	随葬品	与住地关系	级别
支家沟西汉大墓	甲字形土圪	长方形土圪	南向（墓道）	木椁、木棺	铜、陶、玉石、铁、漆器等	远离住地长安城	不低于列侯（皇室贵族）
伊塞克塞人大墓M8	长方形土圪	长方形土圪	西?	木椁、木棺	? 被盗严重	远离住地	高级贵族

小结

初步比较中国支家沟大墓和哈萨克斯坦伊塞克M8封堆的多个方面后，可以认识到两座大墓具有各自的显著特点，封堆的多个因素的相似和不同、共性和区别，均体现着、反映着使用它们的人群的生存环境和文化传统。中国黄土高原的关中农耕地区，哈萨克斯坦伊犁河中游的游牧区域，两支不同的人群和文化，在各自的土地上呈现着自身的精彩。

两座大墓代表的文化基于地理环境的不同、生业方式的不同、文化传统的不同，所以使用的墓葬封堆及构筑呈现着不同的形式。另外，两千多年前，两座大墓封堆代表的两支人群和文化，有无直接或者间接的交流、影响的可能性，在封堆方面目前还没能够观察到。

两个区域大致相同时代的高等级墓葬封堆的比较，我们认为很有意思，比较过程中发现了好多问题。本文以提纲性的文字进行了初步尝试，希望得到更多学者的关注和讨论。

伊塞克M8考古资料还未正式刊布，该项目主要参加人员如下：

中方总负责：孙周勇

现场负责：丁岩

参加人员：丁岩 魏铖 祁玉庭 王阳阳 加那儿·巴尔汉斯（2023年度）

Mukhtarove Gulmira Tulegenov Turaly Kurbanali Zhazira

作者：丁岩、魏铖 中国陕西省考古研究院

Mukhtarove Gulmira Tulegenov Turaly Kurbanali Zhazira 哈萨克斯坦伊塞克国家历史文化博物馆

Дуйшаналиева Айсин Тунжуровна
Терещенко Олеся Владимировна
Республиканская инспекция
по охране памятников истории и культуры
Министерства культуры, информации и туризма
Кыргызской Республики
Бишкек, Кыргызская Республика
aisintd@mail.ru, archolesya@mail.ru

ВАЛОРИЗАЦИЯ II-ГО БУДДИЙСКОГО ХРАМА – КОМПОНЕНТА ОБЪЕКТА ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ ЮНЕСКО – ГОРОДИЩА «КРАСНАЯ РЕЧКА»

Abstract. A Brief History of the Krasnaya Rechka Settlement (Navekat) and the Second Buddhist Temple. History of modern research and development of the Buddhist Temple II Valorization Project as a component of a UNESCO World Heritage Site. Carrying out valorization work at the Temple in phase III - documentary and photographic material.

Keywords: Krasnaya Rechka, settlement, Buddhist temple, valorization project, photographic material, history

Чуйская долина – одна из областей Средней Азии, где широко представлены памятники буддийского происхождения. Во время археологических исследований 60-х годов прошлого столетия, повсеместно развернувшихся в Средней Азии, было открыто более десятка буддийских объектов. Многолетние исследования этих памятников привели археологов и востоковедов к выводу, что наиболее ранние из них относятся к рубежу нашей эры, ко времени существования могущественных империй Востока – соперниц Рима и Греции – Кушанского и Парфянского царств. Под покровительством кушанских царей буддизм из Индии (вместе с миссионерами) через Гиндукуш проник в среднеазиатские и восточно-туркестанские области.

Памятники буддийского происхождения на территории Чуйской долины относятся только к раннесредневековой поре, хотя отдельные артефакты имеют явно более древнее происхождение и сохранялись, видимо, в монастырях в качестве реликвий на протяжении многих столетий.

II Буддийский храм расположен на территории Краснореченского городища в Чуйской долине Кыргызской Республики – объекта всемирного наследия ЮНЕСКО. Географически само городище расположено к востоку от населенного пункта Красная Речка. Начинаясь от 33-34 км трассы Бишкек-Балыкчы, они вытянуты с запада на восток более чем на 4 км, простираясь почти до 38 км.

Центральные развалины городища простираются по сторонам восток – запад на 1500 м и, с севера на юг – на 800 м. Расположенные на краю левой надпойменной террасы реки Чу, они четко делятся на три части: основную с цитаделью, центральный четырехугольник, объединенный общими контурами с основной частью и – западную пристройку.

Основная часть, наибольшая по площади, имеет неправильную форму и всхолмленную поверхность с невысокими уплощенными возвышенностями. Только на самом западном участке резко выделяется выемка (двор) с двумя въездами в западной и южной стенах. Восточнее выемки явно видна улица, пересекающая эту часть поселения и проходящая в центральный четырехугольник. В южной стене сохранились ещё два

хорошо видимых въезда – один из них вел на улицу, пересекавшую всё городище и делившуюся на две ветви (одна выходила в северной стене, вторая – против юго-западного угла центрального четырехугольника). Следы улиц представляют глубокие (до 2,5 м) ложбины, шириной до 15-20 м. Их выходы в стенах отмечены предвратными сооружениями. В юго-восточном углу, описанной выше, части центральных развалин, находится цитадель, подпрямоугольная в плане с размерами сторон 40*60м, склоны её очень круты, а высота над поймой достигает 15 м, с западной её стороны был въезд, очевидней всего – по пандусу. Согласно полученной научно-изыскательской информации, эта часть городища была обитаема в VII-XII вв.

Вторая часть городища – центральный торткуль – выделяется высотой своих стен и глубоким и широким рвом (до 50 м). В стенах, особенно южной и восточной, видны башни и предвратные сооружения. Внутреннее пространство всхолмлено, но имеет относительно ровную поверхность; материалы, заложенного здесь шурфа дают датировку IX-X вв.

Обе описанные части центральных развалин имеют одинаковую культурную толщу и объединяются общими очертаниями. Третья же составляет самостоятельный элемент – это как бы пристройка с западной стороны с меньшими по высоте и ширине валами. В оплывших стенах видны башни, особенно в западной, сейчас прослеживаются 6 башен, хотя, очевидно – их было гораздо больше.

Следует особо отметить комплекс сооружений близ юго-западного угла. Здесь, в плохо сохранившемся четырехугольнике валов, виден круглый конической формы бугор – остатки цитадели (высотой до 8 м и диаметром до 50 м). Восточнее располагаются ещё два небольших холма диаметром 30 и 40 м и высотой около 3 м, судя по внешним данным и планировке – это наиболее поздняя по времени пристройка. Вокруг центральных развалин в трех направлениях: к востоку, западу и особенно – к югу, расположено большое количество мелких холмов – остатки одиночных построек.

II Буддийский храм.

На Краснореченском городище были открыты в разные г.ы остатки архитектуры, живописи и скульптуры, связанные с буддийской идеологией и искусством. Буддизм проник на территорию Северного Кыргызстана вместе с переселенцами и миссионерами, двигавшимися по Великому Шелковому пути. Буддийское искусство достигло здесь наивысшего расцвета в VII-VIII вв. Большая община на территории древнего города размещалась к югу от цитадели, но за стенами шахристана. В настоящее время эта территория распахана, сохранился лишь большой холм от центрального храма. В 1961-62 гг. здесь, в одной из галерей, была раскопана колоссальная глиняная скульптура Будды, достигавшего в реконструкции 12 метров, т. е. во всю длину обводного коридора. Колосс лежал на специальном возвышении – суфе в 1 метр высотой. Верхняя часть скульптуры и окружавшие её рельефные и живописные изображения были утрачены ещё в древности, когда Храм был разрушен язычниками-тюрками, принявшими ислам, который с середины X в., при Караханидах, стал государственной религией.

Раскопки Храма методично проводились с 1979 г.а. В храмовый комплекс входили: просторный внутренний двор, целла с обводным коридором и, примыкавшие к ним жилые и хозяйственные постройки. Перед входом в святилище были в разное время обнаружены куски некогда стоящих скульптур бодхисатв примерно двухметровой высоты (в реконструкции). Вся скульптура выполнялась из глины на деревянно-камышовом каркасе. Открытые участки тела, а, также детали одежды, украшения на ногах, руках,

и груди подкрашивали минеральными красителями. Особенно торжественным было убранство святилища, достигавшего высотой более 4 м. Стены толщиной 2-2,6 м сложены из пахсы и сырца. К моменту исследований Храма, основная часть декора внутренних стен уже была утрачена и частично снята П. Н. Кожемяко в 1961-63 гг. Скульптура Будды была вывезена в Эрмитаж, после пропитки её тела скрепляющим раствором и расчленения на сегменты.

Кроме скульптуры, сопутствующего декора и росписей в Храме были обнаружены сенсационные находки – «берестяные грамоты» с древнеиндийским письмом – брахми, которые на сегодня являются единственной в Кыргызстане подобной находкой. Письмена на бересте были датированы учеными-индологами VII- сер. VIII вв. и содержали священные буддийские тексты. Вместе с берестой в Храме хранились и другие изделия: мелкая скульптура из глины, бусы, миниатюрные сосуды – подношения Будде. Здесь же в реликварии лежала литая позолоченная скульптурка Будды на подставке о четырех ножках, высотой 6,7 см. Первые работы по археологической консервации и созданию укрытия над II Буддийским Храмом были проведены в 2006 г.

Следующие обширные работы на II Буддийском Храме были проведены по инициативе и при финансовой поддержке ЮНЕСКО и ЕС в три фазы и длились с 2019 г. по 2022 г. Первая фаза работ включала сбор архивно-библиографических материалов, натурное исследование состояния Храма и конструкций укрытия с дальнейшей систематизацией полученных материалов, разработкой Проекта трансформации укрытия над II Буддийским Храмом и проведением полевых работ. Полевые работы проводились с целью трансформации укрытия с капитальным ремонтом существовавшего и его расширением на юг и запад, для возможности дальнейшего археологического вскрытия неизученных руин. Вторая фаза включала разработку, утверждение проекта ограждения территории и установку ограждения вокруг II Буддийского Храма, а также – проведение археолого-консервационных работ. В рамках третьей фазы были завершены археолого-консервационные работы. По итогам проведенных работ будет получено целостное представление об объекте наследия.

Использованные источники и литература

- Отчеты о проведенных работах. Архив РИОПИК КР. 2019-2022 гг.
- Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины / Акад. наук Киргиз. ССРСР. Фрунзе: [б. и.], 1959. 186 с.
- Горячева В. Д. Город Золотого верблюда (Краснореченское городище). Фрунзе: «Илим». 1988. 118 с.
- Бернштам А. Н. Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана / Сост.: К. Ташбаева, Л. Ведутова. Бишкек: Айбек, 1997-1998. Т 1-2.
- Красная Речка и Бурана (Материалы и исследования Киргизской археологической экспедиции). Фрунзе: «Илим», 1989. 184 с.

*Фотографии II Буддийского Храма и прилегающей территории
до и после окончания работ по трансформации укрытия и установке ограждения.*

Главный фасад

Главный фасад

Южная сторона Храма

Северная сторона Храма.

Западная сторона Храма

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ АРТЕФАКТОВ: ТЕНДЕНЦИИ, СЛОЖНОСТИ, ВОЗМОЖНОСТИ

Abstract. The article discusses current methods of presentation of archaeological objects in the landscape and museum exposition, various methodological approaches applied to World Heritage sites in different regions, as well as some characteristic features of the evolution of the museum exposition over the past century. The proposed review is intended to draw the attention of archaeologists to the problem of the presentation of artifacts, and may also be useful to employees of museums-reserves created on the basis of archaeological material.

Keywords: archaeological monuments, cultural heritage, museum, UNESCO Convention, museum exposition, museum object, artifact, multimedia in archeology, narrative, museumification of monuments.

Тема презентации и музеефицированного бытования археологических артефактов является малоизученной, так как находится на стыке двух дисциплин – археологии и музееведения. Если археологи большей частью сосредотачивают свои усилия на изучении самого предмета (объекта) и сферы его бытования, то музейные специалисты, в свою очередь, сосредоточены на общих принципах экспонирования, без акцента на археологию. Таким образом, в зыбком поле, где соприкасаются эти два направления деятельности, существует много вопросов, требующих осмысления. В настоящее время круг письменных источников по теме весьма ограничен. Но и те немногие публикации, которые есть, как правило, рассматривают лишь какой-то один аспект. Вместе с тем, вопрос музеефикации и представления археологических артефактов имеет большое значение, учитывая активную археологическую практику последних лет и создание новых музейных экспозиций на основе новейших археологических поступлений. Цель настоящего обзора – показать спектр возможностей, которые существуют сегодня и выделить наиболее эффективные способы представления археологических артефактов с позиции музейщика-практика, имеющего опыт работы с археологическими памятниками. Статья призвана привлечь внимание археологов к проблеме презентации артефактов, она также может быть полезна сотрудникам музеев-заповедников, создаваемых на основе археологического материала. А поскольку музеям-заповедникам приходится сталкиваться с решением вопросов в обеих плоскостях знаний, то обзор, предлагаемый в статье, затрагивает весь спектр памятников – от монументальных – в ландшафте до небольших артефактов и их фрагментов, которые можно видеть в витрине музея.

В части, посвященной презентации объектов в историческом ландшафте и подходам ЮНЕСКО к сохранению наследия, автор опирается преимущественно на свой опыт участия в рабочих семинарах и встречах ЮНЕСКО, личное общение со специалистами, занимающимися сохранением наследия из Великобритании, Китая, Казахстана и отчасти публикации российских специалистов. Информация о менеджменте культурных объектов Великобритании получена из презентаций специалиста Института культурного наследия Ньюкаслского университета Дэвида Брова и профессора университетского колледжа Лондона, эксперта в области археологии Шелкового пути Тима Вильямса.

Представление о состоянии и походах к сохранению наследия в Китае было получено в ходе личных поездок по объектам, включенным в Список ЮНЕСКО в городе Сиань и общения с китайскими специалистами – это Линь Чжихун, уполномоченный представитель Центра мирового наследия ЮНЕСКО; Лю Цзяшу, представитель музея древнего города Чанъань; Фэн Цзян, заместитель директора Международного центра консервации ИКОМОС г. Сиань; Чжань Фань, специалист комплекса дворца Дамин и др. Представление о состоянии памятников археологии в Казахстане получено в ходе работы автора в Государственном историко-культурном заповеднике-музее «Иссык» (Алматинская область, Казахстан). Автор выражает благодарность за введение в тему казахстанским специалистам Гульмире Мухтаровой, Эмме Усмановой и Ляззат Сембиновой.

В части, посвященной представлению археологических артефактов в музее, автор опирается преимущественно на работы российских авторов, раскрывающих понятие экспозиции как таковой и основные тенденции в развитии этого направления музейной деятельности – Михаила Гнедовского, Алексея Лебедева, Татьяны Калугиной, Марии Майстровской и др. А также на собственный многолетний опыт работы с музейными экспозициями и выставками. Основываясь на общих положениях, предпринимается попытка обозначить подходы, которые успешно могут быть применены в археологических музеях и экспозициях.

Предполагается, что обзор кейсов и обозначение возможных тенденций в области сохранения и презентации археологических артефактов, осуществленный автором статьи, может быть использован при создании специализированных музеев и экспозиций, будет полезен для специалистов, вступающих на зыбкую почву соприкосновения двух наук – археологии и музееведения.

1. Памятники и ландшафт

Сразу отметим, притом, что в Конвенции ЮНЕСКО и Руководстве по ее выполнению очень четко прописаны общие принципы и подходы к сохранению культурного наследия в ландшафте, в разных странах – участниках конвенции – отмечается различный взгляд на цели и методы археологических исследований в принципе. Для сравнения приведу пример различных подходов к сохранению и использованию памятников одного порядка в Китае и Казахстане – включенных в транснациональную серийную номинацию ЮНЕСКО «Шелковый путь: сеть маршрутов Чанъань-Тянь- Шанского коридора» (всего в номинацию вошли 33 памятника, расположенные на территории Китая, Казахстана и Кыргызстана).

Средневековые городища Талгар и Каялык на территории Казахстана были внесены в номинацию в 2014 г., находясь в плачевном состоянии. Все найденные артефакты разошлись по столичным музеям еще во времена СССР, а вскрытые раскопы, по которым можно было составить представление о структуре древних городов, размываются дождями и зарастают сорняком, ничем не защищенные.

Городище Талгар не только не имеет буферной зоны – застройка подступает вплотную, но и по его территории проходят коммуникации ближайших построек. Как его в таком состоянии включили в Список всемирного наследия ЮНЕСКО – непонятно, поскольку уже было нарушено основное требование – целостность ландшафта. Мало того, уже после включения в номинацию, в 2016 г. по его территории начали прокладывать шоссейную дорогу, и даже успели поставить мост, выходящий прямо на городище. Общественность забила тревогу, случился скандал, и только

вмешательство премьер-министра смогло остановить стройку. Для того, чтобы выправить ситуацию, в 2018 г. объект передали в ведение Государственного историко-культурного музея-заповедника «Иссык». Но его компетенций недостаточно для того, чтобы решить множество вопросов, связанных с землепользованием, переносом коммуникаций, учетом прав частных собственников, успевших построить дома в зоне, которая должна быть буферной. Согласно Руководству по выполнению Конвенции об охране Всемирного наследия, «...любые модификации буферной зоны после внесения объекта в Список всемирного наследия должны быть одобрены Комитетом всемирного наследия»⁷⁸. И теперь заповедник имеет множество проблем с экспертами ЮНЕСКО, которые регулярно инспектирует состояние городища и требуют устранить нарушения и восстановить целостность памятника, что в принципе сделать теперь почти невозможно, поскольку вопросы должны решаться на более высоком, правительственном уровне, при компетентном взаимодействии министерства культуры с местной властью, которого сейчас, увы, нет.

Совсем иной подход можно видеть в Китае на памятниках, расположенных на территории города Сиань, некоторые из которых включены в ту же номинацию «Шелковый путь: сеть маршрутов Чанъань-Тянь-Шанского коридора», как и казахстанские городища. Это Национальный парк древнего города Чанъань и огромный комплекс Дворца Дамин.

Практически все объекты, вошедшие в номинацию с китайской стороны, сначала были исследованы, взяты под охрану государства, затем благоустроены, создана их инфраструктура, и только после этого подавалась заявка на их включение в номинацию. Такой порядок действий позволил избежать многих вопросов, возникающих у экспертов ЮНЕСКО в случае, когда нет четкого видения менеджмента памятника, и ограничений, устанавливаемых требованиями ЮНЕСКО.

*Рисунок. 1 – Реконструкция древнего города Чанъань со смотровой площадкой.
Китай, Сиань. 2019.*

⁷⁸ Руководство по выполнению Конвенции об охране Всемирного наследия. Центр Всемирного наследия. Париж, 2005 // Нормативные и практические меры по охране культуры. Справочник ЮНЕСКО. Алматы, 2008. С. 179.

На месте древнего города Чанъань раскопы после исследования были закрыты во избежание разрушения. Вызывает уважение бережный подход к ландшафту: никаких реконструкций, никаких навесов над раскопами, на месте дворца – деревянная смотровая площадка, с которой посетители могут увидеть окрестности и представить, какой вид открывался когда-то из императорского дворца, который сгорел в 1904 г. и после этого не восстанавливался. Есть еще реконструкция общего комплекса – макет, выполненный в масштабе, – его можно увидеть со специального пандуса, протянувшегося во всю длину.

Это все. В общем, такой сторителлинг по-китайски. Вместе, с тем памятник хорошо изучен – в научных источниках имеется достаточно детальное описание древнего города, не только главного дворца, но и других городских зданий и рынков.

Национальный парк, созданный на месте императорского дворцового комплекса Дамин династии Тан, находится в центре города. Масштабы работ здесь впечатляют – для создания парка была очищена территория площадью около 1300 га – переселено около 100 тыс. жителей, закрыто 80 предприятий. Только в период с 2008-2010 на это был потрачен 1 млн юаней. Важно, что все эти кардинальные перемены не были спонтанными, они базировались на фундаментальных археологических исследованиях – до 2010 г. памятник исследовался более 50 лет.

В презентации археологического памятника используются разные методы. Есть макет дворцового комплекса со специальными пандусами для осмотра, реконструкция центральных южных ворот, которые теперь служат «визитной карточкой» дворца Дамин и большое законсервированное (исследованное и вновь закрытое) одно из трех основных дворцовых зданий, предназначавшееся для торжественных церемоний – дворец Ханьюань. Сейчас он, выглядит как внушительных размеров (примерно в 15 м в высоту, 200 м в ширину и 100 м в длину) платформа, повторяющая очертания дворца – фактически смотровая площадка, с которой открывается вид на въездные ворота. И лишь в небольшой части этой платформы демонстрируется вскрытый участок под стеклом.

В целом прослеживается тот же подход, что и на предыдущем памятнике. Приоритет ландшафту: лишнее – убрать, материалы, используемые для строительства инфраструктуры и благоустройства – преимущественно природные, дизайн всех построек – лаконичный, гармонично вписанный в ландшафт. К слову сказать, здание отнюдь не маленького музея тоже деликатно встроено в рисунок холма, как бы «утоплено» в земле, чтобы не нарушать ландшафт, фасад его облицован деревом, без неуместного декора. В музее размещены предметы, найденные на территории памятника. Дизайн парковых павильонов также перекликается с платформой дворца. Приоритет подлинности: реконструкциями не злоупотребляют, «новодел» в минимальном количестве. Как нам говорили китайские коллеги, это такой «проект общественного представления», чтобы люди могли не просто увидеть, как это было, а именно почувствовать дух старины и подлинности, погрузившись в среду, максимально приближенную к историческим реалиям. Также нам с гордостью сообщили, что после открытия парка в 2010 г., он получил награду ЮНЕСКО за лучшую окружающую среду. И лишь в 2014 г. был включен в серийную номинацию Шелкового пути ЮНЕСКО.

В России такое бережное отношение к ландшафту мы можем видеть в музее-заповеднике «Остров-град Свияжск» (Татарстан), где главное здание также деликатно вписано в холм. Там это связано с тем, что неподалеку находятся здания Богородице-Успенского монастыря XVI в., включенные в Список Всемирного наследия.

Музей археологического дерева Татарская слободка, входящий в состав заповедника, построен над археологическим раскопом на территории исторического посада Свияжска. Он занимает площадь около 2,5 тыс. м². Памятник датируется XVI – XVIII вв. Толщина археологического слоя раскопа составляет 3 м при площади в 900 м². В центре главного зала находится археологический раскоп, а по периметру его окружают экспозиции. Срубы домов и построек хозяйственного назначения, заборы, мостовые находятся там, где были обнаружены, без перемещения. Интересно, что найденные артефакты разных периодов здесь разделены по уровням: в нижней части – объекты, относящиеся к XVI в., на подиуме – предметы XVII в., на подвесах – находки, датированные XVIII в. Само по себе сохранение такого недолговечного материала как дерево уже несет в себе большие сложности, которые здесь успешно преодолевают. К слову сказать – в мире всего два аналогичных музея: один расположен в белорусском Бресте, другой – в шведском Стокгольме.

В целом изменения в понимании задач сохранения и реставрации памятников культуры начались в 1960-е гг. «В 1964 году под эгидой ЮНЕСКО принимается «Венецианская хартия», где дается расширенное понятие исторического памятника, который определяется как «произведение или среда, носящие характерные признаки определенной цивилизации, особого пути развития или исторического события» <...> Тогда же советская реставрационная школа восприняла основные положения Хартии: приоритет консервации памятника перед реставрацией, необходимость по-новому осмыслить роль памятника как «живой» части культурного наследия, неотделимость памятника и исторически сложившейся среды, окружающей его»⁷⁹. Однако впоследствии на многих объектах мы можем видеть отход от этих положений.

И здесь стоит обратиться к европейской практике сосуществования памятников в более позднем культурном контексте. Там не сносят кварталы жилых домов для очистки охранной зоны объектов, оставляя их жить в естественной, исторически сложившейся среде. Так, один из самых масштабных памятников Великобритании – Стена Адриана (Римская стена), оборонительное сооружение, построенное римлянами при императоре Адриане в 122–126 гг. для предотвращения набегов северных племен, на разных участках демонстрирует различные подходы.

Это оборонительное укрепление длиной в 117 км построено из камня и торфа в самом узком месте острова. Ширина стены – около 3 м, высота варьировалась от 3,5 до 6 м, на востоке преимущественно каменная стена, на западе – дерновый вал толщиной до 6 м. По всей длине, через каждые 1300 м располагались наблюдательные башни, через каждые 500 м – вышки для сигнализации, с обеих сторон вырыты рвы восьмиметровой глубины.

Сейчас на разных участках сохранились фрагменты стены, в некоторых местах она реконструирована, существуют специальные туристические маршруты вдоль некоторых участков протяженностью до 5 км. Памятник живет жизнью как бы «встроенной» в современный социум, в исторически сложившейся среде уже совсем других, более поздних эпох. Здесь не только не идет речь о какой-либо «расчистке» территории вокруг и в его охранной зоне, но даже на многих участках фактически нет ограждений. Где-то фрагмент стены стал частью благоустроенного парка, где-то в горах – смотровой площадкой, откуда открывается прекрасный вид, где-то соседствует с фермерским хозяйством, а где-то вообще оказывается каменной кладкой, расположенной

79 Медведь А. Н. Музеефикация памятников археологии в России (прошлое и настоящее). М.: Издательство «ГНОМ и Д», 2004. 80 с.

прямо у современной автострады. Причем даже в последнем случае фрагмент кладки демонстрируется «как был», ничем не защищенный. Разрушенные башни и ворота сохраняются в виде руин. Однако, несмотря на это, у экспертов ЮНЕСКО не возникает беспокойства относительно сохранности памятника, так как они видят его отлаженный менеджмент.

К реконструкциям отношение очень осторожное – существует несколько графических версий, как выглядели башни, а с воротами, реконструкцию которых все же сделали в материале, случился казус – позднейшие исследования показали, что отстроенная заново версия оказалась неверной и выглядели ворота не совсем так, как сейчас демонстрируют туристам. Поэтому во избежание таких неточностей и ошибок в Великобритании не торопятся делать высокотратные реконструкции, предпочитая, например, мультимедиа-реконструкции.

Рисунки 2-3. Экспериментальная реконструкция Восточных ворот средневекового Замка Пфферинг, выполненная из полиэтилена и посетители внутри нее. Германия. 2013.

Та же тенденция наблюдается во многих в европейских странах. Практичные немцы, например, в качестве гипотезы, иногда сооружают пространственные инсталляции, имитирующие объемы исторических ворот из... полиэтилена⁸⁰ При этом из металлических конструкций выстраивается не просто декорация, а вполне функциональная модель, внутри которой можно подняться наверх башни, почувствовав размеры ее внутреннего пространства (рис. 2-3).

⁸⁰ Kastell Pförring / WikiZ URL: https://deru.abcdef.wiki/wiki/Kastell_Pf%C3%B6rring (дата обращения: 12.05.2023).

Рисунок 4 – Музеефицированные развалины языческих ворот у поселка Петронель-Карнунтум. Австрия.

Насколько оправдан такой «модернизм» применительно к памятникам наследия, можно, конечно, спорить. Непривычно, да. Но и у такой формы презентации и апробирования гипотез о внешнем виде утраченного памятника есть свои плюсы. Во-первых, недорого – стоимость легко разбирающейся конструкции несопоставима с капитальным сооружением из кирпича. Во-вторых – такой объект, безусловно, привлекает туристов. И третьим «за» представляется то, что визуализация объема

постройки в реальном размере может помочь исследователям в дальнейшей работе приблизиться к пониманию закономерностей строительства, «почувствовать» масштаб и логику сооружения и обнаружить в итоге те ошибки, которые могут возникнуть при проектировании «на бумаге».

Еще одним способом показать, как выглядел объект, стало применение мультимедиа технологий, позволяющих воспроизвести с минимальными материальными затратами описанные учеными параметры памятника и его внешний вид в целом или «дорисовать» к руинам разрушенную часть. Иногда это делается совсем простыми способами. К примеру, постройка «дорисовывается» на статичном прозрачном стенде и при определенном ракурсе и точке зрения «накладывается» на объект, тем самым совмещая дорисованную часть с реально существующей. Такой способ презентации используется, например, при демонстрации музеефицированных развалин языческих ворот у поселка Петронелль-Карнунтум в Австрии (рис. 4).

Очевидно, что такой бюджетный способ презентации может быть широко использован на многих объектах.

А в последнее время с широким распространением дистанционно пилотируемых летающих аппаратов, стали появляться зрелищные шоу-презентации, где отсутствующие части полуразрушенной археологической постройки «дорисовываются» линиями, сложенными из огоньков, зависших над объектом дронов. Такой опыт, например, был осуществлен голландской компанией Cyberdrone, занимающейся световыми шоу. С помощью беспилотников они показали, как могло бы выглядеть аббатство Уитби в Великобритании (рис. 5), амфитеатр в Пловдиве в Болгарии и руины Соли в Турции. Конечно, кратковременность действия ограничивает регулярное использование метода, но недолгая жизнь столь эффектного способа реконструкции может быть продлена фото- и видео-фиксацией, которую можно впоследствии использовать неограниченно.

Основным недостатком технологических реконструкций видится вымывание из коммуникации зрителя с артефактом подлинности, тактильной и энергетической составляющей. Той самой энергии, которую, к примеру, зритель чувствует, глядя на подлинную живопись, а не на репродукцию картины. Прикоснуться к предмету всегда было важно, и иногда эта потребность граничит с вандализмом, особенно на популярных туристских объектах. Вспоминается, что в одном из старых номеров журнала «Наука и жизнь» приводились данные, что сотрудники акрополя в Афинах ежедневно рассыпают по дорожкам 20 тонн осколков мрамора, которые регулярно уносятся туристами «на память». Отчасти эту проблему можно решить подобно сотрудникам Акрополя, разместив в поле доступности фрагменты, которые могут удовлетворить жажду тактильности без ущерба основному объекту. Важно соблюсти баланс подлинного и суррогата, не сваливаясь в популизм. Примером такой крайности может служить создаваемый в настоящее время в Алматы (Казахстан)

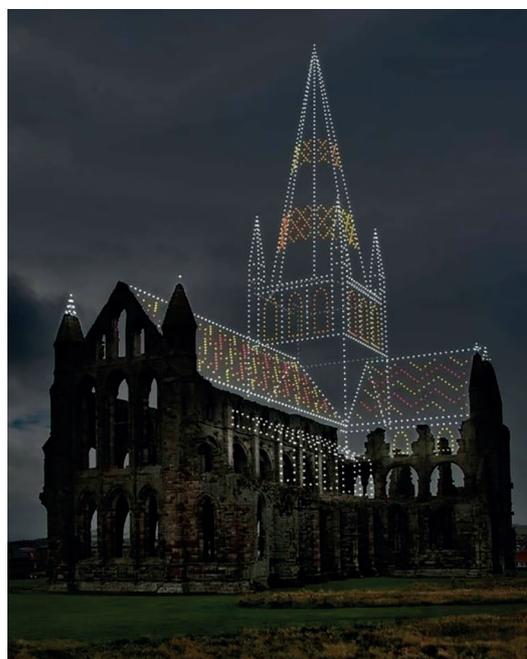

Рисунок 5 – Руины аббатства Уитби (Великобритания), завершённые подсветкой дронов. 2022.

парк петроглифов, где современные художники воспроизведут на специально привезенных камнях рисунки эпохи бронзы. Ценность такого объекта вызывает много вопросов, уводя большую исследовательскую работу из плоскости музея в плоскость аттракциона.

Таким образом, опираясь на рассмотренный нами материал и требования ЮНЕСКО к использованию памятников наследия, можно выделить следующие рекомендации для их представления.

1. Памятник должен быть представлен таким образом, чтобы не нарушать исторический ландшафт.

2. Если планируется включение в Список всемирного наследия, необходимо все изменения произвести до того.

3. Реконструкция объектов должна быть научно-обоснованной, если нет достаточной доказательной базы, подтверждающей, как выглядел объект изначально, лучше ограничиться временными или же графическими моделями, такой прием достаточно распространен в современной практике.

4. Не стоит забывать, что при всех прочих аспектах использования памятника, приоритетным должно оставаться его сохранение.

5. Важным является развитие нарративной и эмоциональной составляющей, позволяющей удерживать внимание и актуализировать социальную составляющую значения памятника.

6. Использование мультимедиа технологий дает дополнительные возможности представления, но оно не должно ими исчерпываться, оставляя место подлинности.

2. Археология в музейной экспозиции.

Представление археологических экспонатов в музее никогда не было простой историей. Особенно учитывая тот факт, что обнаружение высокохудожественных артефактов хорошей сохранности – это удел везунчиков, и по большей части современным исследователям достаются лишь осколки и отдельные небольшие затерявшиеся в свое время предметы из ранее грабленных захоронений. «Прочитать» такие объекты могут лишь специалисты, да и привлекательны они, в основном, только для них, у современного зрителя «невзрачные» осколки старой керамики в витринах обычно не вызывают интереса.

Русский философ Н. Федоров (1829-1903) говорил, что «Музей есть последний остаток культа предков; он – особый вид этого культа, который, изгоняемый из религии (как это видим у протестантов), восстанавливается в виде музеев»⁸¹. Но вот как показать эту «катакомбную» жизнь культа предков, чтобы она была понятна и интересна современному зрителю?

Археологические музеи в своей деятельности развивались в русле общих музейных тенденций времени. Сама по себе музейная экспозиция претерпела множество изменений и с более понятными и визуально привлекательными артефактами. Попытаемся обозначить некоторые общие тенденции.

Если в начале XX в. приоритетной была установка на создание среды концентрации внимания, и даже своеобразной медитацией на артефакт, то уже в 1950-е гг. ракурс меняется. Постепенно получает распространение взгляд на музейную экспозицию не только как на витрину, где выставлены артефакты, но как на авторское высказывание,

81 Федоров Н.Ф. Музей, его смысл и назначение // Философия общего дела. Статьи, мысли и письма Николая Федоровича Федорова, т. II, М., 1913. С. 398.

создающее контекст существования предметов. Но, учитывая особенности советского строя, очевидно, что любое высказывание в то время имело ярко выраженную идеологическую окраску. Известный музеолог Т.П. Калугина отмечает, что в 1960-е гг., даже во время хрущевской оттепели, этот тип экспозиции получает наибольшее распространение и носит дидактический характер: «Основная цель экспозиции такого типа – экспонирование научной или дидактической идеи, а не только и не столько экспонатов самих по себе, будь то произведения искусства, исторические документы или реликвии, образцы естественно-научных коллекций»⁸².

Об изменениях подхода к экспозиции пишет и другой исследователь музейной экспозиции – М. Т. Майстровская, отмечая нарождающуюся творческую составляющую работы музейного экспозиционера: «Исчезла аскетичность и чрезмерная сухость, свойственная большинству музеев 40-50-х годов. Продолжается поиск различных приемов экспонирования, своеобразной и оригинальной подачи предметов в экспозиции, соотносящихся и выражающих ее содержание.

В арсенал экспозиционных приемов входят: акцентирование и выделение ведущих экспонатов (светом, цветом, аранжировкой в пространстве, специальными видами оборудования и т. д.; создание ритма – «наплывов» и «пауз» в экспозиционном ряду; разноплановая дифференциация представляемого материала; – световая драматургия; применение аудиовизуальных средств и т. п. Широкое распространение получили характерные приемы экспонирования различных предметов исторических, естественнонаучных собраний, предметов декоративно-прикладного искусства, объединенных в объемно-пространственные и плоскостные композиции в виде экспозиционного комплекса или инсталляции»⁸³.

О признании важности экспозиции и изменении подхода к демонстрации предметов в музее говорит и тот факт, что в 1961 г. впервые заседание Советского комитета ИКОМ было посвящено теме «Вопросы эстетики в музейной экспозиции»⁸⁴.

Позднее музейная экспозиция начинает трактоваться как самостоятельное художественное произведение, такое определение можно видеть в статьях М.Б. Гнедовского: «...Экспозиции предметов, имеющих несомненную культурно-историческую ценность, создаются в соответствии с единым заранее продуманным идейным замыслом, который определяет принципы отбора и группировки предметов. И наконец, музейные экспозиции являются особым синтетическим художественным произведением», в котором содержание выражается архитектурными и пластическими искусствами»⁸⁵.

Тенденция интерпретации подлинника, создания контекста бытования не только сохраняется до нашего времени, но и углубляется, включая увеличивающуюся нарративную составляющую. К паре экспонат-контекст добавляется третий компонент – фигура самого создателя экспозиции, получившего право на авторское высказывание. Причем именно видение и масштаб личности экспозиционера играют теперь решающую роль. Один и тот же предмет в разных интерпретациях начинает нести в себе разные смыслы, проявляя по желанию куратора те или иные изначально присущие ему качества.

82 Калугина Т. Художественный музей как феномен культуры. СПб.: Петрополис, 2008. С. 134

83 Майстровская М. Т. Музей как объект культуры. Искусство экспозиционного ансамбля. XX в.. М.: Прогресс-Традиция, 2017. С. 306.

84 Первый семинар художников-оформителей экспозиций музеев (Первая конференция музейных работников и художников оформителей в г. Ленинграде) // Сб. науч. тр. НИИ культуры. М., 1965. Вып. 14. С. 190-193.

85 Гнедовский М. Б. Проектирование прошлого и музей будущего: метаморфозы проектного подхода в музейном деле // От замысла к реализации. М., 1988. С. 68

Личностный компонент создателя экспозиции неизбежно проецируется на зрителя, и здесь можно говорить еще об одном тренде, распространенном в современных гуманитарных, науках, в том числе исторической – эмоциональном воздействии. До начала 2000-х гг. эмоции оставались вне поля зрения историков и музейщиков. К ним очень осторожно относились в музейной экспозиции. И лишь статья Шейлы Уотсон 2015 г. об эмоциях в историческом музее ⁸⁶ стала ключевой для признания важности эмоций и эмоционального воздействия на посетителя в музее. Причем, воздействия персонализированного, исключая дидактичность, с включением личностных механизмов восприятия, провоцирующих живые эмоции, которым раньше было не место в музее.

Рисунок 6 – Детская фигурка работы современного скульптора Джонсона Цанга (Johnson Tsang, 1960) в витрине с археологическим артефактом в Музее наследия Гонконга (Hong Kong Heritage Museum). Кунтай.

86 Watson S. Emotions in the history museum // Museum Theory. The International Handbooks of Museum Studies 1. Chichester, 2015. P. 283-301.

Иногда для пробуждения таких эмоций музейщики идут на маленькое «хулиганство», помещая рядом с предметами, имеющими статус наследия предметы, не имеющие отношения к эпохе, но создающие неожиданный ракурс восприятия. Так, например, в Музее наследия Гонконга (Hong Kong Heritage Museum) в Китае в витрине с археологическими артефактами можно видеть фарфоровые фигурки работы современного скульптора Джонсона Цанга (Johnson Tsang, 1960), с помощью которых завязывается незамысловатый сюжет: малыш, будто бы упавший с лошади или дразнящий терракотовую собаку (. 6).

Его фигурки неожиданно и забавно начинают коммуницировать с терракотовыми обитателями гробниц китайской знати, непостижимым образом приближая историю к сегодняшнему дню.

В других случаях это становится разговором на серьезные темы. Как в выставочном проекте Надежды Пантюлиной «Засушенному – верить» (Россия, Москва, 2019), рассказывающем об истории Соловецкого лагеря и трагической истории страны через гербарий ⁸⁷. Малоизвестная история лесозаготовок лагеря особого назначения представлена с помощью гербария, который здесь – научный источник, архивный документ, символ памяти и... сильнейшая метафора, вокруг которой развивается повествование. Автор говорит о выставке так: «Проект «Засушенному – верить» о подневольных переселенцах – людях и травах. Людях, которых мы не согласны называть «отработанной рабсилой» и не помнить, что они были. Травах, семена которых проросли возле лагерных бараков. Листах гербария, документально подтверждающих, что травы были. Это история о памяти, хрупкости и нежных следах, которые можно научиться видеть. Это история о материковых командировках Соловецкого лагеря особого назначения и нас сегодняшних». Для разговора о трагедии огромной страны используются частные вещи – листья гербария и истории, с ними связанные: гвоздики со взлетной полосы московского аэродрома, зеленый ковер трав на месте женского отделения Норильлага, пять подвешенных вниз головой стеблей из сборов натуралиста, шпионившего за декабристами и Пушкиным, листья соловецких заключенных, живые человеческие истории.

Обширный материал (на выставке использованы документы, фотоснимки и гербарии около тридцати различных коллекций) был не просто осмыслен, но и прочувствован, пережит, именно поэтому выставка получилась такой щемяще пронзительной, переводя предмет из археологии повседневности в социально-значимую плоскость. Такой прием вывода предмета на новый, неожиданный эмоциональный уровень восприятия может быть с успехом использован в представлении археологии. В приведенном примере использовались реальные растения, но с таким же успехом это могли быть палеонтологические отпечатки растений, которые часто находят археологи.

Опыт авторского прочтения археологических находок есть и у казахстанских музеев. Так, выставка «Знаки» заповедника-музея «Иссык» (2018) демонстрировала не только найденные в ходе экспедиций в регионе Жетысу наскальные изображения, но и их очевидные смысловые параллели с семантическим рядом традиционного казахского орнамента. Рядом с подлинными сколами с изображениями, эстампажами и фото петроглифов демонстрировались артефакты традиционного народного прикладного казахского искусства из собрания Музея прикладного искусства Даркембая Шокпарова. Зрителю предлагалось прочесть зашифрованные в знаки «послания» древних и современных мастеров, используя подсказки, расположенные в экспозиции. Символы

87 Пантюлина Н. Засушеному – верить // Мир Музея. 2021. № 4. С. 36–40

и представления, неизменные тысячелетиями – идея «мирового древа» или «мировой горы», солнце в многочисленных солярных знаках, обитатели гор, приближенные к небесному миру – архар, птица и другие символы, до сих пор можно видеть в народных орнаментах ⁸⁸. Предметы прикладного искусства не только обогатили экспозицию, сделав ее визуально более привлекательной, но и расширили диапазон восприятия древних рисунков, вскрыв новые, глубинные векторы развития культуры, подчеркнув их преемственность.

Одна из важнейших экспозиционных задач любого современного музея – сделать культуру ушедших ближе современному зрителю, его сегодняшним переживаниям и ощущениям. И это ключевой момент. Человеку интересно то, что он сам пережил и то, что он сам «надумал», все остальное остается в багаже «общественного», которое «принимается к сведению», но не вызывает, как правило, таких глубоких эмоций, как личное переживание. Французский философ Жан-Поль Сартр писал: «Каждый человек – всегда рассказчик историй, он живет в окружении историй, своих и чужих, и все, что с ним происходит, видит сквозь их призму» ⁸⁹.

*Рисунок 7 – Графическая реконструкция керамических сосудов по фрагменту.
Узбекистан, Самарканд. 1970-е годы.*

Актуальным становится сторителлинг – рассказывание историй. Этот, ставший популярным инструмент коммуникации, затрагивает чувства и вызывает эмоции, обеспечивая «включенность» посетителя. Таким образом, в какой-то мере происходит перенос акцента с музейного предмета на посетителя, его эмоции. Это краеугольный

⁸⁸ «Есік» мемлекеттік тарихи-мәдени қорық-музейі: Есеп-альбом (Государственный историко-культурный заповедник-музей «Иссык»): Альбом-отчет. Алматы, 2020. С. 128-131.

⁸⁹ Плетникова Л. Н. Смотреть в лицо реальности. «Шрихи к портрету» актуальной музейной выставки // Глобальная модернизация музейной деятельности – востребованность времени. Методическое пособие. Жезқазған, 2019. С. 88.

камень всей деятельности современного музея, на котором строится коммуникативная концепция развития музеев, принятая во всем мире. И здесь необходимо умение балансировать «на грани» между «музейностью», научностью изложения и чувственной приватностью рассказываемой истории⁹⁰. В этом контексте очень важно соблюсти баланс и, увлекаясь созданием «истории» предмета, не превратить ее в сказку о предмете.

По-прежнему актуальным в современной экспозиции остаются и традиционные методы, распространенные в советское время, к примеру, «дорисовывание» недостающей части предмета вокруг найденного фрагмента. Особенно часто используется такой прием при показе черепков керамики, когда вокруг осколка или нескольких фрагментов графически дорисовывается контур целого сосуда (рис. 7).

Рисунок 8 – Интерактивная игра, предлагающая «примерить» магниты с изображениями археологических украшений условному изображению девушки. Россия. 2018.

Такой метод может служить не только для визуального графического воспроизведения предмета, но и для презентации способа его применения. Когда фрагмент упряжи лошади накладывается на ее целое графическое изображение. Сейчас этот прием также широко используется в интерактивных программах для детей. К примеру, рядом с витриной с подлинными женскими украшениями может располагаться контурный рисунок девушки на обычной маркерной доске, на который можно «примерить» магниты в виде колт, бус и других украшений (рис. 8).

Показывая археологию, очень важно раскрыть перед посетителем музея контекст, в котором существовал предмет. Музейному сотруднику часто приходится быть дешифровщиком, объясняющим популярным языком сложные вещи. Объяснить, к примеру, что темное пятно на срезе грунта с раскопа – это не просто случайное грунтовое

⁹⁰ Плетникова Л. Н. Смотреть в лицо реальности. «Шрихи к портрету» актуальной музейной выставки // Глобальная модернизация музейной деятельности – востребованность времени. Методическое пособие. Жезқазған, 2019. С. 92.

вкрапление, а следы очага древнего человека. Или почему при вскрытии курганов сохраняют бровку – крестовину нетронутого грунта в круге кургана, позволяющую лучше проследить его стратиграфию. Археологи, озабоченные более глубокими вопросами, обычно не обращают внимания на такие простые факты. Но именно они позволяют выстроить полноценную коммуникацию посетителя музея с предметом в витрине или объектом в поле.

Еще один инструмент расширения смысловых слоев экспозиции – мультимедиа технологии. Компьютерное 3D-моделирование было изобретено как инструмент архитектора, а потому его чаще применяют для воспроизведения внешнего вида памятников в ландшафте. Однако этот способ подачи информации дает новые возможности и для представления небольших артефактов, размещенных в витрине музея. Например, его можно использовать для представления аналогов, подтверждающих атрибуцию предмета и позволяющих с помощью компьютерных технологий визуализировать неочевидные культурные взаимовлияния. Или рассказать истории, связанные с историей предмета – их обычно множество, и они не помещаются на музейную этикетку.

«И, наконец, в контексте избранной темы наиболее интересна ситуация, когда подлинный материальный объект не может быть представлен в экспозиции и мультимедиа принимает на себя его функции (демонстрация работы доменной печи, молекулярных процессов, извержения вулкана, геологической структуры Земли и др.). Понятно, что все это может быть показано и с помощью традиционных средств (макеты, схемы и т. п.), но современные средства отображения информации оказываются в данном случае куда более зрелищными, а главное более подлинными, чем что-либо иное. Подобная практика использования мультимедиа широко распространена в естественнонаучных и технических музеях, но встречается также в музеях художественного и исторического профиля (Музей импрессионизма в Овере, Франция; Музей М.Т. Калашникова, Ижевск)»⁹¹. То же можно сказать и об археологических музеях.

Подводя итоги, можно констатировать, что в презентации артефактов на первый план выходит эмоциональная составляющая. Фактология уходит на второй, вспомогательный план, большей частью рассчитанный лишь на искушенного посетителя или специалиста, уступая место нарративу в музейной экспозиции. Увеличивается доля электронных способов презентации в ущерб тактильности, что потенциально несет в себе риски вымывания ценности подлинного артефакта из широкого культурного поля. Вместе с тем по-прежнему актуальными остаются традиционные формы представления, которые могут служить основой для создания вокруг предмета эмоциональных историй. Практически все актуальные тенденции современной экспозиции могут быть использованы для представления археологии. В том числе:

- сочетание несочетаемого – раскрытие новых граней предмета через использование вещей из других областей знаний;
- ярко выраженная авторская позиция куратора – посетитель примеряет на себя личностную трактовку своего современника, а не историка «вообще»;
- стирание границ – понимание и трансляция представления о мире как о едином пространстве, в котором ничто не исчезает бесследно, идея преемственности поколений;
- смещение акцента с музейного предмета на посетителя – предмет становится

91 Лебедев А. Информационные технологии и современная музейная экспозиция // Российское экспертное обозрение. 2007. № 6 (23). С. 32.

средством коммуникации, «зеркалом», отражающим те или иные явления человеческой жизни и истории;

Современные экспозиции строятся на основе коллаборации представителей различных специальностей – музейных кураторов, специалистов по экспозиции, дизайнеров, профильных ученых. В археологических музеях это сотрудничество имеет первостепенное значение, так как помимо основного, базового блока информации здесь очень много не только частных деталей, присущих каждому памятнику, но и гипотез, связанных с ним.

Использованные источники и литература:

- Гнедовский М. Б. Проектирование прошлого и музей будущего: метаморфозы проектного подхода в музейном деле // От замысла к реализации. М., 1988. С. 66-83
- «Есік» мемлекеттік тарихи-мәдени қорық-музейі: Есеп-альбом (Государственный историко-культурный заповедник-музей «Иссык»: Альбом-отчет). Алматы, 2020. 248 с.
- Калугина Т. Художественный музей как феномен культуры. СПб.: Петрополис, 2008. 244 с.
- Конвенция об охране всемирного культурного наследия (16 ноября 1972 г.) // Нормативные и практические меры по охране культуры. Справочник ЮНЕСКО. Алматы, 2008. С. 134-148.
- Лебедев А. Информационные технологии и современная музейная экспозиция // Российское экспертное обозрение. 2007. № 6 (23). С. 30-34.
- Майстровская М. Т. Музей как объект культуры. Искусство экспозиционного ансамбля. XX в.. М.: Прогресс-Традиция, 2017. 678 с.
- Медведь А. Н. Музеефикация памятников археологии в России (прошлое и настоящее). М.: Издательство «ГНОМ и Д», 2004. 80 с.
- Пантюлина Н. Засушеному – верить // Мир Музея. 2021. № 4. С. 36-40.
- Первый семинар художников-оформителей экспозиций музеев (Первая конференция музейных работников и художников оформителей в г. Ленинграде) // Сб. науч. тр. НИИ культуры. М., 1965. Вып. 14. С. 190-193.
- Плетникова Л. Н. Смотреть в лицо реальности. «Шрихи к портрету» актуальной музейной выставки // Глобальная модернизация музейной деятельности – востребованность времени. Методическое пособие. Жезқазған, 2019. С. 87-93.
- Руководство по выполнению Конвенции об охране Всемирного наследия. Центр Всемирного наследия. Париж, 2005 // Нормативные и практические меры по охране культуры. Справочник ЮНЕСКО. Алматы, 2008. С. 149-241.
- Федоров Н.Ф. Музей, его смысл и назначение // Философия общего дела. Статьи, мысли и письма Николая Федоровича Федорова, т. II, М., 1913. С. 398-473.
- Kastell Pförring / WikiZ URL: https://deru.abcdef.wiki/wiki/Kastell_Pf%C3%B6rring ___ (дата обращения: 12.05.2023).
- Watson S. Emotions in the history museum // Museum Theory. The International Handbooks of Museum Studies 1. Chichester, 2015. P. 283-301.
-

РОЛЬ ВЕЛИКОЙ ШЕЛКОВОГО ПУТИ НА СТАНОВЛЕНИЕ СОГДИЙСКОГО ИСКУССТВА В IV-VI ВВ.

Abstract. Sogd and Sogdians were connected with almost the entire civilized world due to their important role in the international silk trade and in the political life of the Turkic steppe states of the 6th-8th centuries. Monuments of material culture, refers already to the era of the developed early Middle Ages - VII-VIII centuries. quite numerous, they are quite accurately dated, one can study them in connection with the historical and historical-cultural data provided by archeology and written sources. But for the initial stages of the early Middle Ages (4th-6th centuries), there are some gaps in terms of studying the development of Sogdian art in the context of the life of Sogdian society. There are monuments, but they are scattered, and most importantly, they have too uncertain dates to judge evolution. Therefore, we can consider ancient monuments not by themselves, but only in connection with the question of how early medieval art began. The monumental art of Sogd shows that the Sogdians knew the achievements of different countries and willingly adopted certain themes, motifs, ornaments, etc. At the same time, as in the future, we can talk not about passive borrowing, but about the conscious mastery of the achievements of previous generations. In the V-VI centuries. Sogdians develop their cult iconography, they quickly solve the problem, boldly using various traditions, modifying them and skillfully combining elements of various origins.

Keywords: Sogd, the art of Sogd, wall painting, the Sogdian temple of Dzhartep II, a wooden panel and an arch from Kafyrkala.

Согд и согдийцы были связаны почти со всем цивилизованным миром благодаря своей важной роли в международной торговле шёлком и в политической жизни тюркских степных государств VI-VIII вв. Памятники материальной культуры, относящиеся VII-VIII вв. достаточно многочисленны, уточняется их датировка. Их изучение осуществляется во взаимосвязи археологии с письменными источниками. Но для начальных этапов раннего средневековья (IV-VI вв.) имеются некоторые пробелы в плане изучения развития согдийского искусства в контексте жизни согдийского общества. Памятники имеются, но они разрознены, а главное, не определена их датировка для того чтобы судить об их эволюции. Поэтому древние памятники мы можем рассматривать не сами по себе, а только на основе изучения раннесредневекового искусства в целом в контексте истории региона.

С этой точки зрения, изучение памятников согдийского искусства начального этапа раннего средневековья (IV-VI вв), обнаруженных в храме Джартепа II, является очень актуальным.

В 1980-90 гг. силами Ургутского отряда Института археологии Академии наук Узбекистана обследован раннесредневековый согдийский храм Джартепа II, который располагался на однодневном караванном переходе связывающим Самарканд с Пенджикентом ⁹².

92 Бердимуратов А. Э. К вопросу о датировке храма огня на Джарт-тепе // Города и караван-сарай на трассах Великого Шелкового пути (тезисы докладов международного семинара ЮНЕСКО). Ургенч, 2-3 мая, 1991. Ургенч, 1991. С. 51-53; Бердимуратов А. Э. Самибаев М. К. Результаты раскопок храма на Джартепа II // История материальной культуры Узбекистана, № 26. Ташкент: «Фан», 1991. С. 77- 92; Бердимуратов А. Э. Самибаев М. К. Ранние росписи согдийского Храма Джартепа II (V-VI вв) // Археологические Вести. СПб, 1994. С. 96-109; Бердимуратов А. Э. Самибаев М. К. К вопросу о реконструкции перекрытий согдийского согдийского храма на Джартепе II // История материальной культуры Узбекистана, № 28, Самарканд, 1997. С.

За время своего существования храм Джартепа II претерпел несколько важных строительных реконструкций, при этом всегда сохраняя (за исключением конца последнего периода) свою первоначальную функцию зороастрийского храма или, по крайней мере, особую форму, которую этот храм принял в Согдиане.

Первоначально планировка храма представляла собой прямоугольное здание, ориентированное с севера на юг и, вероятно, проход располагался в южной части. Северную часть занимает целла (5,5 x 4,5 м) (рис. 1 помещение 19 План храма Джартепа II двумя проходами). Интерьер целлы и ее проходы были украшены росписью⁹³. Восточный проход, этой целлы имеет порог, который был покрыт бронзовой пластиной, вероятно, предназначенной для создания барьера чистоты между целлой и другими частями храма. К ним относятся коридор с севера на юг с каждой стороны целлы и длинный вестибюль перед ней.

Во втором периоде строительства, храм был укреплен за счет пристройки четырех угловых башен овального плана, образующих проходы с прямыми арками. Второй этаж этих башен имели бойницы для обороны.

В третьем периоде прежние постройки были окружены коридорными помещениями, образующими новый оборонительный пояс (рис. 1 помещения 1-2, 12-18, 20).

В четвертом периоде здание полностью перестраивается. Внутри целлы северная и южная стены закрываются дополнительной кладкой. По оси западного входа перед северной стеной устроен квадратный подиум 50 x 50 см. В результате постоянного

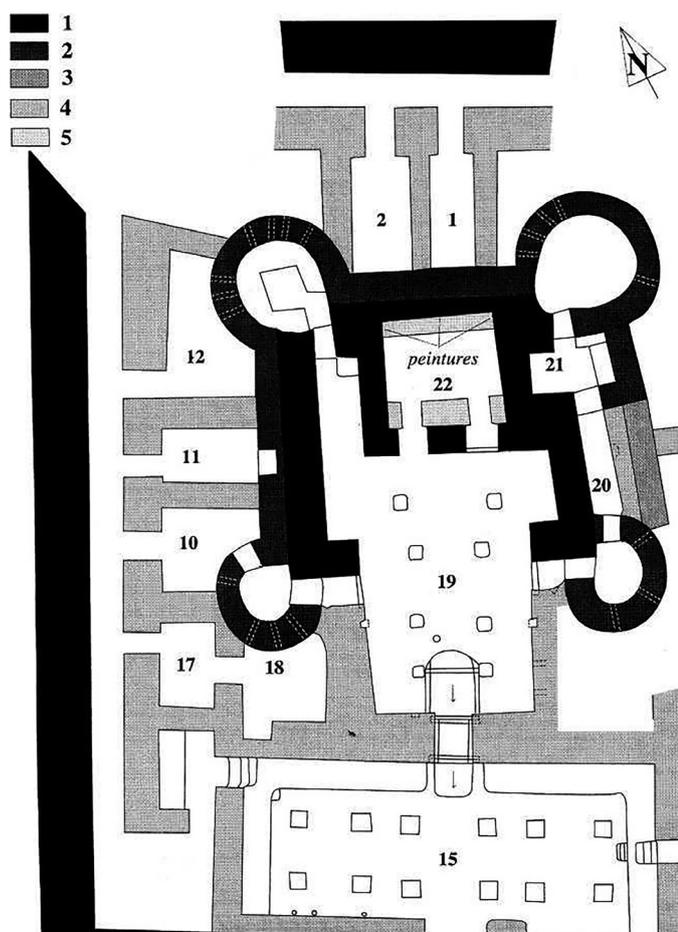

Рисунок 1 – План храма Джартепа II (1-4 периоды).

89-109; Бердимуратов А. Э. Самибаев М. К. Храм Джартепа (к проблемам культурной жизни Согда в IV-VIII вв. Ташкент, 1999; Самибаев М. К. Новый памятник согдийского искусства в контексте Ирано согдийского культурного синтеза на последних этапах раннего Средневековья // Культура древнего и средневекового Самарканда и исторические связи Согда. Тезисы докладов советско-французского коллоквиума. Самарканд, 25-30 сентября 1990 г. Ташкент: «Фан», 1990. С. 87-89; Самибаев М. К. Согдийский храм на Джартепа и события политической истории VII-VIII вв. // Узбекистан в древности и средневековья (Тезисы докладов республиканской конференции молодых историков. г. Самарканд 16-17 март 1992 г). Самарканд, 1992. С. 126-128; Самибаев М. К. Некоторые проблемы реконструкции архитектурного облика здания храма Джартепа II в. в IV периоде. // Ўзбекистон - қадимда ва ўрта асрларда. Республика ёш тарихчи олимлари илмий анжуманининг маърузалари баёни. 15-16 март, Самарканд. Самарканд, 1993. С. 37-40; Berdimuradov A, Samibaev M. Une nouvelle peinture murale Sogdienne dans le temple de Dzartepа II // Studia Iranica. # 30, 2001. P. 45-66.

93 Berdimuradov A, Samibaev M. Une nouvelle peinture murale Sogdienne dans le temple de Dzartepа II // Studia Iranica. # 30, 2001. рис. 3-5

подъема полов целлы и вестибюля пороговая балка и ее бронзовая отделка оказываются углубленными и балка порога почти полностью сгнила. В результате бронзовая пластина отодвигается, а на место, которое она занимала, ставится серебряная статуэтка⁹⁴, которая, вероятно, должна играть ту же роль, что и священный барьер. Статуэтка изображает дароносицу, деликатно снимающую ожерелье левой рукой (согласно стилистическим аналогиям, этот объект может быть датирован третьей четвертью VI в.⁹⁵ В этом строительном периоде южная фасадная стена первого периода была частично снесена, чтобы освободить место для большого прямоугольного помещения с восемью колоннами (рис. 1, помещение 19), длинные стороны ориентированы с севера на юг (длина 12,8 м, ширина от 7,6 до 10 м). В эту комнату ведут шесть проходов: входная дверь по оси южной стены, два северных прохода (расположение которых сохранилось из предыдущих периодов) в целлу и три прохода, соединяющие этот зал с башнями. Все проходы были снабжены деревянными коробками для дверей. В это время нижний этаж юго-западной башни использовался как сокровищницу храма. К югу от зала пристроен длинный вестибюль с 12 колоннами (рис. 1, помещение 15), который расположен поперек центральной оси памятника (длина 19,5 м, ширина 8,2 м.) По оси южной стены к входному двору спускается широкий пандус. Сбоку от него проход обрамлен двумя нишами, из которых раскопана только одна, расположенная к востоку. Стены целлы зала и вестибюля, а также ниши у входа были покрыты росписью, но большой пожар, случившийся в конце VII или начале VIII в. уничтожил большинство из этих росписей.

Вскоре после пожара центральная часть здания четвертого периода была частично выровнена и засыпана, а на образовавшейся платформе был построен храм пятого периода. Вероятная дата постройки здания пятого периода, конец VII в.⁹⁶ Это здание не повторяет план предыдущего. Оно состоит из комнаты, широко открывающейся на юг, с тремя дверями с северной стороны, открывающимися соответственно в небольшую центральную целлу и две боковые комнаты. Ансамбль, образованный залом и тремя северными комнатами, с трех сторон окружен коридором. В комнате, вероятно, было четыре колонны. Южнее был пандус, который связывал здание с дворовой частью. У северной стены целлы был подиум с алтарем для огня. На стенах целлы и прохода частично сохранились фрагменты настенной росписи⁹⁷.

С самого начала здание Джартепа II было согдийским зороастрийским храмом. В эпоху раннего средневековья в Согде сформировались вполне определенные типы культового зодчества, которые следует рассматривать как неотъемлемую часть наследия монументального зодчества Древнего Востока. Согдийские зодчие, создававшие местные варианты культовых сооружений, знали образцы храмов древнего Ирана и эллинистического периода, но согдийцы не копировали их прямо, а учитывали особенности, продиктованные местной зороастрийской религией. Последовательные планы памятника Джартепа II — сначала вестибюль и целла, окруженные коридорами, затем анфилада с вестибюлем, комнатой и целлой — известны по многочисленным примерам в длинной хронологической шкале, идущей от эллинистического периода,

94 Бердимуратов А. Э. Самибаев М. К. Храм Джартепа (к проблемам культурной жизни Согда в IV-VIII вв. Ташкент, 1999. рис. 77-79; Berdimuradov A, Samibaev M. Une nouvelle peinture murale Sogdienne dans le temple de Dzar-tepa II // Studia Iranica. # 30, 2001. P. 49, рис. 2.

95 Berdimuradov A, Samibaev M. Une nouvelle peinture murale Sogdienne dans le temple de Dzar-tepa II // Studia Iranica. # 30, 2001. P. 49.

96 Бердимуратов А. Э. Самибаев М. К. Храм Джартепа (к проблемам культурной жизни Согда в IV-VIII вв. Ташкент, 1999. С. 63

97 Бердимуратов А. Э. Самибаев М. К. Храм Джартепа (к проблемам культурной жизни Согда в IV-VIII вв. Ташкент, 1999. Рис. 131-132

даже ахеменидского ⁹⁸, к современным храмам огня зороастрийцев Индии ⁹⁹.

Предлагается следующая датировка строительных этапов на основе связанных с ними археологических комплексов ¹⁰⁰:

- периоды 1-3: IV и V вв.;
- период 4: V-VII вв.;
- период 5: первая половина VIII в.

Одна из самых острых проблем, которая остается сегодня, – это дата первой постройки храма и соответствующая продолжительность эксплуатации 1-3 строительных этапов. Трудность связана с отсутствием ярко выраженных археологических комплексов (керамика, монеты), что является характеристикой культовых зданий по сравнению со светскими строениями. Однако можно утверждать, что время, когда башни 2-го периода начали функционировать как склады, синхронные с появлением оборонительного пояса 3-го периода, относится к началу V в. Исходя из этого, мы можем условно отнести первое строительство храма к концу IV – началу V вв., а полную перестройку, знаменующую начало 4-го периода, к 420 или 430 гг. На этом этапе происходит закладка кирпичной стеной северной стены, где располагались основные росписей целлы.

Рисунок 2 – Росписи на северной стене целлы храма Джартепы II.

Самые ранние произведения согдийского монументального искусства были обнаружены именно на памятнике Джартепы II, где при раскопке целлы храма, на северной стене, была обнаружена настенная роспись с изображением двух божеств, сидящих на троне со львами в центре композиции. Вокруг этих персонажей изображены сцены с подношениями, театрализованное действие и сцена охоты ¹⁰¹.

98 Рапен К. Святилища Средней Азии в эпоху эллинизма. Состояние вопроса. // Вестник древней истории. 1994, № 4. С. 101-124

99 Gropp G. Die Funktion des Feuertempels der Zoroastrier // Archäologische Mitteilungen aus Iran, Neue Folge Band 2, 1969, p. 147-175, pls. 61-68

100 Berdimuradov A, Samibaev M. Une nouvelle peinture murale Sogdienne dans le temple de Džartepa II // Studia Iranica. # 30, 2001. P. 49.

101 Berdimuradov A, Samibaev M. Une nouvelle peinture murale Sogdienne dans le temple de Džartepa II // Studia Iranica. # 30, 2001. P. 63, рис. 2-4.

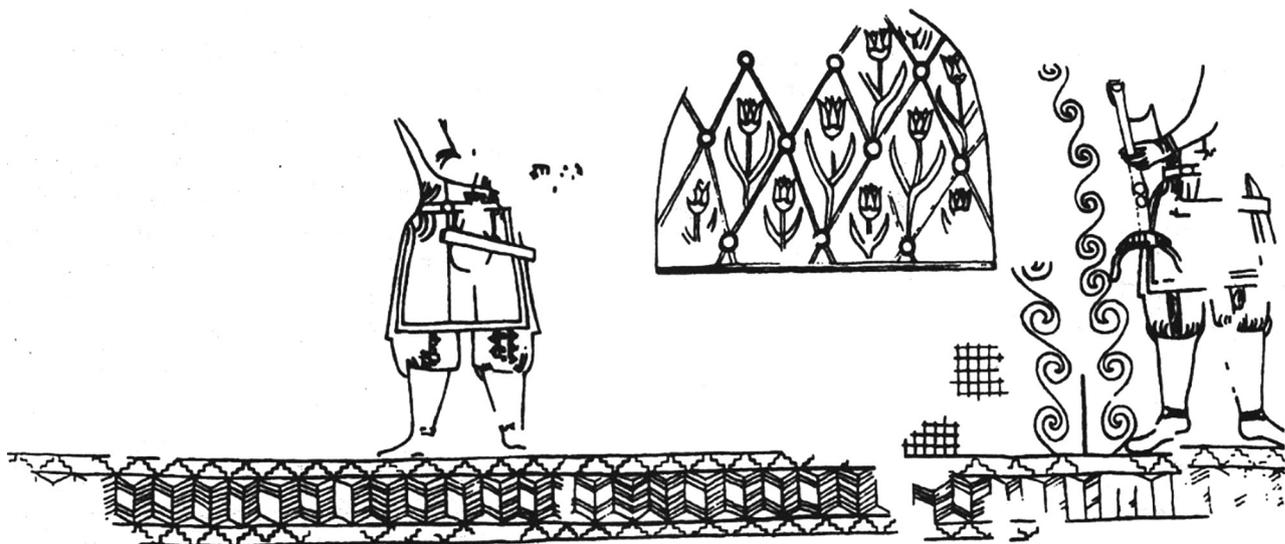

Рисунок 3. Росписи на фасадной части храма Джартепе II.

На нише в фасадной части, рядом с главным входом в храм, располагалась сцена подношения на фоне изображения тюльпанов, нарисованных в одно время со сценой на северной стене целлы ¹⁰².

Рисунок 4. Роспись из прохода в целлу храма Джартепе II.

На западной стене тамбура, соединяющего зал с целлой, была обнаружена сцена шествия донаторов ¹⁰³.

Росписи из зданий 1-4 строительных периодов Джартепе II являются самыми ранними произведениями согдийского искусства периода раннего средневековья, которые датируются концом IV- нач. V вв. ¹⁰⁴.

К ближайшим аналогиям джартепинских росписей относятся ранние росписи Пенджикента. Сцена поклонения богине, сидящей на троне с «сенмурвом» и изображение четырехрукой богини, сидящей на драконе с адарантами обнаружены в северной капелле во дворе на пилонах у входа в целлу II храма ¹⁰⁵. Похожая композиция была обнаружена и в главном зале храма II в Пенджикенте, где на пилонах у входа

102 Бердимуратов А. Э. Самибаев М. К. Храм Джартепе (к проблемам культурной жизни Согда в IV-VIII вв. Ташкент, 1999. С. 54-55, рис. 122-124

103 Бердимуратов А. Э. Самибаев М. К. Храм Джартепе (к проблемам культурной жизни Согда в IV-VIII вв. Ташкент, 1999. С. 55-56, рис. 128

104 Berdimuradov A, Samibaev M. Une nouvelle peinture murale Sogdienne dans le temple de DzarTEpa II // Studia Iranica. # 30, 2001. рис. 2-4

105 Беленицкий А. М. Монументальное искусство Пенджикента. Живопись, Скульптура, М.: Искусство 1973. рис.1-3; Беленицкий А. М., Маршак Б. И. Стенные росписи, обнаруженные в 1970 г.у на городище Пенджикента // Сообщения Государственного Эрмитажа, № 36. Л., 1973. С. 58-61; Древности Таджикистана. Каталог выставки. Душанбе: Дониш, 1985. № 564-565, рис. 108; Маршак Б. И., Распопова В. И. Адаранты из северной капеллы II храма Пенджикента // Проблемы интерпритации памятников культуры Востока М.: Наука, 1991. 10, рис. 1

в целлу обнаружены фигуры мужчин донаторов ¹⁰⁶. Эти росписи относятся к концу V-начала VI вв. ¹⁰⁷.

Обнаруженные, относительно недавно, резное деревянное панно и арка из цитадели Кафыркала под Самаркандом ¹⁰⁸, является уникальным событием в согдийской археологии за последние 50 лет.

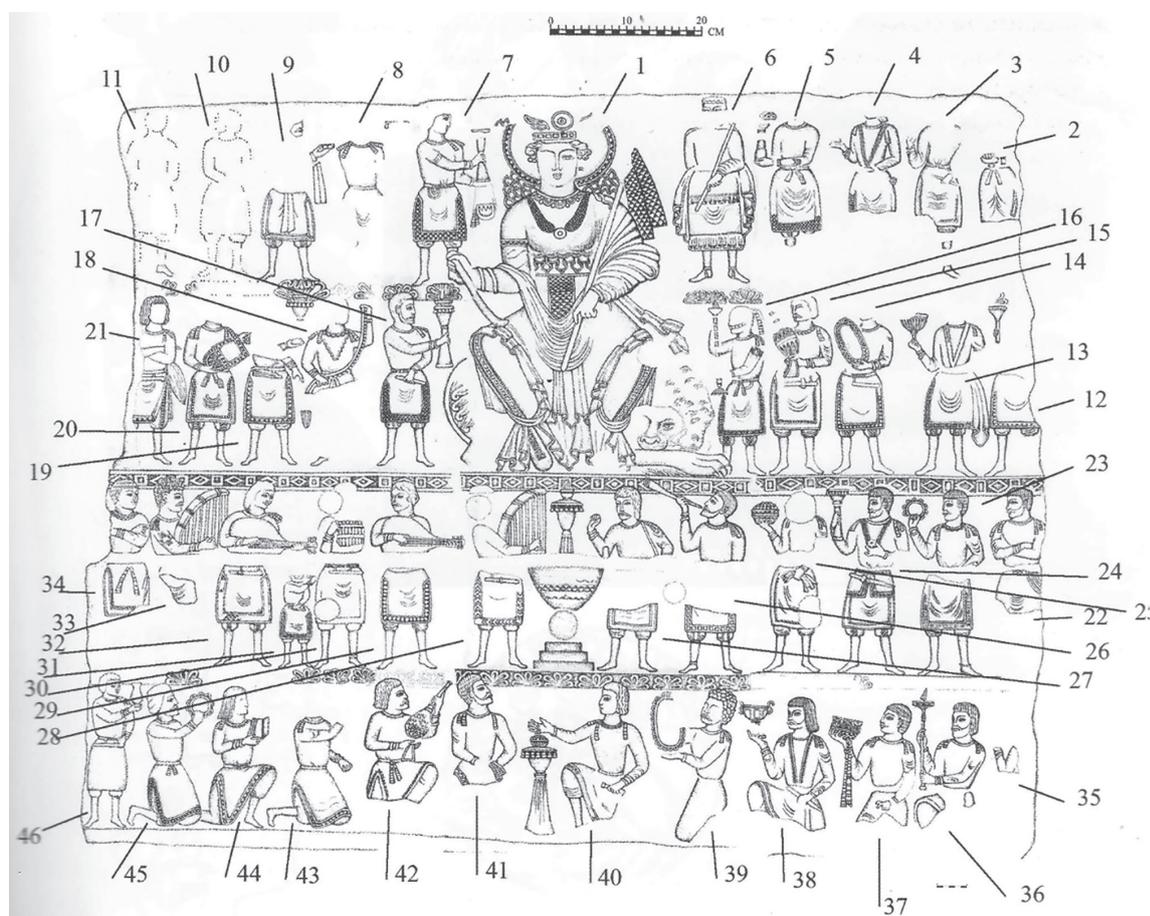

Рисунок 5 – Резное панно из памятника Кафыркала.

Вопрос датировки деревянных панно ранее было оставлено открытым, хотя по некоторым косвенным данным предполагалась датировать их V в. ¹⁰⁹.

106 Якубовский А. Ю. Итоги работ Согдийско-Таджикской археологической экспедиции в 1946-1947 гг. МИА, 15, 1950. С. 54, рис. 57; Живопись древнего Пенжикента / ред. А. Я. Якубовского, М. М. Дяконова. М., 1954, АН СССР и АН Таджикской ССР. рис. 17.

107 Беленицкий А. М., Маршак Б. И. Черты мировоззрения согдийцев VII-VIII вв. в искусстве Пенжикента // История и культура народов Средней Азии. М.: Наука, 1976. С. 76; Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Вопросы хронологии живописи раннесредневекового Согда. // Успехи среднеазиатской археологии. Л.: Наука, 1979, № 4. С. 34; Skada, V. G., Le culte du feu dans les sanctuaires de Pandzikent. // Cultes en monuments religieux dans l'Asie preislamique, Paris, 1987. С. 65

108 Бердимурадов А., Богомолов Г., Индиаминова Ш., Уно Такао, Бегматов А. Кафиркала: новые выдающиеся находки искусства Согда // Buletin of Miho Museum, 2019, vol.19. С. 19-43, рис.1-2; Богомолов Г.И., Бердимурадов А. Э. Музыканты Согда (по материалам Кафыркалы) // Археология Узбекистана, Самарканд, 2019. С. 70-73. рис.1-2; Богомолов, Бердимурадов, 2021. рис.1-3.

109 Богомолов Г.И., Бердимурадов А. Э. Музыканты Согда (по материалам Кафыркалы) // Археология Узбекистана, Самарканд, 2019. С. 72; Бердимурадов А., Богомолов Г., Индиаминова Ш., Уно Такао, Бегматов А. Кафиркала: новые выдающиеся находки искусства Согда // Buletin of Miho Museum, 2019, vol.19. P. 29

Быстрое развитие согдийского искусства прослеживается приблизительно со второй четверти IV – нач. V в. В изобразительном искусстве Согда образы богов с самого начала были заимствованы с готовых греческих, кушано-сасанидских или индийских лекал. Объемы изображения разных типов тронов, поз, атрибутики, черт лица и другие элементы переданы способами модуляции цвета, тенями и бликами. Дело в том, что согдийцы, как и другие иранские народы, не имели своей традиции почитания изображений богов. Но в IV-V вв. наряду с античными в согдийское искусство проникли иранские и индийские элементы культа. На начальных стадиях становления согдийского монументального искусства согдийские художники придерживались традиций своих восточных соседей, где соотношение размеров между изображениями божеств и людей – участников церемоний было относительно невелико¹¹⁰. В последующие периоды размеры изображений божеств увеличиваются в два и более раза по отношению к находящим рядом с ними людьми. Согдийцам удалось показать разницу в изображениях между богами и людьми, а также отличие богов друг от друга, используя разнообразные атрибуты¹¹¹.

Под влиянием кушанской традиции в ранних согдийских росписях образы же людей – участников обрядов, выдерживались в восточной манере. Фигуры на изображениях развернуты фронтально к зрителю и с поворотом головы в сторону центральной композиции, лица донаторов изображены строго в профиль, напоминая донаторов кушанского или парфянского искусства¹¹². В их образах почти отсутствуют заимствования, их одежда и оружие изображены с документальной достоверностью. Простое по рисунку, с толстыми контурами, более примитивное, с менее изысканными линиями изображение донаторов на росписях Джартепа II (к. IV- нач. V в.) и донаторов стоящих рядом с богиней на троне с сенмурвом в Пенджикенте (конец V- начало VI вв.) переходит на чуть более совершенное по технике исполнения изображение донаторов рядом с четырехрукой богини сидящей на драконе в Пенджикенте, которая датируется VI в. В дальнейшем, в период наибольшего расцвета согдийского искусства (VII-VIII вв.) согдийские художники предпочитали, поворот головы $\frac{3}{4}$ к зрителю и очень редко прибегали к профильным изображениям. Для раннего этапа согдийской живописи характерно непропорциональное увеличение некоторых частей фигур: верхней половины туловища, головы, плеч, иногда рук. Признаком ранней живописи также является отсутствие сложных узоров на одежде в частности, сасанидских кругов из перлов, обромляющих медальоны, которые широко представлены с к. VI в.¹¹³. Короткий кафтан, не достигающий до колен, с высокими боковыми разрезами и широкие штанины, заправленные в высокие сапоги, восходят к восточному варианту древнеиранского костюма¹¹⁴. Со второй половины VI в. типы костюмов сильно изменились, короткие кафтаны с минимально украшенным орнаментом заменяют богато украшенные длинные халаты.

110 Grenet F., Lee J. New light on the Sasnid painting at Ghulbiyan, Faryab province, Afganistan // South Asian Studies 14, 1998. P. 59, рис. 6

111 Маршак Б. И. Искусство Согда. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 2009. С. 25.

112 Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба. Ташкент: Фан, 1975. С. 90. рис. 51

113 Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Вопросы хронологии живописи раннесредневекового Согда. // Успехи среднеазиатской археологии. Л.: Наука, 1979, № 4. С. 34

114 Горелик М. В. К этнической идентификации персонажей, изображенных на предметах Амударьинского клада // Художественные памятники и проблемы культуры Востока, Л., 1985, С. 39, табл. III. рис. 3-5; Луконин И. Г. Искусство древнего Ирана. М.: Искусство, 1977. С. 127; Schlumberger D. L'Orient hellenise. Paris. Albin Michel, 1970. С. 107; Harper P. O. The Royal Hunter. Art of the Sassanian Empire. N.Y. 1978. С. 147. № 71; Grenet F., La peinture Sassanid de Ghulbiyan // Dossiers d'Archeologie 243, 1999. P. 66-67

Развивающиеся ленты у плеч или банты и пряжки на щиколотках присутствуют на ранних (IV-VI вв.) культовых сценах в пенджикенких храмах и Джартепа II. Аналогичные развивающиеся ленты у плеч присутствуют и на изображении большинства персонажей из нового памятника согдийского изобразительного искусства из Кафыркалы.

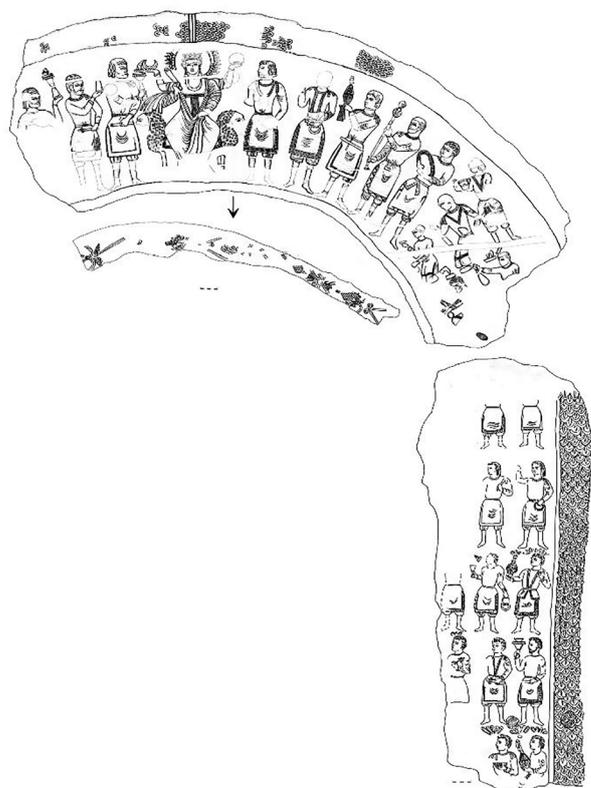

Рисунок 6 – Резная арка из памятника Кафыркалы.

Только у одного персонажа, кото рый стоит по левую руку богини в самом верхнем регистра резного панно на щиколотке имеется пряжка с нависающими концами, напоминающими банты. Развивающиеся ленты или банты на щикалотках происходят из искусства сасанидского круга ¹¹⁵, где этот фасон был перенесен из сасанидского костюма как царский атрибут ¹¹⁶. В связи с восточными завоеваниями Ирана и созданием в IV в. кушано-сасанидского наместничества ¹¹⁷ в созданных тогда согдийских культовых композициях, вместе с индийскими, греческими и бактрийско-тохаристанскими элементами ¹¹⁸ широко распространяются признаки сасанидской царской иконографии ¹¹⁹. В известных нам многочисленных памятниках изобразительного искусства Согда

115 Тревер Л. В., Луконин В. Г. Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. Художественная культура Ирана III-VIII вв. М.: Наука, 1987. рис. 2, 4-10, 12, 14

116 Беленицкий А. М., Маршак Б. И. Черты мировоззрения согдийцев VII-VIII вв. в искусстве Пенджикента // История и культура народов Средней Азии. М.: Наука, 1976. С. 76; Маршак Б. И., Распопова В. И. Адаранты из северной капеллы II храма Пенджикента // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока М.: Наука, 1991. С. 161. рис. 1, 10; Бентович И. Б. Одежда раннесредневековой Средне Азии (по данным стеновых росписей VI-VIII вв // Страны и народы Востока. Москва, Наука, 1980. С. 203

117 Луконин В. Г. Культура сасанидского Ирана. Иран в III-V вв. Очерки по истории культуры. М., 1969. С. 124-151

118 Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба. Ташкент: Фан, 1975. рис. 51

119 Маршак Б. И. Индийский компонент в культовой иконографии Согда // Культурные взаимосвязи

в последующих, VII-VIII вв. эти ленты не использовались и, видимо, считались вышедшими из моды. За исключением сюжетов с лентами на шикалотках танцующих персонажей на проходе целлы в 5 строительном периоде (рубеж VII-VIII в.) в храме на Джартепа II ¹²⁰.

Монументальное искусство Согда показывает, что согдийцы знали достижения разных стран и охотно перенимали те или иные темы, мотивы, орнаменты и т. д. При этом, как и в дальнейшем, можно говорить не о пассивном заимствовании, а именно об осознанном овладении достижениями предыдущих поколений. В V-VI вв. согдийцы разрабатывают свою культовую иконографию, они быстро решают задачу, смело используя различные традиции, видоизменяя их и умело комбинируя элементы различного происхождения.

Такое яркое явление, как искусство Согда, достигшее своего наивысшего расцвета в VII-VIII вв., не могло не оставить след в истории мирового искусства. Для северо-востока Средней Азии можно говорить о прямом переносе согдийских традиций колонистами. Даже в искусстве Китая с его изощренным мастерством появились согдийские формы и орнаменты. Прослеживается согдийское воздействие и в искусстве Хорасана VIII-IX вв.

Использованные источники и литература:

- Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба. Ташкент: Фан, 1975.
- Беленицкий А. М. Монументальное искусство Пенджикента. Живопись, Скульптура, М.: Искусство 1973.
- Беленицкий А. М., Маршак Б. И. Стенные росписи, обнаруженные в 1970 г.у на городище Пенджикента // Сообщения Государственного Эрмитажа, № 36. Л., 1973. С. 58-64.
- Беленицкий А. М., Маршак Б. И. Черты мировоззрения согдийцев VII-VIII вв. в искусстве Пенджикента // История и культура народов Средней Азии. М.: Наука, 1976. С. 75-89.
- Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Вопросы хронологии живописи раннесредневекового Согда. // Успехи среднеазиатской археологии. Л.: Наука, 1979, № 4. С. 32-37.
- Бентович И. Б. Одежда раннесредневековой Средней Азии (по данным стенных росписей VI-VIII вв // Страны и народы Востока. Москва, Наука, 1980. С. 196-212.
- Бердимуратов А. Э. К вопросу о датировке храма огня на Джарт-тепе // Города и караван-сарай на трассах Великого Шелкового пути (тезисы докладов международного семинара ЮНЕСКО). Ургенч, 2-3 мая, 1991. Ургенч, 1991. С. 51-53
- Бердимуратов А., Богомолов Г., Индиаминова Ш., Уно Такао, Бегматов А. Кафиркала: новые выдающиеся находки искусства Согда // Bulletin of Miho Museum, 2019, vol.19. P. 19-43.
- Бердимуратов А. Э. Самибаев М. К. Результаты раскопок храма на Джартепа II // История материальной культуры Узбекистана, № 26. Ташкент: «Фан», 1991. С. 77- 92.
- Бердимуратов А. Э. Самибаев М. К. Ранние росписи согдийского Храма Джартепа II (V-VI вв) // Археологические Вести. СПб, 1994. С. 96-109.
- Бердимуратов А. Э. Самибаев М. К. К вопросу о реконструкции перекрытий согдийского согдийского храма на Джартепе II // История материальной культуры Узбекистана, № 28, Самарканд, 1997. С. 89-109.
- Бердимуратов А. Э. Самибаев М. К. Храм Джартепа (к проблемам культурной жизни Согда в IV-VIII вв. Ташкент, 1999

народов Средней Азии и Кавказа с окружающим мире в древности и средневековья. Тезисы докладов. М., 1981. С. 108; Маршак Б. И. Монументальная живопись Согда и Тохаристана в раннем средневековье // Бактрия-Тохаристан на древнем средневековом Востоке. Тезисы докладов. М., 1983. С. 54.

120 Бердимуратов А. Э. Самибаев М. К. Храм Джартепа (к проблемам культурной жизни Согда в IV-VIII вв. Ташкент, 1999. С. 59-60. рис. 131-132

- Богомолов Г.И., Бердимуратов А. Э. Музыканты Согда (по материалам Кафыркалы) // Археология Узбекистана, Самарканд, 2019. С. 69-82.
- Богомолов Г. И., Бердимуратов А. Э. Новые материалы по искусству Согда: Резное дерево Кафыркалы. // Живопись Афрасиаба: проблемы изучения, интерпретации и сохранения. Материалы Международной конференции, посвященной 50 летию музея Афрасиаба и Института археологии им Я. Гулямова. Самарканд, 2019. С. 169-182. С.169-182.
- Горелик М. В. К этнической идентификации персонажей, изображенных на предметах Амударьинского клада // Художественные памятники и проблемы культуры Востока, Л., 1985, С. 35-43.
- Древности Таджикистана. Каталог выставки. Душанбе: Дониш, 1985.
- Живопись древнего Пенджикента / ред. А. Я. Юкубовского, М. М. Дяконова. М., 1954, АН СССР и АН Таджикской ССР.
- Луконин В. Г. Культура сасанидского Ирана. Иран в III-V вв. Очерки по истории культуры. М., 1969.
- Луконин И. Г. Искусство древнего Ирана. М.: Искусство, 1977.
- Маршак Б. И. Индийский компонент в культовой иконографии Согда // Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековья. Тезисы докладов. М., 1981. С.107-109.
- Маршак Б. И. Монументальная живопись Согда и Тохаристана в раннем средневековье // Бактрия-Тохаристан на древнем средневековом Востоке. Тезисы докладов. М., 1983. С. 53-55.
- Маршак Б. И. Искусство Согда. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 2009. С. 25.
- Маршак Б. И., Распопова В. И. Адаранты из северной капеллы II храма Пенджикента // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока М.: Наука, 1991. С. 151-173.
- Рапен К. Святилища Средней Азии в эпоху эллинизма. Состояние вопроса. // Вестник древней истории. 1994, № 4. С. 128-140
- Самибаев М.К. Новый памятник согдийского искусства в контексте Ирано согдийского культурного синтеза на последних этапах раннего Средневековья // Культура древнего и средневекового Самарканда и исторические связи Согда. Тезисы докладов советско-французского коллоквиума. Самарканд, 25-30 сентября 1990 г. Ташкент: «Фан», 1990. С. 87-89.
- Самибаев М. К. Согдийский храм на Джартепа и события политической истории VII-VIII вв. // Узбекистан в древности и средневековья (Тезисы докладов республиканской конференции молодых историков. г. Самарканд 16-17 март 1992 г). Самарканд, 1992. С. 126-128.
- Самибаев М. К. Некоторые проблемы реконструкции архитектурного облика здания храма Джартепа II в. в IV периоде. // Ўзбекистон - қадимда ва ўрта асрларда. Республика ёш тарихчи олимлари илмий анжуманининг маърузалари баёни. 15-16 март, Самаркандш. Самарканд, 1993. С. 37-40.
- Тревер Л. В., Луконин В. Г. Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. Художественная культура Ирана III-VIII вв. М.: Наука, 1987.
- Якубовский А. Ю. Итоги работ Согдийско-Таджикской археологической экспедиции в 1946-1947 гг. МИА, 15, 1950.
- Berdimuradov A, Samibaev M. Une nouvelle peinture murale Sogdienne dans le temple de Dzar-tepa II // Studia Iranica. # 30, 2001. P. 45-66.
- Grenet F., La peinture Sassanid de Ghulbiyan // Dossiers d'Archeologie 243, 1999. P. 66-67.
- Grenet F., Lee J. New light on the Sasnid painting at Ghulbiyan, Faryab province, Afganistan // South Asian Studies 14, 1998. P. 75-85.
- Gropp G. Die Funktion des Feuertempels der Zoroastrier // Archaologische Mitteilungen aus Iran, Neue Folge Band 2, 1969, p. 147-175, pls. 61-68
- Harper P. O. The Royal Hunter. Art of the Sassanian Empire. N.Y. 1978.
- Schlumberger D. L'Orient hellenise. Paris. Albin Michel, 1970.
- Skada, V. G., Le culte du feu dans les sanctuaires de Pandzikent. // Cultes en monuments religieux dans l'Asie preislamique, Paris, 1987. P. 63-72.

ТАХТИ САНГИН – ВАЖНЕЙШИЙ ПАМЯТНИК АМУДАРЬИНСКОГО КОРИДОРА НА ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ

Abstract. The article deals with the Hellenistic monument Takhti Sangin, which in ancient times was one of the important trading cities, and today is known as an important monument of the Amu Darya corridor on the Great Silk Road.

The author first explains the reason for attracting the attention of scientists and archaeologists to this monument, and then expresses the opinions and statements of some scientists who first came to Takhti Sangin. At the same time, the author provided information about the name Takhti Sangin and its meaning.

The article also provides information about the beginning of the first professional excavations in Takhti Sangin, the history of the Amu Darya treasure, the Oxus Temple, the White Hall, and the like. The author mentions in the article that a large number of finds were obtained from Takhti Sangin, but does not provide information about all of them. It reports only finds that show Takhti Sangin as an important trading city, also reflect the mixing of Greek and Bactrian cultures.

Keywords: excavations, archaeologists, finds, culture, Oxus treasure, ivory, trade, settlement, White Hall, path, Oxus Temple.

Как всем известно, Великий Шелковый путь начал свою историю во II в.е до н. э. как связующее звено между Востоком и Западом. Древняя Бактрия располагалась в центре этого пути, по территории которой четырех ее сторон сходились маршруты Великого Шелкового пути. Поэтому города древней Бактрии были важными торговыми и экономически развитыми городами, включая Балх, Герат, Ой-Ханум, Термиз и им подобные. От этих городов до наших дней остались только названия, руины и редкие находки. Один из таких важных торговых городов находился на берегу Амударьи, руины которого теперь известны как Тахти Сангин. Городище Тахти-Сангин расположено у восточного подножия невысокого меридионального Тешикташского хребта. Оно находится на западном берегу Вахша у его слияния с Пянджем, в 5 км к северу от городища Тахти-Кобад.

Первоначальное наименование этого города неизвестно, а его руины несколько раз меняли свои названия. Впервые название памятника упоминается на карте 1885 г. Карта была специальная составлена с обозначением места обнаружения Амударьинского клада. На этой карте памятник называн Утгар Кала. Ученые Лагафет и Мандельштам назвали этот памятник Мелла, где проходила одна из важных переправ на Амударье. После 1950-х гг. он приобрел название Каменные городище. Наконец, в 1980-х гг., после начала археологических раскопок, памятник получил название Тахти Сангин, которое означает Каменный трон. При наименовании памятника археологи опирались на названия памятников Тахти Джамшед и Тахти Кубод¹²¹. Названия этих памятников связаны с известными царями династии Каянидов – Джамшедом и Кубодом, и означают Трон Джамшеда и Трон Кубода. В эпосе Шахнаме приводятся сюжеты об этих царях из династии Каянидов. Сегодня некоторые ученые называют его Александрией в Оксе, что неспроста. Потому что согласно Осор-уль-Бакия, Александр Македонский построил город в каждой стране и назвал его своим именем¹²². Ярким примером этого была

121 Чонибек А., Музаффар А. Тахти Сангин. Душанбе: Ирфон, 2009. С. 8-9.

122 Берунй А. Осор-ул-бокия / Абурайхон Берунй. «Ирфон». Душанбе, 1990. С. 58-59

Александрия в Египте, Александрия в Эсхате, Александрия Оксианская и т. д. Отсюда некоторые ученые считают что Тахти Сангин – это Александрия на Оксе (Амударье). Однако находки, обнаруженные на Тахти Сангин, указывают на его более древнее происхождение, на то, что город построен до прихода Александра Македонского.

Рисунок 1. Тахти Сангин.

Следует отметить, что памятник Каменный трон привлекал внимание исследователей и ученых, начиная с XIX в. Одной из главных причин внимания к Тахти Сангину и его изучению стало открытие Амударьинского клада.

Этот клад был найден в 1877 г. в районе Кубадиян (нынешний Южный Таджикистан, а в то время Северная Бактрия) местными жителями и продан бухарским купцам Вайзуддину, Шукурали и Гуламмухаммеду. Торговцы направляются в Индию, но по пути, на территории современного Афганистана, на них нападают разбойники. Чтобы вернуть свой товар, купцы обращались к английскому капитану Ф. Бартону с просьбой о помощи. Капитан Ф. Бартон сообщил о том, как он с двумя ординарцами внезапно появился среди ночи в пещере, где грабители, занятые дележом добычи, ссорились между собой (четверо из них уже лежали тут же раненные), и обратил их в бегство; затем, опасаясь засады, он не стал возвращаться с брошенными грабителями драгоценностями и просидел до утра в укрытии. Наутро грабители сами явились к Ф. Бартону в лагерь с большей частью добычи, испуганные угрозой капитана двинуть против них войска, а благодарные купцы, как рассказал Ф. Бартон в знак признательности — упростили его приобрести у них золотой браслет ¹²³ (Зеймаль, 1979. 12). (Древности Таджикистана 1979. 69-98. №№ 183-251).

Когда генерал Каннингем увидел этот браслет, он понял его историческую ценность и предпринял попытку собрать остальные вещи из указанного клада. В это время клад

¹²³ Древности Таджикистана. Каталог выставки / Отв. ред. Е. В. Зеймаль. Душанбе: Дониш, 1985. С. 69-98. №№ 183-251

был выставлен на продажу на рынке Равалпинди. Однако ему удалось собрать более 180 золотых предметов и 1300 монет. В настоящее время клад хранится в Британском музее.

Как мы уже упоминали, этот клад побудил многих исследователей и ученых мира

Рисунок 2 – Амударьинский клад.

заняться поиском его местонахождения и отправились в путь в Северную Бактрию. Каннингем написал первую статью об этом сокровище в 1879 г. В своей статье он пишет, что со слов бухарского купца Вайзуддина клад был найден в руинах древней крепости, расположенной на слиянии рек Пяндж и Вахш. Это место называется Кандиан и находится в двух днях пути от Кабула.

Местонахождение и характер Тахти-Сангин еще в самом начале XX в.а были определены Д. Н. Логофетом: «Крепость теперь имеет вид беспорядочно набросанных груд белого известкового камня. Когда-то, как говорят, крепость и золотые

россыпи эти принадлежали грекам или, вернее, бактрийцам»¹²⁴. Описывая другую, находящуюся в 6 км старую крепость Тахти-Кобад, что расположена на искусственной насыпи высотой в две сажени, Д. Н. Логофет упоминает на одной из скал соседнего горного склона «с совершенно ровной поверхностью несколько строк, написанных гвоздевидными письменами, полузакрытых мхом и уже начинающих выкрошиваться»¹²⁵. Переправа через Вахш носит название Мели.

Более пространное описание дано М. М. Дьяконовым в отчете о работах 1950-1951 гг.: «Выше по течению Амударьи, у слияния Вахша с Пянджем, на правом берегу Вахша расположены два городища. Одно из них не могло быть обследовано. Другое, названное отрядом Каменным городищем, повидимому, и является развалинами Утер-Кала, отмеченными на карте 1885 г.»¹²⁶.

Самым интересным является, пожалуй, то обстоятельство, что стены городища выложены из небрежно отесанного мергелистого известняка. На территории городища в нескольких местах видны стены каких-то сооружений, торчащие из земли. Эти стены также каменные. На городище разбросаны различные архитектурные детали из известняка: части баз, профилированных карнизов и даже части статуй. Подъемный материал с городища только античный. Можно предположить, что эти развалины являются остатками поселения Мела, известного нам по письменным источникам как

124 Логофет Д. Н. На границах Средней Азии: путевые очерки. Кн. 3: Бухарско-Афганская граница. СПб, 1909. С. 57

125 Логофет Д. Н. На границах Средней Азии... С. 57.

126 Дьяконов М. М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиян) (1950-1951 гг.) // Труды ТАЭ. Т. II. 1948-1950 гг. (МИА СССР. № 37). М.-Л., 1953, С. 253-294. С. 12

одна из важных переправ на Амударье. Здесь заканчивался путь, шедший из глубин Средней Азии по правому берегу Вахша. Крепость Тахти-Кобад и охраняла эту переправу, составляя, таким образом, единый комплекс с Каменным городищем ¹²⁷.

В 1956 г. А. М. Мандельштам заложил крупный (11x7 м) раскоп на северном холме цитадели, названной А. М. Дьяконовым Каменным городищем. Раскопав переплетение позднекушанских каменных стен, относящихся к хозяйственным постройкам, А. М. Мандельштам прекратил раскопки на глубине не более 2,5 м.

На самом деле глубина залегания материка на раскопе А. М. Мандельштама, как и предполагалось нами, оказалась в 5 м от современной дневной поверхности. Вся уже раскрытая территория, занимаемая храмом Окса, не подвергалась последующей застройке, тогда как сразу за северной и южной стенами храма вплотную к ним от самого материка произведена сплошная многослойная каменная застройка, представляющая собой сложное переплетение хозяйственных помещений. А раскоп А. М. Мандельштама был заложен именно среди них, хотя и в непосредственной близости (от 0,2 до 1 м) от северных стен храма. Но это выяснилось только в 1983 г., когда Тахтикобадский отряд завершал 10-й полевой сезон ¹²⁸.

Следует сказать, что важные сведения о памятнике и его находках были опубликованы после 70-80-х гг. прошлого века. Потому что профессиональные и регулярные археологические раскопки начались в 1976 г. под руководством Б. А. Литвинского. В результате этих раскопок выяснилось, что памятник Тахти Сангин относится к IV в. до н. э. и IV в. н. э., а его площадь составляет более 75 га ¹²⁹. Памятник в основном состоит из двух частей: цитадели и шахристана. В цитадели главное положение занимал храм Окс, который был построен в честь бога река Оксуса.

Рисунок 3 – Храм Окс.

127 Дьяконов М. М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиян) (1950-1951 гг.) // Труды ТАЭ. Т. II. 1948-1950 гг. (МИА СССР № 37). М.-Л., 1953, С. 253-294. С. 14

128 Литвинский Б. А., Пичикян И. Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 1. М.: «Восточная литература». 2000. С. 47

129 Пичикян И. Р. Раскопки Тахти-Сангина в 1982 г. // Археологические работы в Таджикистане Вып. XXII (1982 г.). Душанбе: «Дониш». 1990. С. 238-254 С. 47

Размер храма 51x51 м. Храм, обращенный на восток, открывался к большой площади восьмиколонным айваном. Таким образом, за айваном к востоку расположена большая площадь, служившая двором храма. В центре храма был обнаружен зал размером 144 м², который получил название Белого зала. В центре Белого зала были обнаружены четыре базы, которые располагались на одинаковом расстоянии друг от друга. Перед входом в Белый зал было айван. Айван по строительству и культурным напластованиям четко представляет жизнь двух строительных периодов: I - греко-бактрийского и 2 - кушанского. В первый период жизни храма Окса айван был открытым восьмиколонным портиком с двумя рядами по четыре колонны. Базы айвана о двуступенчатыми постаментами (максимальная длина в поперечнике I м) и торами (верхний диаметр – 0,62 м) совершенно идентичные базам Белого зала, были рассчитаны на высоту колонн около 7 м, что свидетельствует о равной реконструируемой высоте айвана и центрального Белого зала. Во второй строительный период – кушанский – внешний восточный ряд колонн айвана был разрушен и заложен мощной стеной в 3,7 м, сложенной из кирпичей 35x35x10, 37x37x11 см, для использования полезной площади в виде большого закрытого зала. Поверхность айвана была раскопана полностью до материка. Полы I - 0,05-0,1 м и II - 0,1-0,25 м не содержали существенных находок, но представляли большой интерес для понимания стратиграфических напластований и подтверждения выдвигаемой ранее гипотезы о причинах отсутствия мощного греко-бактрийского слоя периода жизни храма с последней четверти IV в. по 140-130 гг. до н. э. Первое сильное разрушение храма приходилось на уровень II пола. II пол был покрыт большими каменными обломками разрушенных алтарей со сферическими лунками разных размеров. Позже, уже в кушанский период из этих же обломков были сложены новые алтари. Особенно показателен пример использования двух четвертинок большой каменной ванны. Одна из них лежала на полу II, а другая была вложена во вторичном использовании в виде порога в дверном проеме на высоте I м над материком.

В целом, как было выяснено при открытии материка по всей площади айвана, он был значительно ниже, чем в Белом зале (на 0,6 м). Так, основания торовидных баз четырехколонного Белого зала стоят на материке с отметкой 0 по реперу, тогда как верхняя поверхность баз айвана высотой в 0,6 м приходится: на ту же отметку по реперу, а низ, стоящий на материке – 0,6 м. по реперу ¹³⁰.

Храм был построен в IV-III вв. до н. э. и продолжал функционировать и в первые столетия н. э. – в кушанское время, а также в прилегающих к нему вспомогательных помещениях было сделано много интереснейших находок, которые представляли дары прихожан храму.

Как показали археологические раскопки, из памятника Тахти Сангина было получено очень многочисленное количество находок. Включая различные образцы оружия, такие как стрелы, луки, шлемы, кинжалы, мечи, копья и тому подобное, которые были сделаны из металла и кости, некоторые из них были греческого происхождения, а некоторые – бактрийские происхождения. Так же было найдено большое количество статуэток, украшений, керамических сосудов, драгоценных предметов декора, монеты и тому подобного, что не было представлено археологам ни одним памятником Таджикистана за последние 150 лет ¹³¹.

Стоит отметить, что в большом количестве были обнаружены и находки из слоновой

130 Пичикян И. Р. Раскопки Тахти-Сангина в 1982 г. // Археологические работы в Таджикистане Вып. XXII (1982 г.). Душанбе: «Дониш». 1990. С. 238-254

131 Литвинский Б. А., Пичикян И. Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 1. М.: «Восточная литература». 2000. С. 47-50

Рисунок 4 – Ножны.

кости. Это также убедительное свидетельство того, что Тахт Сангин был одним из важнейших торговых городов во время его существования, и караваны из Индии привозили сюда слоновую кость. Бактрийские художники делали из костей различные предметы. Наиболее интересными из них были голова Александра Македонского, подставка в виде лапы грифона, рукояти ножей и мечей, Гипокарпесса, части флейты, шахматная фигура, зарик для нарды и тому подобное ¹³².

Одна из самых интересных находок, выполненных из слоновой кости, — ножны-ножи, в которых лев стоит на задних лапах, а передними держит оленя. Изображение высечено рельефно, видны все детали льва и оленя, включая лапы, глаза, уши и т.д. Нижняя часть футляра имеет треугольную форму и на видном месте изображена голова лошади.

Привлекает интерес то, что одни и те же ножны изображены на барельефах Персеполя и золотых предметах Амударинский клад.

Рисунок 5 – Пластина Амударьинский клад.

Даже в треугольной части барельефов Персеполя изображена одна и та же голова лошади.

Есть много находок, которые показывают смешивание греческой и бактрийской культуры, самой важной из которых является статуя Силена Марсия.

Рисунок 6 – Селена Марсия.

Миниатюрная модель каменного постамента с поставленной на него бронзовой фигуркой Силена Марсия, играющего на двустольной флейте, должна, безусловно, считаться наиболее важной для атрибуции храма находкой. На базе с лицевой стороны вырезана греческая надпись, свидетельствующая о том, что храм был, по всей видимости, посвящен Оксу.

Силен Марсий стоит во весь рост на маленьком бронзовом подножии, отлитом вместе с фигуркой. Оно вмонтировано заливкой свинцом в верхнюю поверхность постамента при помощи выбитого небольшого (17x15 мм)

прямоугольного паза глубиной 7-35 мм. В худеньких согнутых руках Силен держит диавлос — двустольную флейту. Голова его слегка склонена к правому плечу. Большой лысый череп обрамляют длинные волосы. Прическа непосредственно переходит в короткую широкую бороду, моделированную, как и растительность на голове, обобщенно, глубокими короткими насечками. На лбу две морщины: одна глубокая вертикальная, другая короткая горизонтальная — они придают лицу напряженное

¹³² Древности Таджикистана. Каталог выставки / Отв. ред. Е. В. Зеймаль. Душанбе: Дониш, 1985. 344 с.

выражение. Маленькие глаза посажены глубоко ¹³³.

Широкий нос и покрытые густой растительностью щеки раздуты. Громадная голова с заостренными козлиными ушами, широким носом и переломанной переносицей, подчеркнута уродливая пузатая фигура — характерны для облика Силена. Ноги изображены фронтально, несколько геометрично и обобщенно. Левая нога слегка выдвинута вперед. Пальцы рук и ног даны без детализации, свойственной классическому времени. Если рассматривать фигурку в профиль, выпяченный живот и крупная голова сильно выделяются. Плечи непропорционально заужены и лишь слегка выступают за линию головы. Глубокой пробойной от подбородка до пупка отделены друг от друга отвислые груди. Пупок выбит круглым пуансоном. Иконография Силена Марсия в нашем памятнике не лишена гротескной карикатурности.

Постамент под Силеном Марсием из Тахти-Сангина представляет собой базу типа миниатюрного алтаря. Центральный суженный кверху куб вверху и внизу обрамлен выступающими прямыми и косыми полочками. Лицевая часть алтаря зашлифована, остальные обработаны менее тщательно. Детали профилировки также не очень симметричны, не всюду соблюдена толщина. В целом следует отметить нарушение строгости пропорций и геометризацию форм. Постамент выбит из мелкозернистого белого мраморовидного известняка. Высота постамента — 90. размеры поверхности — 57x72, нижней — 60x67, высота нижней и верхней профилированных частей — 24, центрального куба — 40 мм. Высота бронзовой фигурки Силена 68 мм ¹³⁴.

В заключение можно сказать, что Тахти Сангин более 800 лет служил важнейшим проходом Амударьи и связующим звеном между Индокитаем и Грецией и Римом. По этой причине Республика Таджикистан выдвинула этот памятник в ряду памятников Великого Шелкового пути в коридоре Амударьи для включения в список всемирного культурного наследия ЮНЕСКО, который в настоящее время находится в репрезентативном списке.

Использованные источники и литература:

- Берунй А. Осор-ул-бокия. Душанбе: «Ирфон», 1990. 438 с.
- Дьяконов М. М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиян) (1950-1951 гг.) // Труды ТАЭ. Т. II. 1948-1950 гг. (МИА СССР. № 37). М.-Л., 1953, С. 253-294.
- Древности Таджикистана. Каталог выставки / Отв. ред. Е. В. Зеймаль. Душанбе: Дониш, 1985. 344 с.
- Зеймаль Е. В. Амударьинский клад: каталог выставки. Л.: «Искусство». 1979. 96 с.
- Литвинский Б. А., Пичикян И. Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 1. М.: «Восточная литература». 2000. 504 с.
- Литвинский Б. А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 3. М.: «Восточная литература». 2010. 664 с.
- Логофет Д. Н. На границах Средней Азии: путевые очерки. Кн. 3: Бухарско-Афганская граница. СПб, 1909. 208 с.
- Пичикян И. Р. Возобновление работ на Каменном городище // Археологические работы в Таджикистане. Вып. XVI (1976 г.). Душанбе: «Дониш». 1982. С. 73-83
- Пичикян И. Р. Раскопки Тахти-Сангина в 1982 г. // Археологические работы в Таджикистане Вып. XXII (1982 г.). Душанбе: «Дониш». 1990. С. 238-254
- Чонибек А., Музаффар А. Тахти Сангин. Душанбе: Ирфон, 2009. 68 с.

133 Литвинский Б. А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 3. М.: «Восточная литература». 2010. С. 145-150

134 Литвинский Б. А. Храм Окса в Бактрии... С. 145-150

Claudia Chang

Institute for Ancient Studies (ISAW), New York University
New York, USA cchang@sbc.edu

Ivanov Sergei Sergeivich

Kyrgyz National University, Bishkek, Kyrgyzstan
sergioive@gmail.com

Perry Tourtellote

Independent Scholar, Syracuse, New York, USA
patourtellotte69@gmail.com

DIACHRONIC CHANGE AND THE FORMATION OF NOMADIC CONFEDERACIES IN CENTRAL AND NORTHERN TIAN SHAN MOUNTAIN VALLEYS IN THE 1ST MILLENNIUM BC TO THE EARLY MEDIEVAL PERIOD

Abstract. We discuss the results of three seasons of fieldwork on the south side of Lake Issyk-Kul, Kyrgyzstan. The survey and test excavation results in Juuku Valley is contrasted with research conducted in the Talgar alluvial fan on the north side of the Zailisky Alatau (Tian Shan

Mountains) from 1994 to 2018 by the Kazakh American Archaeological Expedition (KAAE). The goal of this paper is to present a model for the occupation of mountain-valley regions ranging from 600 to 2100 m asl from the Bronze Age through Medieval Periods, with a particular focus on the first millennium BC to the first half of the first millennium CE (usually known as the Saka and Wusun time periods). Preliminary results of radiometric dating and archaeobotanical research are included in this research. The sites of Tuzusai, Tseganka 8, and Taldy Bulak 2 on the Talgar fan show evidence for a dual economy of the herding of sheep/goats, cattle, and horses and the cultivation of wheat, barley, and the two millets. This pattern also seems apparent in the Inner Tian Shan where we have begun to discover carbonized seed remains at upland Iron Age and Qarakhanid Medieval sites in the Juuku Valley.

Keywords: Iron Age, Turkic period, Semirech'ye, Issyk kul, pastoral transhumance, archaeological survey, Talgar alluvial fan, Juuku Valley, Saka, Wusun

1. Introduction

This paper is based on preliminary studies conducted in 2019 through 2022 in the Juuku Valley on the South Side of Lake Issyk-Kul and earlier archaeological research conducted from 1994 to 2018 on the Talgar alluvial fan on the northern edge of the outer Tian Shan range (see Figure 1. Map showing Juuku Valley and Talgar Fan).

The contrast between the Talgar region (Northern Tian Shan) and the Juuku Valley (Central Tian Shan) will be applied to construct a model for examining vertical zonation and the development of agropastoralism and seasonal pastoral transhumance. The Iron Age sites in the Talgar region have been found on the Talgar alluvial fan (550 m asl to 1150 m asl) and the Bronze Age through Ethnographic Kyrgyz sites have been found in the Juuku Valley from 1600 m asl to 2100 m asl. Both the Talgar fan and the Juuku Valley are on the north-facing slopes. We focus primarily on the first millennia BCE period of the Iron Age, a period known for the rise of ancient nomadic confederacies such as the Saka (eastern variants of the Scythians) we will also discuss briefly the later periods of Saka, Wusun and Turkic occupations up to the early Medieval period (ca. 200 BCE to 900 CE). The survey and test excavations data from Middle Juuku and Eastern Juuku were conducted recently during 2019, 2021, and 2022 field seasons by the Kyrgyz-American Tian Shan Project ¹³⁵.

135 Chang, C.; Ivanov, S.S.; Tourtellotte, P.A. Landscape and Settlement over 4 Millennia on the South Side of Lake Issyk Kul, Kyrgyzstan: Preliminary Results of Survey Research in 2019–2021. *Land* 2022, 11,

Theoretical Considerations

Archaeologists have discussed the role of mobile pastoralists in creating trade and exchange networks during the Bronze Age and later in mountain regions. Frachetti (2012) proposed that herding economies (sheep, goat, cattle, and horse-based pastoralism) contributed to the development of mountain passageways that later developed into major networks for exchange and trade. Later Frachetti and his colleagues (2017) further used a flow accumulation model to explain pastoral movement across the mountainous regions of the Inner Asian study zone at elevations from 750 m asl to 4000 m asl. While pastoral transhumance is an essential variable in constructing these models for explaining ancient passageways, others reconstructing ancient Eurasian economies have recently the importance of agropastoralism on mobility and land use¹³⁶. Khazanov (1994)¹³⁷ and others have stressed the degree of variability in the economic foundation of nomadic pastoral groups, both ethnographically and in the past.

1.2 Our Model

We use the geographic and ethnographic studies of pastoral ethnic groups in North Pakistan by a team of German researchers¹³⁸ to test the existence of three different systems of mountain-steppe pastoralism in semi-arid environments during the first millennium BCE through the end of the first millennium CE: (1) *mountain nomadism*; (2) *pastoral transhumance*; and (3) *combined mountain agriculture*. The German team looked specifically at elevations ranging from 2000 m asl to 5000 m asl, below snowline of the Eastern Hindu Kush, the Karakorum, and the Western Himalayas¹³⁹. Our elevation ranges are lower -- from 750 m to 1150 m in the Talgar region, Southeast Kazakhstan and from 1620 m asl to 2200 m asl in the Juuku Valley region, South Side of Lake Issyk kul).

Mountain nomadism in North Pakistan that takes place at the edge of glaciers is usually carried out by ethnic groups such as the Gujurs (although some have now settled in lower valleys) with their mixed herds of sheep, goats, cattle and yaks as well as camels, horses and donkeys but also engage in transportation and trade activities¹⁴⁰. Currently our two polygons have no ancient examples of mountain nomadism.

Pastoral transhumance is a system where seasonal migrations of sheep, goats and cattle use summer pastures in the mountains and winter pastures in the lowlands. In the Talgar region, nearby foothills and plateaus at 1800 or above are used today by Kazakh herders who work for collectives or for individual families will graze their herds of sheep, goats, cattle and horses on summer pasture or *jailau*. These Kazakh herders will then use lowland pastures either on the Talgar alluvial fan or in more distant lowland areas during the winter months.

Combined mountain agriculture takes place in North Pakistan at elevations of 2000 to 3500 m asl and consists of households who cultivate cereals such as wheat, barley, and millet along with maize during the growing season and graze their animals on high mountain pastures in the summer and stable their small numbers of animals in the winter where they will be fed hay and forage. These households move between fields and pastures but live year-round in sedentary villages¹⁴¹ (Stober and Herbers 1990:39-49) in Yasin Valley where they

456; Chang, Claudia, Sergei S. Ivanov, and Perry A. Tourtellotte. 2022. "Landscape and Settlement over 4 Millennia on the South Side of Lake Issyk Kul, Kyrgyzstan: Preliminary Results of Survey Research in 2019–2021" *Land* 11, no. 4: 456. <https://doi.org/10.3390/land11040456>

136 Spengler et al. 2021

137 Khazanov (1994)

138 Ehlers and Kreutzmann 1990

139 Ehlers and Kreutzman 1990: Figure 4

140 Ehlers and Kreutzmann 1990: 13

141 Stober and Herbers 1990:39-49

will grow maize, barley, millet and also some legumes and alfalfa, vegetables and fruits as well as small numbers of sheep and goats, cattle (oxen), and donkeys. Horses and yaks are rarely kept in households. In 1982-1983 census Yasin households kept between 8 and 13 sheep and goats, 3 to 5 cattle, and 2 to 7 chickens, and some households an occasional donkey, horse or yak ¹⁴². In the Juuku Valley, although we have mainly observed agriculture (cultivation of barley, tree crops, and vegetables) in conjunction with the keeping of sheep, goats, cattle, and horses at elevations of 2000 and above, yet most agropastoralists do not stay the entire year thus practicing a modified kind of transhumance.

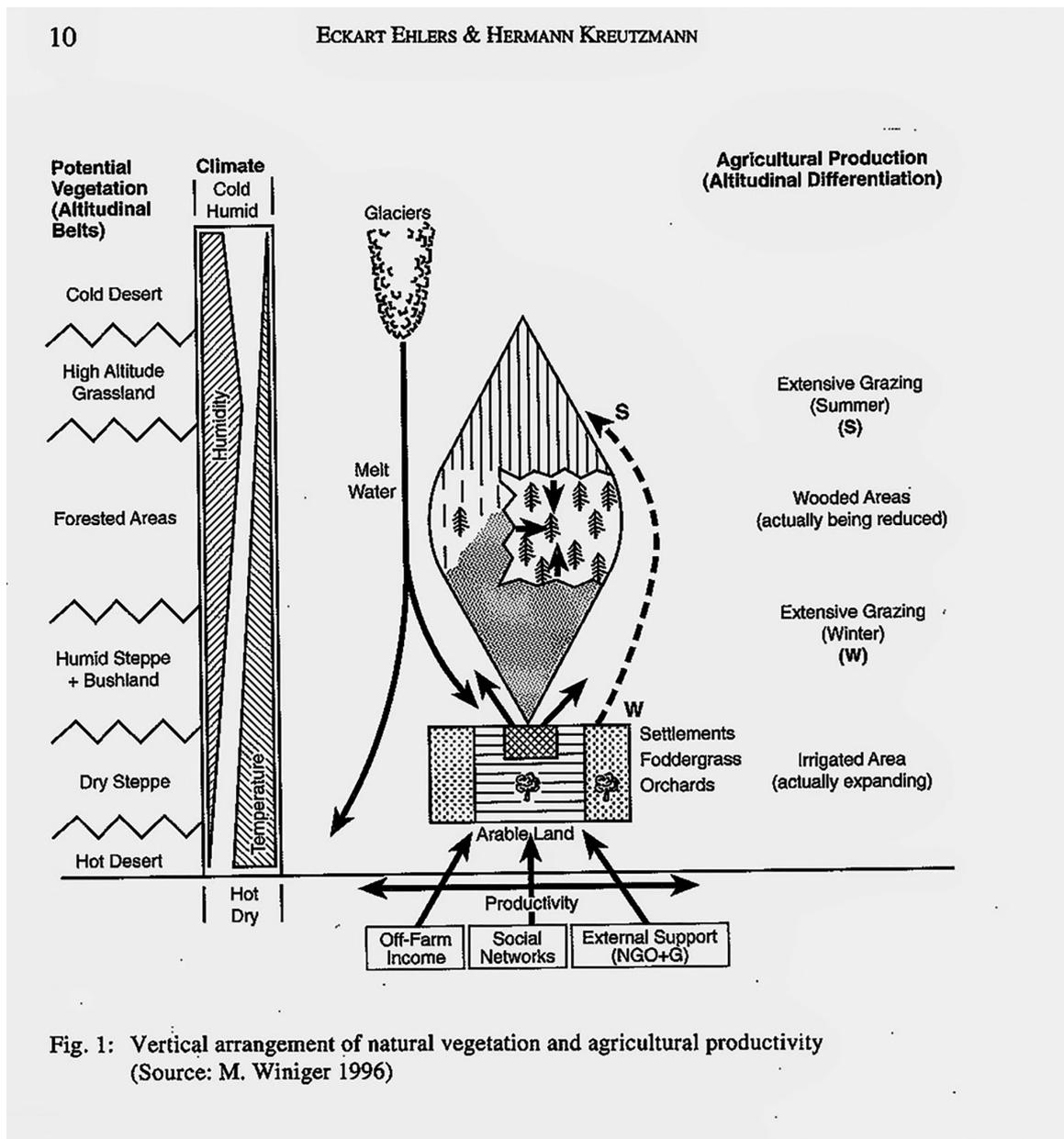

Figure 2. The model of vertical zonation and farming and herding strategies in high mountain areas (Ehlers and Kreutzmann 2000: 10)

2.1 Study Areas

The **Talgar alluvial fan** is a 550 sq m area to the north of the northern slopes of the Outer Tian Shan range (known as the Zailiisky Alatau) in southeastern Kazakhstan, the apex of the alluvial fan is at N 43.274896 E77.215245, 1100 m. asl).

142 Stober and Herbers 1990: Table 1, p. 43

The Talgar River is a mountain river with its source is the mountain glacier area from Peak Talgar at almost 5000 m asl. The river opens up into an alluvial valley or fan. Archaeological surveys (pedestrian walking and analysis of digital map bases) conducted since the mid-1990s through 2018 revealed over 1000 Iron Age burial mounds and 70-90 Iron Age settlements. Excavations at three Iron Age sites reveal a two-phase chronology: Phase I (400-200/150 BCE) and Phase II (200 BCE to 100 CE).

At the Iron Age sites there is evidence for the herding of sheep, goats, cattle, and horses with an occasional camel, donkey or dog ¹⁴³. The cultivation of wheats (*Triticum aestivum/turgidum*), barley (*Hordeum vulgare*), Broomcorn millet (*Panicum milaeceum*), and Foxtail millet (*Setaria italica*) in addition to finds of grape pits and an apple seed have been identified ¹⁴⁴.

The Juuku Valley is a gorge south of Lake Issyk Kul a large saline lake in Northeastern Kyrgyzstan The Juuku Valley is a small intermontane valley or gorge; the glacier peak of It Tash at 4808 m asl empties into mountain streams of the valley that extends 50 km north emptying into Lake Issyk kul. In the upper elevations there are conifer forests and high alpine meadows below the glaciers. Our study area is in the middle and lower reaches (2100 m asl to 1600 m asl). In the middle reaches the terraces have stands of Tian Shan spruce and pines and shrub-grasslands. Along the streams are riparian stands of conifers and birches.

Survey of the Juuku Valley

In 2019 and 2021 we conducted pedestrian surveys on the south side of Lake Issyk Kul, a large Salt Lake in the NE corner of the Republic of Kyrgyzstan. Our surveys were augmented by the use of digital map bases (Google Earth, Nakarte, and other open access mapping sources). We selected 2 polygons for our surveys---the Juuku Valley (both upper and lower parts of this river valley).

A map showing the Co-location of Saka mounds (early half of the first millennium BC) Wusun Square Kurgans (140 BC to 437 CE)

Square kurgan in Middle Juuku before excavation in 2022. We thought it was Wusun but it dates to Turkic Period. The radiometric dates fall within 660-991 CE, or within the Turkic period/early Qarakhanid time period. Oblique photograph taken from the top of a vehicle. Upper Surface stones cleaned, Kurgan divided in four Quadrants. Human remains were looted in the 19th century and scattered on the northern part of the grave shaft. Archaeobotanical results by Spengler and Mir-Makhamad. Barley seeds on left, Wheat seeds on right. The Measurements of the 5 barley and 2 wheat seeds.

Eastern Juuku Settlement 1 at 2060 m asl on the eastern branch of the upper Juuku valley along the eastern terrace of a mountain stream valley. The four radiometric dates of this site fall with a time period of 22 to 536 CE in the Wusun period.

The radiometric dates and flotation samples for archaeobotanical research were taken from the Profile walls exposed by an erosional cut.

The Archaeobotanical Research was conducted by Basira Mir-Makhamad and Robert Spengler.

Sediment samples ranged from 5.0 to 44.5 liters in volume; in total, 124.5 l of sediment were floated and analyzed. The heavy fraction was collected down to 1.4 mm and light fraction down to 0.355 mm. Heavy fraction sorting took place in Kant after the expedition. Only

143 Benecke, N. Iron Age economy of the Inner Asian steppe: A bioarchaeological perspective from the Talgar region of the Ili river valley (southeastern Kazakhstan). *Eurasia Antiqua*. 2003. 9. 63-85;

144 Spengler, Chang and Tourtellotte 2013; Spengler 2013; Spengler et al. 2017.

fragmented snail shells and bones were recovered in the heavy fraction. Light fraction was transported to the Palaeoethnobotany Laboratory at the Max Planck Institute for the Science of Human History. Sorting of light fraction was conducted to 0.355 mm.

Robert Spengler and Basira Mir-Makhamad floated 93 liters of sediment from the Eastern Juuku settlement and the archaeobotanical assemblage consisted of 114 carbonized seeds belonging to domesticated and wild plants. In addition to seeds, three culm nodes were recovered. In total, 21.1 g of charred wood fragments (>2.0mm) are reported here, predominantly coming from Profiles 4 and 6. Four domesticated grains, barley (n=13), wheat (n=6), broomcorn millet (*Panicum miliaceum*, n= 4), and foxtail millet (*Setaria italica*, n=1) were recovered in total. Legumes were represented by a pea (*Pisum sativum*, n=1) and a grass pea (*Lathyrus sativus*, n=1) (Fig. 9g, 9h).

The Legume category included highly fragmented domesticated legumes that could not be differentiated between different genera. Furthermore, only a few seeds were preserved well enough to be measured (see Tables 1 and 2). The identification of legumes in the Juuku valley is interesting because before only a few legume seeds were found in Chap I in the central zone of Central Asia; while there is the lack of legumes at other first millennium BCE sites.

Wild herbaceous plants represent almost 77% of the assemblage. Many of the wild seeds cannot be identified to species, most of them were identified to genus or family level. The most numerous families were the amaranth family (Amaranthaceae, n = 31), the pinks family (Caryophyllaceae, n= 17), and the madder family (Rubiaceae, n=17). The amaranth family consists of chenopod seeds; while, the pinks family was mainly represented by cow cockles (*Vaccaria* cf. *hispanica*), the madder family consists only cleaver seeds (*Galium* sp.). The pinks family and the cleaver seeds may have been weeds found among field crops. In addition, seeds of wild plants such as Amaranthaceae, Asteraceae, *Thlaspi arvense*, cf. *Silene* spp., *Convolvulus* sp., Fabaceae, *Medicago/Melilotus* spp., *Trifolium* sp., Poaceae, wild *Setaria* sp., and Panicoid type were recovered in small numbers.

A brief comparison with Talgar

Over 3000 carbonized seeds were recovered from Tuzusai in 2008-2010 (Spengler et al. 2013), yet no legumes were recovered. We mention this, because as small as the preliminary samples from EJS1 in the Juuku Valley, there was one pea found. Of particular interest is the contrast in grain size dimensions at Tuzusai 2009 (FS-11) where a contrast between a compact-eared wheat grain and a lax-eared is shown ¹⁴⁵.

It is impossible on the basis of actual measurements of free-threshing wheat grain sizes (length, width, thickness) to show statistically the existence of different land races at Tuzusai (Spengler personal communication), there do appear to be examples of a compact ear wheat grains and a lax ear wheat grains since the MNI was only 448 wheat grains^{146, 147}. The variability of wheat grain size at Tuzusai and the other Talgar Iron Age sites could be the results of adaptation to different environments, temperature and moisture conditions, plant density, and manuring. In future studies we are most interested in the effects of manuring on the cereals of the Talgar and Juuku region because this could be further indication of the interlocking dependency between herding systems and agriculture. After all, today sheep, goats and cattle are observed eating in stubble fields after harvest, thus manuring these stubble

145 Spengler et al. 2013, Figure 7, pp. 73

146 Spengler et al. 2013

147 In Sweden experimental studies on growing *Triticum aestivum* (bread wheat) in different conditions have been done by a team of archaeobotanists (Larsson and Bergman 2023). These authors have demonstrated from their experimental plots that of these variables (site location and soil types, manuring, and plant density), the application of manures has caused increased wheat grain size.

fields (see Koster 1977).¹⁴⁸

It is obvious from the faunal collections and archaeobotanical collections of carbonized seeds from the Talgar Iron Age that a mixed agricultural economy existed, not so different from what Ehlers and Kreutzmann (2000) describe where wheat, barley, and broomcorn millet prevail along with domestic animals. Yet further laboratory analyses of the chemical or isotopic composition of the wheat seeds for elements such as nitrogen, phosphates or potassium may also test for manuring.

CONCLUSIONS. By comparing the agropastoral system at Talgar with agropastoralism in the Juuku Valley we hope to reconstruct a set of interlocking systems of economic subsistence of cereal cultivation and animal herding along a vertical gradient. The geographic and ethnographic studies in North Pakistan put forth by Ehlers and Kreutzman (2000) and their colleagues allow us to develop a set of hypotheses for further archaeological field research and laboratory studies. In the future we intend to extend our studies to establish changing patterns of sustainable land-use of upland areas. We also hope that our archaeological researches into ancient patterns of land use might assist in providing guidelines for small-scale upland subsistence in rural mountain areas in Central Asia.

List of used references:

- Benecke, N. Iron Age economy of the Inner Asian steppe: A bioarchaeological perspective from the Talgar region of the Ili river valley (southeastern Kazakhstan). *Eurasia*,
- Chang, C.; Ivanov, S.S.; Tourtellotte, P.A. Landscape and Settlement over 4 Millennia on the South Side of Lake Issyk Kul, Kyrgyzstan: Preliminary Results of Survey Research in 2019–2021. *Land* 2022, 11, 456
- Chang, Claudia, Sergei S. Ivanov, and Perry A. Tourtellotte. 2022. “Landscape and Settlement over 4 Millennia on the South Side of Lake Issyk Kul, Kyrgyzstan: Preliminary Results of Survey Research in 2019–2021” *Land* 11, no. 4: 456. <https://doi.org/10.3390/land11040456>
- Ehlers and Kreutzman 1990: Figure 4-
- Khazanov (1994)
- Spengler et al. 2021).
- Spengler, Chang and Tourtellotte 2013;
- Spengler 2013;
- Spengler et al. 2017-
- Stober and Herbers 1990:39-49-
- Бубнова М. А. К вопросу о земледелии на Западном Памире в IX—XI вв. Прошлое Средней Азии. Археология, нумизматика и эпиграфика, этнография / Отв.ред. В.А. Ранов. Душанбе: «Дониш», 1987. С. 59-66.

148 Koster (1977) wrote about the articulation of cereal cultivation with animal herding in rural Greece in the 1970s and specifically documented the manuring of fields either through collection of sheep and goat manure to spread on fields, or from grazing the flocks on stubble fields after cereal harvests.

THE SILK ROADS AS A SKILLED PRACTICE

Abstract. The skills required to form and sustain the Silk Roads are an aspect that has long been neglected by previous scholars, and this paper argues that it is the practice of such skills on a large scale in time and space in the ancient world that makes the Silk Road a skilled practice. Scholars should be fully aware that Silk Roadness, characterised by experiencing, moving, touching and exchanging, was vividly involved in the formation of related skills. By turning to perspectives such as ‘Silk Road’, we can hope to open up new research spaces in the intellectual history of the Silk Roads.

Keywords: the Silk Roads, skilled practice, silk roadness, silk road+, the Tea Road

The Silk Road was, in a narrow sense, a communication route linking China with Central Asia, West Asia and even Europe. After more than a hundred years of research, especially in the last decade, its content has been greatly expanded. From a global historical perspective, the Silk Road should be seen more as a network linking various subsections of the pre-modern global system¹⁴⁹. Or the Silk Road can be seen broadly as the combination of a series of networks of exchange such as the Road of Religion, the Road of Furs, the Road of Slaves, the Road of Iron Feet, the Road of Gold, and so on¹⁵⁰. China remains one of the ‘starting points’ or ‘end points’ of the Silk Road, but it clearly does not necessarily figure prominently in all matters, although on the whole it remains an essential and major part of the Silk Road. Going beyond a China- or Western-centred perspective will help to better understand the culture and history of trans-Silk Road exchanges.

An overview of the existing research related to the ancient Silk Road will reveal the vast amount of literature that already exists. A large part of this literature relates to people. For example, famous figures who were active on the Silk Road, such as Zhang Qian, Xuan Zang, Genghis Khan, Timur, Zheng He and many others¹⁵¹. Along with these famous, or not-so-famous, figures flowed their ideas. The more common of these were the various religions, such as Islam, Buddhism, Christianity, Judaism, and so on. And the new knowledge brought back by traveling to different places is not to be ignored. The Prophet Muhammad’s statement “Seek knowledge, even from as far away as China” shows the importance of the Silk Road as a network of knowledge exchange.

In addition to the human-related discourse, another centre of gravity that has attracted the attention of many scholars is that of the things. The name Silk Road derives from the trade in silk from classical times to the Middle Ages, and later porcelain, tea, spices, medicine, furs and timber all successively became common goods in commerce along the Silk Road. In addition to the items that could be seen, knowledge of how to obtain and consume these items proliferated.

However, if we compare the Silk Roads of the past with other space network construction activities that are still ongoing in modern times, such as cosmic exploration, we will find significant differences. For example, the accounts of Silk Road travellers that we enjoy so

149 Abu Lughod, J. L. *Before European Hegemony: The World System A.D.1250-1350*, Oxford: OUP, 1989.

150 Frankopan, P. *The Silk Roads: A New History of the World*, London: Bloomsbury Publishing, 2015.

151 Chen Wei. *The Science and Technology Stars along the ancient Silk Roads*, Hohhot: Inner Mongolian People Press, forthcoming.

much are similar to science fiction novels such as Star Trek or the memoirs of astronauts who have been to the moon. We scrutinise and analyse goods, tributes, exotic species, somewhat in the same way that we look for meteorites to track down cosmic information. We describe the immaterial culture of societies, such as religious practices and ideas, a bit like we track the impact of extraterrestrial civilisations on Earth civilisations. We examine foreign communities in history, which is close to our search for alien descendants on Earth ...The Silk Road-related information on which we have accumulated so much fruit is so arcane in comparison to the current booming category of space technology.

At the same time, we are clear that space science is a solidly flourishing field of science and technology, involving the launch of instruments such as satellites for space observation, the construction and launch of spacecraft, and so on, with the ultimate aim of colonising space for humans. If we compare them to the study of the Silk Road, we will find that these elements are almost disproportionately absent from existing research. In other words, we have a very poor understanding of how the Silk Road itself was formed and sustained.

Similar to space technology, the construction and maintenance of the Silk Road required knowledge to safeguard it. Although much of this knowledge is not strictly technological, but often belongs to the skilled craftsmanship or behaviours of people. It is not the same as the people and objects we are more familiar with. If we compare the Silk Road to a chain, then the stories of the people and the isolated commodities from place to place are like the individual iron rings in it. But what we know about the Silk Road itself is closer to the state in which the different rings interlocked.

It is clear that the knowledge of the Silk Road we are referring to should have a character that can be summarised as ‘Silk Roadness’. It is about the skills that have enabled the experiencing, moving, contacting and exchanging of human communication throughout history. Through these skills, people, objects and ideas from different places were assembled together. Covering vast areas and traversing long periods of time, these skills were practised on a large scale in space and time, making the Silk Road a body of skilled practice. But with the passage of time, the skills of the past are largely lost today, making it difficult for today’s researchers to perceive their profound role in the Silk Road’s effectiveness.

The Silk Road is not only the practice of skills, it is also actively engaged in the creation of these skills, and it is an essential influencing element in the way these skills are ultimately presented. Many of these skills had already existed in local communities, and when overlaid with the aforementioned demands of movement, exchange and communication, their appearance and the ‘knowledge packages’ they contained were transformed, and further Silk Road practices would give these transformations a more distinctive character. I call this transformation ‘Silk Road+’. One example is that through ‘Silk Road+’, medical practices that were intended to serve the needs of those without adequate medical conditions are further differentiated to meet the health traditions required for Silk Road travel. The latter displays a distinctly Silk Roadness.

Constructing a new history of the Silk Road through ‘Silk Road+’ requires expanding the methods and horizons of our previous Silk Road studies, as well as expanding the scope of research in the history of science and technology. In the past, historians of science and technology have approached issues related to the Silk Road with a focus on the historical development of manufacturing, the spread of species and the transfer of knowledge as a result of various human activities. In contrast, aspects of the Silk Road as a practice of skill that we should devote more attention to in the future include:

1. infrastructure and transport along the Silk Road;
2. interpersonal exchanges along the Silk Road;
3. the perception of the geographical environment by people along the Silk Road;
4. the applied mathematics used in trade and its management along the Silk Road;
5. the medical treatment involved in travel along the Silk Road.

For many of these areas, research has already been done that provides a basis for further exploration, and some scholars have already made excellent contributions in these areas. We can easily see this tendency in the last monograph of the US scholar Thomas Allsen, *The Steppe and the Sea: Pearls in the Mongol Empire*, although he did not propose the concept of ‘Silk Road+’. In this outstanding work on the history of pearls, chapters 1 to 8 focus on the material and cultural history of pearls in the Mongol period, while chapters 9 to 14 treat the topic of pearls exclusively from the perspective of the Silk Road. By addressing the fluctuating prices of pearls, the mythical bubbles that merchants blew for them, the low-end alternatives to pearls, the routes by which pearls flowed, and the combination of Mongolian inlandness with the maritime nature of pearls, Thomas shows the role of the Silk Road in shaping the nature of pearls, while also polishing them into a perfect example of the aggregation of skilled practices ¹⁵².

Our focus on the Tea Route also promises to bring new illustrations of the ‘Silk Road as a skilled practice’. There are many documents and sites associated with the Tea Route, a small number of which are closely related to how traders successfully ran their businesses along the Silk Road, such as specialist dictionaries in different languages, the choice of transport routes, information on the items that could be traded along the route, and so on. This material seems to me more attractive than a tea merchant’s mansion, unless some part of the building is sufficiently ‘Silk Roadness’, such as a theatre, which might have the attributes of a cultural contact zone ¹⁵³.

More discussion of the ‘Silk Road as a practice of art’ requires new historical sources and research methods. In addition to the aforementioned shift in focus, historical sources need to be further expanded. While previous researchers have focused on extraterritorial elements excavated from representative sites in the Chinese hinterland, it is clear that ‘Silk Roadness’ was more active along the Silk Road, in places such as wells, post stations and marketplaces. A detailed examination of the Silk Road nodes and routes is therefore essential. Central Asia is an important cultural contact zone along the Silk Road, and many areas of knowledge have undergone complex ‘Silk Road+’ processes in various parts of the region, which will certainly be a more crucial area for Silk Road studies in the future. We look forward to scholars from all countries joining forces and working together through collaborative efforts to create a new synthesis of this information in history.

List of used references:

- Abu Lughod, J. L. *Before European Hegemony: The World System A.D.1250-1350*, Oxford: OUP, 1989.
- Allsen, T. *The Steppe and the Sea: Pearls in the Mongol Empire*, University of Pennsylvania Press, 2019.
- Chen Wei. *The Science and Technology Stars along the ancient Silk Roads*, Hohhot: Inner Mongolian People Press, forthcoming.

¹⁵² Allsen, T. *The Steppe and the Sea: Pearls in the Mongol Empire*, University of Pennsylvania Press, 2019.

¹⁵³ Simon, S. Hybridity and translation, in Gambier, Y. and van Doorslaer, L., eds., *Handbook of Translation Studies*, vol. 2, Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2010, pp. 49-51.

- Frankopan, P. *The Silk Roads: A New History of the World*, London: Bloomsbury Publishing, 2015.
- Simon, S. Hybridity and translation, in Gambier, Y. and van Doorslaer, L., eds., *Handbook of Translation Studies*, vol. 2, Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2010, pp. 49-51.

THE STUDY OF THE WORLD CULTURAL HERITAGE IN DANGER: IN VIEW OF THE COMPONENT IN DANGER WITHIN SERIAL PROPERTIES

Abstract: Starting from the event that Talgar, a component property within the cultural route the “Silk Roads: Routes Network of Chang’an-Tianshan Corridor” was threatened by road constructions in 2015, the theoretical studies indicated that from the perspectives of integrity and attributes, the whole heritage to be listed as endangered if Talgar was endangered, and the overall OUV would not be negatively influenced. According to the case studies of Cultural Landscape and Historic Town serial properties, it is also justified that the serial components’ danger would also result in the whole property’s danger-listing. In case the authenticity and integrity of Talgar have been irreversibly damaged, the most likely solution is to delete the component through Major Boundary Modification process, while other serial components and the whole property remain.

Keywords: Talgar; World Heritage in Danger; Serial Property; Cultural Route; Cultural Landscape; Historic Town; Significant Boundary Modification

1. Review of the Issue of Talgar

The site of Talgar, located in Kazakhstan, is a component of the serial transnational heritage sites of the “Silk Roads: the Routes Network of Chang’an-Tianshan Corridor”, which was defined as a “Trading settlement” in the nomination dossier (The State Administration of Cultural Heritage of China et al,2013,25). The site consists of 8th-13th century walls, watchtowers, markets, roads, water supply systems, iron workshops, etc., reflecting the remains of urban culture and land use, as well as the remains of Christianity, Buddhism, Manichaeism and Islam. Products from China, Iran, India and Japan were unearthed from the site, confirming the region’s trade links with other countries through the Silk Roads in the Middle Ages (The State Administration of Cultural Heritage of China et al,2013,186).

Under the framework of the “Silk Roads: the Routes Network of Chang’an-Tianshan Corridor”, there are altogether 33 heritage sites, including 22 in China, 3 in Kyrgyzstan and 8 in Kazakhstan. In 2015-2016, the Site of Talgar attracted particular attention from the international and local communities as a result of the construction of motor way and bridge passing through the site. The UNESCO World Heritage Centre (Hereinafter as WHC), expressed concern about Talgar and requested Kazakhstan to halt the construction, and to consider finding alternative ways beyond the heritage boundaries and buffer zone and dismantling the bridge that had been built. At the same time, the WHC expressed concern about the housing construction within the buffer zone and urged Kazakhstan to immediately stop the relevant projects so as not to have negative impact on the background environment of the property (UNESCO,2016). It recommended that the government of Kazakhstan guarantee proper planning, management and decision-making of heritage sites through administrative means at the local level, and requested the country to invite a team of experts from WHC/ ICOMOS as soon as possible, to launch a reactive monitoring mission for Talgar and other Silk Road World Heritage sites in the country (UNESCO,2016).

From late October to early November 2016, the working group of the reactive monitoring mission, composed of representatives of WHC and ICOMOS, visited Kazakhstan. On 27 October, Kazakhstan adopted a draft resolution announcing the suspension of motorway construction projects and introduced five different road layout options. At the same time, Kazakhstan proposed to retain the bridges that had been built and use them as service facilities for tourists. Government representatives in Talgar region communicated on the issue of residential projects that may continue to be implemented in the buffer area. In addition, in accordance with the recommendations of the Advisory Panel of ICOMOS, Kazakhstan pledged not to carry out any reconstruction of Talgar between 2017 and 2019 (The Ministry of Culture and Sports of the Republic of Kazakhstan, 2017, 9-10).

2. Whether the Serial Property be Listed as Endangered 2.1 Integrity

As a world cultural heritage site, when a property inscribed on the World Heritage List is threatened by serious and specific dangers, the Committee considers placing it on the List of World Heritage in Danger (UNESCO, 2021, 12). The rules and criteria for endangered assessment applied irrespective of all types of heritage.

All world cultural heritages must have integrity, their physical structure and important features need to be properly preserved, the impact of the process of degradation should be manageable, and the vast majority of the necessary factors to bear the full value of the heritage should be included. If the motor way through Talgar was accomplished, whether it locates in the heritage area, the buffer zone or the background environment (or all three), would seriously undermine the integrity of the site and inevitably make it an endangered heritage site.

The integrity of the serial properties is not detailed in the Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention (hereinafter as OG), but its definition emphasised the relevance and the coherence of the components as a whole. It can be seen that the integrity of a serial property is associated, coherent and overall. From this point of view, if the integrity of component Talgar was compromised, and so did the integrity of the serials. On this basis, there is a good reason for the serial property to be listed as endangered.

As one of the combining forms of the serial properties, the definition of integrity in the “ICOMOS Charter on Cultural Routes” included the full representation of its material and intangible evidence and factors, confirming the overall significance and value of cultural routes, and ensuring that the characteristics of a cultural route and the significance of the historical process can be fully reflected (ICOMOS, 2008, 2). In this sense, under the circumstances that the material presentation being harmed, an endangered Talgar would definitely result in an incomplete integrity to the cultural route. Further more, considering the name of this property “The Routes Network”, the network of Zhetysu Region on the nomination dossier map illustrated Talgar was a node site in Ili Valley that connects Balasagun and Akotobe in the west and the Site of Karamergen and Kayalyk in the north. There were two main routes that traversed Talgar, with 7 networks related (Williams, 2014, 83). If the integrity of Talgar was compromised, the integrity of the routes’ networks would also be affected.

The Corridor is a concept for nominating Silk Roads sites as a collection of World Heritage serial properties, instead of one single serial. Being technically infrastructured on the linking and mapping of selected nodes and heritage sites, it is an overarched and superior concept beyond the components themselves. With the purpose of structuring feasible approaches for the World Heritage Nomination, the corridor mapping, based on the understanding of the ICOMOS Thematic Study of the Silk Roads and within the framework of geographic span, is not stationary, it varies in different circumstances. Being one of the 6 trading settlements, if Talgar was not on the nomination list, the links between different peoperties and nodes in

this area would have been changed in micro, but the Silk Roads Corridor in Zhetysu Region which connects North and South Tian-Shan Mountains and other directions would be existed in macro. That is to say, an endangered Talgar would not harm the integrity of this corridor.

2.2 Attributes

In the 2013 edition OG, one of the three definitions of a serial property is that each component should have a substantive, scientific, clearly definable and identifiable contribution to the OUV of the heritage as a whole, or may include intangible carriers. A comparative analysis of the history and ramnants is the basis for measuring the contribution and attributes of Talgar within the “Silk Road: the Routes Network of Chang’an-Tianshan Corridor” trading settlements. (See Table).

Comparative Analysis of the Trading Settlements

Name	Date	Brief	Attributes
Talgar	8 th -13 th A.D	Trading city in Ili Valley	Urban culture and land use ruins: city wall, towers, roads, water supply system, iron workshops; Religion: Christian, Buddhist, Manichean, and Islamic artifacts
Aktobe	7 th – 13 th A.D	Large town of trading and technology, cultural centre in Zhetysu region	Urban culture and land use ruins: castle, palaces, coin casting, wine brew; Religion: Christian and Islamic cemeteries
Kulan	6 th – 13 th A.D	Trading city in Chuy Valley	Urban culture and land use ruins: castle, watch towers, defense facilities, markets; caravanserais Religion: Shamanism, Islamic artifacts
Ornek	8 th – 12 th A.D	Trading city in Talas Valley	Urban culture and land use ruins: mud wall, watch towers, military camps, pottery workshops, houses, water mill; Religion: Zoroastrianism, Shamanism, Islamic cemeteries and Mosques
Akyrtas	8 th – 14 th A.D	Trading city in Talas Valley	Urban culture and land use ruins: palace, hydraulic structures network, garden and parkland, fortification and signal facilities, caravanserais
Kostobe	6 th – 12 th A.D	Trading city in Talas Valley; cultural, commercial and manufacturing centre in the southwest of Zhetysu region	Urban culture and land use ruins: walls, towers, citadel, palace; Religion: Zoroastrian, Islamic, Christian and Buddhist burials

*source: The nomination dossier “Silk Roads: Routes Network of Chang’an-Tianshan Corridor”

From the chronicle view, Talgar does not have the outstanding and irreplaceable characteristics. From the aspect of remains, Talgar’s walls, towers, markets, roads, water supply systems, iron workshops and Manichaeian relics are prominent and irreplaceable.

Therefore, from the perspective of the serial property, Talgar’s attributes and some of

the remains are indispensable in the “Silk Roads: Routes Network of Chang’an-Tianshan Corridor”. On this basis, it is also established to list the whole route as endangered.

To sum up, from the perspectives of the integrity and attributes, within the framework of the serial property and cultural routes, once there are impacts that led to the endangerment of a component site, the whole is theoretically endangered, albeit the corridor would remain valid. If Talgar was endangered, the “Silk Roads: the Routes Network of Chang’an-Tianshan Corridor” is likely to be included in the danger list. If this happens, the project would become the first endangered cultural route and serial transnational World Heritage.

2.3 OUV

Cultural routes have special cross-cultural significance. That is, the concept of cultural route implies that the property as a whole has an ultimate and supreme value than the simple addition of each component, and gives the route its real meaning.

In the nomination dossier of the “Silk Roads: Routes Network of Chang’an-Tianshan Corridor”, the OUV of this cultural route was stated as: “Being a significant component of the Silk Roads, hold the crucial starting position for the transportation and communication system of the entire cultural route heritage. Through a series of interactions between human and nature, a long distance cross regional transportation system was established, linking up multiple civilisations, facilitated a lasting and far reaching exchange activities in trade, religion, science and technology and culture; played an essential role in the cultural interchanges between the nomadic and settled peoples, and the East and Central Asian civilisations. Having witnessed significant stages in the development of human civilisation on the Eurasian continent over a period of eighteen centuries between the 2nd century BC and 16th century AD, and the outstanding characteristic of multicultural coexistence during this long span of time, and thus promoted in a significant way dialogues between different civilisations and cultures across continents, and their common development, the nominated property boasts an outstanding example in world history of how mankind established long-distance east-west transportation system and realised the widest interchange among civilisations and cultures across the Euro-Asian continents(ICOMOS,2014,166). “

Based on the overall value of the cultural route, Talgar is only one of 6 trading settlements, together they attributed the route’s OUV. Although the OUV was generalised from various heritage sites, it was by no means a simple combination of the individuals, but was detached and sublimated to the height of human history and civilisation. In the “Draft Outstanding Universal Value Statement on the Silk Road Cultural Route” adopted by Almaty in 2009, it was emphasised at the outset that “the value of the entire route far exceeded the sum of individuals (UNESCO,2009)”. With this in mind, if Talgar was removed from the 33 heritage sites of the “Silk Roads: the Routes Network of Chang’an-Tianshan Corridor”, it will not affect the overall OUV as the other properties’ attributes would support and indicate the same content. Therefore, according to the definition of the value in the “ICOMOS Charter on Cultural Routes”, another possibility might be obtained through the above argument: The OUV of the cultural route is embodied in the whole rather than the individual. Within a numerous of properties that summarises the equal or similar OUV, one of them can be taken out without affecting the whole. Then it might be inappropriate to list the entire corridor in danger.

3. Practical Case Studies

3.1 Cultural Landscape WH in Danger

Cultural landscapes and cultural routes are special types of cultural heritage that have emerged successively in the course of the World Heritage nomination process. According to

the 2021 OG, cultural landscapes represent “the joint work of nature and of man”. They are the illustrative of historical evolution of human societies and settlements through a range of social, economic and cultural factors, both internal and external, as a result of physical constraints and/or opportunities presented by the natural environment. There is a considerable degree of commonality in the nature of cultural landscapes and cultural route heritage. In the case of cultural landscape, the cultural values presented by the components include stages of development along the course of time; cultural routes also express specific cultural phenomena based on the description of the life cycle of their components (UNECISO,2021,22). According to the OG, cultural routes can also be understood as special, dynamic cultural landscapes, although this view is still debated (UNESCO,2019,88).

Since the cultural landscape consists of a series of different components, it can also be categorised as serial property. Taking into account the OG’s description of the integrity of serial property, as well as the criteria for assessing the integrity of cultural landscape, it is clear that the integrity of cultural landscapes depends mainly on: a. Includes all serial properties necessary to express its outstanding universal value, this means specifically for cultural landscapes and for other living properties that relationships and dynamic functions present in cultural landscapes should be maintained; b. Is of adequate size to ensure the complete representation of the features and processes which convey the serial property’s significance; c. Suffers from adverse effects of development and/ or neglect (UNESCO,2009,25-26).

The World Cultural Heritage “Roşia Montană Mining Landscape” is located in the Metalliferous range of the Apuseni Mountains of Romania. As Alburnus Maior, it was the site of extensive gold-mining activities during the Roman Empire from 106CE, with some 500 tonnes of gold being extracted in the following 166 years. The ensemble of mining sites is set in an agro-pastoral landscape which largely reflects the structures of communities that supported the mines between the 18th and the early 20th centuries. The ensemble consists of Roman mining galleries, industrial buildings, historic town and agro-pastoral landscape (ICOMOS,2017,264).

Based on a long-term arbitration between the current mining company and Romanian government, it was recognised that along with the continued mining activities, the majority of the Roman remains described in the nomination dossier would be destroyed, this would result in the destruction of a major part of the nominated property leaving only a small historic “island” of built heritage and some underground Roman mining works (ICOMOS,2017,269). In this regards, the WHC decided to list the serial property in danger, in order to urge the state party to halt approval of mining permits at the property, to develop as soon as possible planning controls, and to approve, submit and implement the management plan (UNESCO, 2021) .

The World Cultural Heritage “Cultural Landscape and Archaeological Remains of the Bamiyan Valley” is situated west of Kabul, enclosed between the high mountains of Hindu Kush, in the central highlands of Afghanistan. The valley follows the Bamiyan River, and was the track of branch of the Silk Roads. In 2003 the property was inscribed on the WH List and immediately the Danger List. Among 6 of the serial components, the giant standing Buddhas in the Bamiyan Cliff had been destroyed by Taliban, whilst others maintained.

In the Evaluation Report, ICOMOS indicated that “as a cultural landscape, Bamiyan Valley, with its artistic and architectural remains, the traditional land use and the simple mud brick constructions has retained an integrity, which may be vulnerable in face of development, and requires careful conservation and management” (ICOMOS 2003). In this regard, the demolition of the Buddhas has not seriously damaged the overall integrity of the property, which is illustrated mainly by other serial components.

To conclude, in view of the practical cases of the Cultural Landscape properties, if the integrity of the serial component(s) were risky or compromised, the overall would be listed in danger. This is equal to either conditions: a risky or compromise to the serial component(s) that brings major impacts to the overall cultural significance, or the impacts that are insufficient to negatively changing the cultural significance. In a word, considering Talgar as a component of the Cultural Landscape serial property, the risk or compromise to its integrity would reasonably result in listing the overall heritage in danger.

3.2 Historic Towns WH in Danger

As the most fundamental characteristic, the authenticity and integrity of the historic town is expressed through the attributes and coherence of all its tangible and intangible elements, in particular through the urban pattern defined by the street fabric, the plots, the greenspaces and the relationship between buildings, greenspaces and open spaces (ICOMOS,1987). From the constitution of cultural significance, “Every historic area and its surroundings should be considered in their totality as a coherent whole whose balance and specific nature depend on the fusion of the parts of which it is composed and which include human activities as much as the buildings, the spatial organization and the surroundings. All valid elements, including human activities, however modest, thus have a significance in relation to the whole which must not be disregarded.” (UNESCO,1976) Therefore, in terms of the relationship between the heritage as a whole and its components, the cultural heritage of historic towns fulfils the attributes of a serial heritage and is equally informative for the study of the endangerment of this type of World Heritage.

The Historic Centre of Shakhrisyabz is situated in the eastern part of the Kash Valley in the Sogd region of Uzbekistan. 2009 saw the adoption of the Master Plan for the City of Shakhrisyabz by the Office of the Ministers, and 2014 saw the adoption of the Plan of Comprehensive Measures for the Development and Reconstruction of Shakhrisabz City for tourism and commercial development of the heritage site. In 2014, the Plan of Comprehensive Measures for the Development and Reconstruction of the City of Shahrisyabz for tourism and commercial development was adopted (The Ministry of Culture of Uzbekistan, 2015). Demolition of the historic neighbourhoods and traditional houses around the important historic buildings located in the core area of the heritage site, as well as construction of scenic spots, began. By March 2016, when the WHC conducted its second reactive monitoring, approximately 30 percent (70 hectares) of the total heritage area had been demolished, and the Development and Reconstruction Plan had been largely completed (UNESCO,2016,15).

The Historic Centre of Shakhrisyabz is located in the heart of a modern city that evolved from an ancient settlement. Among those construction and rebuilding activities, the demolition of the Medieval quarters, which beared witness to its history and town planning practices and the socio-cultural identity; and the demolition of old residential areas that reflected traditional architectural style had seriously and irreversibly impacted the authenticity of the historic town. Based on this, the whole historic town has been listed as endangered because the overall authenticity was reduced, and as a whole the demolished components could no longer convey the nominated OUV. At the World Heritage Committee in 2016, the Historic Centre of Shakhrisyabz was placed on the endangered list (UNESCO,2016).

Another case is the Historic Centre of Vienna. This site consists of the medieval core area, the principal Baroque ensembles, and the constructions from the beginning of the modern period. As the proposed urban development project, namely the 88m high-rise tower to be built in the bufferzone, which would adversely affect the visual integrity and further the OUV; as well as the municipal Master Plan that permits the construction of buildings of a

scale that would have an adverse impact on the urbanform and character of the core area, the WHC decided to inscribe the whole property on the Danger List (UNESCO,2017).

To conclude, as Historic Towns, listing of the whole heritage as endangered is justified when the integrity and/or the authenticity of the component(s) has been irreversibly damaged; even if the damage was potential or visual in some cases.

4.Serial Reduction Case Study

Should we assume that the authenticity and integrity of Talgar was substantially and irreversibly damaged during the road construction in 2015, and that the whole property “Routes’ Network of Chang’an-Tianshan Corridor” has been placed on the endangered list. Will the property be de-listed after this? There is no precedent for the de-listing of cultural routes, cultural landscapes or historic towns by the World Heritage Committee.

4.1 Gelati Monastery

The Gelati Monastery in western Georgia, founded in 1106, was one of the largest Orthodox monasteries in medieval Georgia during the Golden Age and a centre of science, education and culture in ancient Georgia. Named Bagrat Cathedral and Gelat Monastery at the time of its inscription, the property is a series of two buildings, of which Bagrat Cathedral was severely damaged in history. In the early twentieth century, as a result of extensive reconstruction of the site by the State Party, the World Heritage Committee inscribed the property on the Danger List in 2010, on the grounds that “The reconstruction of the Bagrat Cathedral has been completed, and the dramatic changes caused have irreversibly weakened its authenticity and do not help to provide attributes to the value criteria met by the inscription of the property.” (UNESCO,2010).

In 2017, following a significant boundary modification^{154*}, the property removed Bagrat Cathedral, leaving only Gelati. ICOMOS wrote in its 2017 OUV assessment that “Gelati has been separately nominated to express a similar value to the previously included ‘Bagrat Cathedral and Gelati Monastery’ as being of similar value.” “The original justification for inclusion in the series on the basis of compliance with criterion (iv) was that both Bagrat Cathedral and Gerati Monastery represent the heyday of medieval Georgian architecture.” “... although Bagrat was severely damaged by the Turks in 1691 and was in ruins at the time of inclusion, Gelati survives as a complete monastic complex.” (ICOMOS,2017,9)

The reconstruction of the ruins of Bagrat Cathedral by the State Party was not recognised by ICOMOS and the Committee; after the removal of the series, the Monastery of Gelat ceased to be part of the series due to the loss of geographically distinct components with specific associative attributes of integral value, but at the same time it was removed from the List of the Endangered and remains securely on the World Heritage List. It can be seen that, in the case of this series, the retention of the main monument carrying the values and the removal of the minor serial components does not lead to de-listing, provided that the components are of the same type, share the same or similar values and fulfil the same value criteria.

4.2 The Historic Centre of Shakhriyabz (Possible case)

The authenticity of the “Historic Centre of Shakhriyabz” has suffered serious and irreversible damage following its destructive transformation, together with the integrity of the historic fabrics. In this context, the property is in a position to be de-listed from the World Heritage List. However, the WHC decided to allow the State Party within a time range to

154 The Boundary Modification to a World Heritage Site include Minor Boundary Modification and Significant Boundary Modification. A Minor Boundary Modification is one which does not have a significant impact on the extent of the property nor affects its Outstanding Universal Value. A Significant Boundary Modification should be proposed as if it was a new nomination. The Significant Boundary Modification applies to extensions, as well as reductions. (See Terms 1630165, OG 2021)

explore possible options for a significant boundary modification or a new nomination, and at the end of this period, to consider once again whether the property should be retained on the World Heritage List for a further period to allow time, if by then a clear direction of travel has been articulated, or to delete the property altogether. (UNESCO, 2019) It is clear that de-listing is not the aim of the Committee; it wishes to retain the site on the World Heritage List at the maximum extent, through major modifications to the boundaries or through re-nomination, as the other less affected components that are still bears the outstanding universal value.

5. Conclusion

The danger listing is not the objective, but a method and process to rescue the World Heritage Sites and their cultural significances. The essence of the 2015 Talgar road project shed a light on the contradiction between the protection of cultural heritage and the development of economy. According to the possible impact of an endangered component to the whole, with the theoretical studies, it is reasonable that “Chang’an-Tianshan Corridor” to be listed in danger, if the construction project had continued—and caused serious irreversible damage to Talgar’s integrity and authenticity.

The practical case studies of Cultural Landscapes and Historic Towns also indicated that the damage to the integrity and/or authenticity of its components would also lead to the danger listing. With the common nature of serial properties among Cultural Routes, Cultural Landscapes and Historic Towns, the overall Silk Roads Heritage is justified to be listed in danger if a component was endangered.

Considering the reduction case of the serial property, it is reasonable to assume that if Talgar could no longer convey its attributes and cultural significance, a significant boundary modification would be applied to the whole cultural route property, which means that Talgar to be deleted from the Silk Roads: Routes’ network of Chang’an-Tianshan Corridor, while the property’s OUV and other serial properties maintain.

List of used references:

- CIIC, ICOMOS. ICOMOS Charter on Cultural Routes, Quebec 2008, pp2 [DB/OL] [2023-8-11] https://www.icomos.org/images/DOCUMENTS/Charters/culturalroutes_e.pdf
- ICOMOS. Charter for the Conservation of Historic Towns and Urban Areas (The Washington Charter) [Z]. Washington, 1987. [DB/OL] [2023-8-11] https://www.icomos.org/images/DOCUMENTS/Charters/towns_e.pdf
- ICOMOS. The Technical Evaluation Report of the Bamiyan Valley (Afghanistan) No.208rev[R]. Paris, 2003. [DB/OL] [2023-8-11] <https://whc.unesco.org/document/152982>
- ICOMOS. The Technical Evaluation Report of the Silk Roads: the Routes Network of Tian-shan Corridor[R]. Doha, 2014, pp166. [DB/OL] [2023-8-11] <https://whc.unesco.org/document/152690>
- ICOMOS. The Technical Evaluation Report of Bagrati Cathedral and Gelati Monaster (Republic of Georgia) No.710bis.[R]. Krakow, 2017, pp9. [DB/OL] [2023-8-11] <https://whc.unesco.org/document/159769>
- ICOMOS. The Technical Evaluation Report of Roşia Montană Mining Landscape (Romania) No.1552rev[R]. Manama, 2017, pp264. [DB/OL] [2023-8-11] <https://whc.unesco.org/document/189208>
- Tim Williams. The Silk Roads: An ICOMOS Thematic Study[R]. Paris, 2014, pp83. [DB/OL] [2023-8-11] https://www.icomos.org/images/mediatheque/ICOMOS_WHThematicStudy_SilkRoads_final_lv_201406.pdf

- The Ministry of Culture of Uzbekistan. State Conservation Report on the Workds Being Implemented in Historic Centre of Shakhriyabz City[R].Tashkent, 2015. [DB/OL] [2023-8-11] <https://whc.unesco.org/document/135283>
- The Ministry of Culture and Sports of the Republic of Kazakhstan. State of Conservation Report of the Republic of Kazakhstan[R]. Astana, 2017,pp9-10. [DB/OL] [2023-8-11] <https://whc.unesco.org/document/156862>
- The State Administration of Cultural Heritage of China, Ministry of Culture and Information of Kazakhstan, Ministry of Culture and Tourism of Kyrgyzstan.The Nomination Dossier of “The Silk Roads: Initial Section of the Silk Roads, Routes Network of Chang’an-Tianshan Corridor”[Z]. Beijing 2013, pp25
- WHC, UNESCO. DRAFT Statement of Outstanding Universal Value for the Silk Roads[Z]// The 5th UNESCO Sub-Regional Workshop on the Serial World Heritage nomination of the Silk Roads, Almaty, 2009
- WHC,UNESCO. Opertational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention. Paris, 2021.pp12. [DB/OL] [2023-8-11] <https://whc.unesco.org/en/documents/190976>
- WHC,UNESCO. Opertational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention. Paris, 2019.pp88. [DB/OL] [2023-8-11] <https://whc.unesco.org/en/documents/178167>
- WHC,UNESCO. World Heritage Committee Decision 40 COM 7B.34 Silk Roads: the Routes Network of Chang’an – Tian-shan Corridor (China / Kazakhstan / Kyrgyzstan) (C 1442).Istanbul, 2016. [DB/OL] [2023-8-10] <https://whc.unesco.org/en/decisions/6699>
- WHC,UNESCO. World Heritage Cultural Landscapes, A Handbook for Conservation and Management[Z]//World Heritage Papers No.26.Paris, 2009, pp25-26 [DB/OL] [2023-8-11] <https://whc.unesco.org/document/102995>
- WHC,UNESCO. World Heritage Committee Decision 44Com 8B.26[Z].Fuzhou, 2021. [DB/OL] [2023-8-11] <https://whc.unesco.org/en/decisions/7945>
- WHC,UNESCO. The Recommendation Concerning the Safeguarding and Contemporary Role of Historic Areas (The Nairobi Recommendation)[Z]. Nairobi, 1976. [DB/OL] [2023-8-11] <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000114038.page=136>
- WHC,UNESCO. Reavtive Mission Report Historic Centre of Shakhriyabz (Uzbekistan) (C885) [R]. Istanbul, 2016, pp15. [DB/OL] [2023-8-11] <https://whc.unesco.org/document/142402>
- WHC,UNESCO. World Heritage Committee Decision 40Com 8C.1[Z].Istanbul, 2016. [DB/OL] [2023-8-11] <https://whc.unesco.org/en/decisions/6837>
- WHC,UNESCO. World Heritage Committee Decision 41Com 7B.42[Z].Krakow, 2017. [DB/OL] [2023-8-11] <https://whc.unesco.org/en/decisions/6925>
- WHC,UNESCO. World Heritage Committee Decision 37Com7A.32[Z].Brasilia, 2010. [DB/OL] [2023-8-11] <https://whc.unesco.org/en/decisions/4196>
- WHC,UNESCO. World Heritage Committee Decision 43 COM 7A.44[Z].Baku, 2019. [DB/OL] [2023-8-11] <https://whc.unesco.org/en/decisions/7550>

УЙСУНЕ ЖЕТЫСУ: ВЗАИМОСВЯЗЬ ВРЕМЕН

Abstract: The Usuns played an important role in the history of Central Asia. The Usuns are known by names such as Usun, Uishun, Uysun, and they are one of the most ancient tribes of Zhetysu, which played a significant role in the ethnogenesis and ethnic history of the Kazakh people. The earliest information about the Usuns is found in Chinese sources such as Shi Ji, Han Shu, and others.

The ethnic origin of the Usuns has been a subject of controversy. The previously proposed theories about the Indo-Gothic and Finno-Ugric origin of this tribe, as well as the identification of the Usuns with the Asians-Asians, have completely disappeared, according to the conclusions of the renowned ethnographers V.V. Vostrov and M.S. Mukanova. The idea that the ancient Usuns spoke Turkic and had a genetic relationship with the Turks, put forth by N.A. Aristov and confirmed by the Japanese researcher Shiratori, as well as by scientists A.N. Bernshtam, Yu.A. Zuev, and A. Dosymbaeva, has resolved this issue.

The Usuns were a strong and numerous tribe with a wide area of settlement ranging from Ordos to Lake Balkhash. The Usuns managed to subjugate numerous local nomadic tribes, uniting them into a single union and giving them the name Uysun. It's no coincidence that a third part of the Kazakh people bears the common name Uysun, having preserved its historical name through the centuries.

Keywords: Wusun, Zhetysu, the Great Silk Road, Zhang Qian, Wu Xin Mi Qi Bi.

Усуни являются одним из древнейших племен Жетысу, сыгравшем значительную роль в этногенезе и этнической истории казахского народа. Самые ранние сведения об усунях встречаются в китайских источниках Ши Цзы, Хань Шу и другие¹⁵⁵.

В этих источниках говорится, что усунни до второй половины II в. до н. э. жили на севере Китая в провинции Ганьсу, однако в 70-х гг. II в. до н. э. под напором гуннов усунни переселились из Ордоса, столицы гуннов, в районы Жетысу и Северного Кыргызстана. Территория усуней простиралась от долин реки Чу и Или до восточных отрогов Тянь-Шаня (Тенгри-тау) и от Балхаша до Иссык-Куля¹⁵⁶.

Известный казахский археолог К. Акишев утверждал об автохтонности усуней. Он отмечал, что *«по сведениям китайских источников племена усуней, якобы пришлые. Я склонен считать племена усуней не пришлым, а автохтонным населением. Это подтверждается археологическими данными. Этнически они занимали большую территорию. Возможно, что какой-то небольшой род и посещал территорию Китая...»*¹⁵⁷.

Усуни сыграли важную роль в истории Центральной Азии. В середине II века до н. э. начинает функционировать Великий Шелковый путь как единая дипломатическая и торговая артерия. У истоков этого события стоит выдающийся китайский дипломат и путешественник Чжан Цзянь. В 138 году из Чанъяня, столицы Ханьской империи, вышел торговый караван во главе с князем Чжан Цзянем в сторону современного Жетысу и Ферганской долины. По заданию императора У Ди он должен был собрать сведения об усунях Жетысу, кангюях, юежчи и хуннах. Только через тринадцать лет

155 Сыма Цянь. Ши Цзы, 2370-3376, 3814-3820

156 Бань Гу. Хань Шу, 2372-2374

157 Тайны «Золотого человека» / Сборник материалов. Рук. проекта Г.Р. Мухтарова, исп. А. К. Акишев, С. С. Даутова, Е. Ж. Джасыбаев, А. О. Китова, Г. Ш. Файзуллина. Алматы: 2016. С.209

Чжан Цзянь смог вернуться на родину¹⁵⁸.

О царстве Усунь Чжан Цзянь пишет: «Усунь находится к северо-востоку от Давань (Ферганы – М. А.) примерно в 2000 ли. Это кочевое царство (син го – народ которого переселяется), следуя за скотом. По обычаям одинаково с Хунну. Натягивающих лук – несколько десятков тысяч. Смелы в сражениях. В прошлом подчинялось Хунну. Когда же усилилось и заполучило зависимых (цзин шу), (правитель) не захотел ездить ко двору (шаньюя)»¹⁵⁹.

Древний китайский летописец Бань Гу дает раннюю историю усуней, поведенную императору Уди послом Чжан Цянем. Вот его рассказ: «Ваш слуга, находясь (в плену) в Хунну, слышал, что в Усунь правитель называется куньмо. Маленькое владение Наньдоуми, отца (нынешнего) куньмо, вместе с Большим Юечжи изначально находилось между Цилянью и Дунхуаном. (Однажды) большие юечжи напали и убили Наньдоуми, захватили его земли, а народ бежал в Хунну. Буцзю-сихоу, воспитатель новорожденного сына куньмо, схватил (его) и бежал. (Потом) положил в траву (и ушел), чтобы найти еду. Возвратясь же, увидел, что волчица кормит его молоком, а ворон, держа в клюве мясо, летает рядом. Посчитав (младенца) святым, (Буцзю-сихоу) ушел с ним в Хунну. Шаньюю полюбил и воспитал его, а когда (он) возмужал, - отдал куньмо народ его отца ир послал командовать войсками. Куньмо неоднократно добивался успеха. В то время, когда юечжи, разгромленные хуннами, на западе напали на правителя (царства) Сэ, и он двинувшись на юг, переселился (с народом) в дальние страны, а юечжи поселились в его землях, куньмо был уже в силе. (Он) попросил у шаньюя разрешение отомстить за отца, на западе напал на больших юечжей и разгромил их. Большие юечжи снова двинулись на запад и переселились в земли Дася. Куньмо же захватил (часть) их людей и остался жить (на их землях)...»¹⁶⁰.

Эта легенда послужила основанием к выводу востоковеда Ю. А. Зуева и японского исследователя Сиратори о генетическом родстве усуней с тюркоязычными племенами¹⁶¹.

У казахов племени Уйсунь и ныне тотемным символом является Черный Ворон и Волк. Исследователь Ю. А. Зуев отмечает: «По усуньским преданиям, родоначальниками усуней были ворона и волк. Этот факт нашел отражение в тамге усуней – ашина (ошин), на которой изображена ворона»¹⁶². Неслучайно, когда казахи хотят подчеркнуть свою древность и консолидированность вспоминают древнюю народную поговорку: «Біз қарға тамырлы қазақпыз!» (Мы многочисленны и едины корнями как вороны!).

Казахский поэт XIX века Суюнбай из племени Уйсун (Шапрашты) писал: «Бөрілі менің байрағым, Бөрілі байрақ көтерілсе, қозып кетер қайдағым!». (Мое знамя Волчье, мой дух воспрянет, когда поднимется мой Волчьи стяг!). Также сохранились древние названия казахских родов Кызылкурт и Борши, означающие волка, волчье племя. Со времен хунну и усуней до современных казахов дошли старинные музыкальные произведения. В репертуаре домбриста-импровизатора XIX Саймака имеются древние уйсунские куи (муз. произведения) под названием «Сары озен» (Великая река Хуанхе), «Пестрый конь», «Военный совет» и другие.

158 Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М., Л., 1950. Т. II. С. 147-168

159 Сыма Цянь. Ши цзи. 3261

160 Боровкова Л. А. Царства «западного края» во II-I веках до н.э. (Восточный Туркестан и Средняя Азия по сведениям из «Ши цзи» и «Хань шу»). М.: Институт востоковедения РАН, Крафт+, 2001 С. 2691-2692

161 Зуев, 1960, С. 93-140

162 Зуев Ю.А. К этнической истории усуней // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана // Тр. ИИАЭ АН КазССР, 1960. Том 8. С. 14, 5-23

Японский ученый обращает внимание на титул усуньского правителя. При текстологическом анализе, по мнению Сиратори, в китайской транскрипции название части титула вождя усуней Кунь Мо - «Мо» означает понятия «Бек, Бий, Бай» (князь, судья, богач), что является подтверждением тюркоязычности усуней¹⁶³.

В середине II века н.э. усунь продвинулись к долине реки Или в Жетысу. Здесь они разгромили племена юежди. О пребывании усуней на Ордосе, ставке древних хуннов, является упоминание усунь (усын) в тексте памятника в честь Тоньюкука¹⁶⁴ (Малов, 1951, 78).

Усунь было сильным и многочисленным племенем с широким ареалом расселения от Ордоса до озера Балхаш. Усунь смогли подчинить многочисленные местные кочевые племена, объединить их в единый союз и дать им свое имя Уйсунь. Неслучайно третья часть казахского народа носит общее название Уйсунь, сохранив через века свое историческое имя.

Этническое происхождение усуней было предметом спор, существовали совершенно крайние точки зрения. Впервые по мнению А. Н. Свиридова¹⁶⁵. Усуней, известных по письменным источникам, с конкретными археологическими памятниками связали в 30-х гг. советские исследователи М. В. Воеводский и М. П. Грязнов¹⁶⁶. Они провели раскопки в Жетысу и Северном Кыргызстане.

Идею о связи усуней с тюрками выдвинул в 60-ые годы XX века известный синолог Ю.А. Зуев¹⁶⁷. Несмотря на то, что корифеи науки А.Н. Бернштам, Ю.А. Зуев доказывали родственные связи усуней с древними тюрками были и обратные мнения. Так, учебное пособие «История Казахстана: народы и культуры» за 2001 год, следуя советским установкам, отрицало тюркскую принадлежность усуней¹⁶⁸.

В 2007 году свое веское слово о тюркоязычности усуней четко сказали известные этнографы В.В. Востров и М. С. Муканов: *«Подводя итог проблеме изучения истории усуней, мы видим, что несмотря на огромное внимание, которое было уделено ей, особенно за последнее столетие, здесь все еще много спорного и неясного. Вместе с тем очевидно, что выдвинутые ранее теории о индо-готском и угро-финском происхождении этого племени, так же как и отождествление усуней с асиями-асианами, сейчас уже меньше и меньше находят своих сторонников. Некоторые же из этих теории отпали совсем. Положение о тюркоязычности древних усуней, выдвинутое Н. А. Аристовым и подтверждение рядом других исследователей, ныне уже ни у кого не вызывает сомнений»*¹⁶⁹.

В этой связи надо отметить фундаментальные работы известного казахстанского археолога А. Досымбаевой, которая посвятила свои труды разработке концепции

163 Сиратори. Сие Янь Шу (Изучение западных стран). В 2-х т. Токио, 1980. Т. I.

164 Малов. С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.-Л.: 1951. С. 78

165 Свиридов А. Н. Усунь: Семиречья вопросы этнокультурной и хозяйственной интерпретации (современное состояние проблемы). Вестник НГУ. Т. 11, выпуск 7: Археология и этнография. 2012. С. 45-49

166 Воеводский М. В., Грязнов М. П. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР // ВДИ. 1938. № 3(4). С. 162-179

167 Зуев Ю.А. К этнической истории усуней// Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана // Тр. ИИАЭ АН КазССР, 1960. Том 8. С. 5-23

168 История Казахстана: народы и культуры. Учеб. Пособие / Масанов Н. Э., Ерофеева И. В., Алексеенко А.Н. и др. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. С. 34

169 Востров В.В., Муканов М.С. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX - начало XX в. 2-е изд. Доп.- Астана: «Алтын кітап», 2007. С. 50

генетической связи усуньских памятников с тюркскими ¹⁷⁰.

По генеалогическим сказаниям, сообщенные казахским энографом Мусой Шормановым, - у предка всего казахского народа Котана было три сына: Акжол, Алчин и Юсун, от которых пошли три орды – Средняя, Меньшая и Большая. Русский востоковед и этнограф Н. Аристов, предположил, что именем Котана или Хотана названо озеро Иссык-куль. Это озеро встречается в «Истории династии Хань», при описании похода китайского наместника Восточного Туркестана против кангюйцев и союзника их шаньюя северных хуннов Чжичжи, который шел через перевал Бедель и пришел уже разрушенный город Чи-гу на реке Кызыл-Су ¹⁷¹.

Н. Аристов, говоря о древних тюркских племенах, пишет о легендарном деятеле казахского народа Майки-бие из рода уйсун. Тамга крымских ханов напоминала по Аристову на «тамгу Уйшин Майкья-бия, которому Чингиз-хан сказал: «Пусть твое дерево будет вязь, твоя птица орел, твой клич Салават, а тамга твоя борона» ¹⁷².

Первые наиболее достоверные сведения о родоплеменном составе Старшего жуза содержатся в русских источниках. Так в описании родоплеменного состава казахов Старшего жуза, составленная в 1748 году М. Тевкелевым, говорится: «В Большой орде десять родов, все генерально называются уйсун, от оногo звание разделило и имяются, а имянно: Ботбай уйсун, Черм уйсун, Джанес уйсун, Сикам уйсун, Адбан уйсун, Сары уйсун, Слы уйсун, Чанечклы уйсун, Канлы уйсун, Чалаер» ¹⁷³.

Что же означает имя усунь, уйшин, уйсунь, отраженные в древних и современных источниках. Усуньское царство в древности делилось на Южное и Северное. Ученый-тюрколог Каржаубай Сарткожа дал свое определение понятию слова у-сун. Китайские иероглифы слова «у-сун» означают по его мнению слово «черный наследник». Южные усуньцы носили название Сары Усунь (Желтые усунь), а северные Кара Усунь (Черные усунь). Южных казахов и поныне называют общим названием Уйсунь, где выделяется род Сары Уйсунь ¹⁷⁴.

Наше повествование будет неполным, если не обратиться к работе академика А.Н. Бернштама конца 40-х годов, его идеи соотнесения усуньских комплексов с культурой знаменитого Кенкольского могильника, яркого образца хуннского захоронения. Как продолжение усуньской традиции называется Джувантепинский могильник, датированный V-VII вв. н.э., которая сформировалась в результате взаимодействия усуней с гуннами и образовании их совместного племенного союза «юебань», известного еще в V в., а с VI в. известного как «чубань» (суан) в конфедерации дулу западнотюркского каганата ¹⁷⁵.

170 Досымбаева А. Культура населения Семиречья во II в. до н.э. – V в. н.э. (по погребальным памятникам): Автореферат... дис. канд. ист. наук. Алматы, 1999. 29 с.; 2007, 29, Досымбаева А. Культурный комплекс тюркских кочевников Жетысу. II в. до н.э. – V в.н.э. Алматы: Тюркское наследие, 2007. С.168

171 Аристов Н. Об опыте выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и каракиргизов / Живая старина, вып. III и IV за 1894 год. С. 286-287.

172 Аристов Н. Об опыте выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и каракиргизов / Живая старина, вып. III и IV за 1894 год. С. 286-287.

173 Казахско-русские отношения в XVI-XVIII вв. Сборник документов и материалов. Алма-Ата: Изд-во Акад. наук КазССР, 1961. С. 407.

174 Байқошқарұлы Б., Сартқожаұлы Қ. Үйсін хандығы: Ғылыми монография. Алматы, ARNA-B, 2016. Б. 106

175 Свиридов, 2010, Свиридов А. Н. Эволюция взглядов А.Н. Бернштама на проблемы культурогенеза в Южном Казахстане и Средней Азии (конец I тыс. до н.э. – начало I тыс. н.э.) // Известия НАН РК. Серия общественных наук. 2010 № 1 (274). С. 253-254

Вторжение гуннов на Тянь-Шань и занятие ими части Памиро-Алая, привело, по мнению А.Н. Бернштама, к усилению усуньских элементов в Фергане. Слиянием культуры усуней с древней культурой даваньского населения объясняется возникновение кушанской культуры Ферганы.

Древние усунь, кочевники Великой степи, несомненно послужили компонентом в формировании казахского этноса. Слово Уйсунь является синонимом Старшей орды казахов. В литературе понятие Улы жуз часто переводят как Старший или Большой жуз. Но перевод совершенно не верен, т. к. слово Старший или Большой переводится словом Улкен. Настоящий перевод слова Улы жуз означает - Великий жуз, Великая Орда.

Казахи, у которых сильно развита устная память, с древности из уст в уста передают легенды и предания о роли племени Уйсунь в Центральной Азии, ставшее по праву Великой ордой (Улы жуз) на Великом Шелковом пути.

Использованные источники и литература

- Аристов Н. Об опыте выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и каракиргизов / Живая старина, вып. III и IV за 1894 год. С. 391-486.
- Бань Гу. Хань Шу. Т. 66. С.2372-2374.
- Байкошкарұлы Б., Сарткожаұлы Қ. Үйсін хандығы: Ғылыми монография. Алматы, ARNA-B, 2016.
- Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М., Л., 1950. Т.II. 334 с.
- Боровкова Л. А. Царства «западного края» во II-I веках до н.э. (Восточный Туркестан и Средняя Азия по сведениям из «Ши цзи» и «Хань шу»). М.: Институт востоковедения РАН, Крафт+, 2001. 355 с.
- Воеводский М. В., Грязнов М. П. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР // ВДИ. 1938. № 3(4). С. 162-179.
- Востров В.В., Муканов М.С. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX -начало XX в. 2-е изд. Доп.- Астана: «Алтын кітап», 2007.
- Досымбаева А. Культура населения Семиречья во II в. до н.э. – V в. н.э. (по погребальным памятникам): Автореферат... дис. канд. ист наук. Алматы, 1999. 29 с.
- Досымбаева А. Культурный комплекс тюркских кочевников Жетысу. II в. до н.э. – V в.н.э. Алматы: Тюркское наследие, 2007. 216 с.
- Зуев Ю. А. Тамги лошадей из вассальных княжеств (Перевод из китайского сочинения VIII-X вв. Танхуйяо, т. III гл. 72, стр. 1305-1308) // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Тр. ИИАЭ АН КазССР. Т. 8. 1960. С. 93-140.
- Зуев Ю.А. К этнической истории усуней// Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана // Тр. ИИАЭ АН КазССР, 1960. Том 8. С. 5-23
- История Казахстана: народы и культуры. Учеб. Пособие / Масанов Н. Э., Ерофеева И. В., Алексеенко А.Н. и др. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 608 с.
- Казахско-русские отношения в XVI-XVIII вв. Сборник документов и материалов. Алма-Ата: Изд-во Акад. наук КазССР, 1961. 743 с.
- Малов. С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.-Л.: 1951. 451 с.
- Рашид-эд-Дин. Сборник летописей. Том I. Кн. первая / Отв. ред С. П. Толстов. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР. 1952. Т.I, 1952.
- Свиридов А. Н. Усунь: Семиречья вопросы этнокультурной и хозяйственной интерпретации (современное состояние проблемы). Вестник НГУ. Т. 11, выпуск 7: Археология и этнография. 2012. С. 45-49.

- Свиридов А. Н. Эволюция взглядов А.Н. Бернштама на проблемы культурогенеза в Южном Казахстане и Средней Азии (конец I тыс. до н.э. – начало I тыс. н.э.) // Известия НАН РК. Серия общественных наук. 2010 № 1 (274). С. 251-256.
- Сиратори. Сие Янь Шу (Изучение западных стран). В 2-х т. Токио, 1980. Т. I.
- Сыма Цянь. Ши Цзы. Т. 50. С. 1029-1036;
- Сыма Цянь. Ши цзи, гл.123, С. 3261.
- Тайны «Золотого человека» / Сборник материалов. Рук. проекта Г.Р. Мухтарова, исп. А. К. Акишев, С. С. Даутова, Е. Ж. Джасыбаев, А. О. Китова, Г. Ш. Файзуллина. Алматы: 2016. 254 с.
- Хоу Хань Шу. Т. 78. С. 3814-3820.

Алтынбеков Кыргыз Касенханович
научно-реставрационная лаборатория «Остров Крым»
Алматы, Казахстан
tengri05@mail.ru

Алтынбекова Элина Кырымовна
научно-реставрационная лаборатория «Остров Крым»
Алматы, Казахстан
elina.altyn@gmail.com

Досаева (Алтынбекова) Дана Кырымовна
научно-реставрационная лаборатория «Остров Крым»
Национальный музей Республики Казахстан
Астана, Казахстан
danatengri@gmail.com

КОНСЕРВАЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ РЕЗЬБЫ ПО СЫРОЙ ГЛИНЕ ИЗ ЦИТАДЕЛИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДИЩА КУЛАН

Abstract. The article describes in some detail the method of removing decorative plaster of wet clay from the walls of the medieval settlement Kulan, located in the south of Kazakhstan. For the first time, the described decorative plaster was found by archaeologists in 2015 during excavations of the premises of the citadel. The thickness of the plaster reached 4 centimeters. Then the room was cleared, and as a temporary conservation, all the walls were covered with cotton cloth and covered with bags of soil. However, in 2017, a survey showed a significant deterioration in the condition, and partial shedding and destruction of the plaster. As a result, it was decided to remove the carved decorative plaster from the walls, and carry out scientific conservation and restoration work with it for further preservation.

The difficulty lies in the extreme fragility of the material. In addition, the clay from which the plaster was made was not fired. After a lot of experimentation, a team of restorers from the “Ostrov Krym” scientific-restoration laboratory managed to remove plaster fragments from the walls and transport them safely to a laboratory in Almaty. Later, in two stages - in 2019 and 2021, the plaster fragments were first carefully conserved, and then restored and prepared for display in the museum.

Keywords: archeology, Kulan settlement, carved clay, conservation and restoration, museum exhibits.

Введение. Древнее городище, расположенное в полутора километрах от села Кулан (ранее Тарты, затем Луговое), отождествляются со средневековым городищем Кулан, о коем имеются упоминания в письменных источниках¹⁷⁶. Впервые упоминания о Кулане встречаются в источниках VII века. Кулан расположен в восточном направлении от города Тараз Жамбылской области, на юге Казахстана, и представляет собой комплекс сооружений, относящихся к разному времени.

176 Байпаков К. М. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. Алматы, 1998. 216 с.; *Байпаков К. М. и др.* Раннесредневековая культура Семиречья и Южного Казахстана на Великом Шелковом пути / К. Байпаков, З. Шаймерденова, С. Перегудова. — Алматы: Ғылым, 2001. 240 с.

Байпаков К. М., Акылбек С.Ш., Терновая Г.А. К вопросу о религиозной жизни города Кулан в VIII-IX вв. (по материалам исследований цитадели в 2017 г.) // Народы и религии Евразии. 2019. № 2 (19). С. 9-35; Байпаков К. М., Терновая Г. А., Акылбек С. Ш. К вопросу о смысловом значении графических изображений на стенах тронного зала в дворцовом комплексе города Кулан (VIII–IX вв.) // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 1. С. 7–31.

Рисунок. 1 - Расположение городища Кулан на карте.

Археологические исследования на городище впервые проводились В. В. Бартольдом еще в конце XIX века ¹⁷⁷, затем, в 1936 году А. Н. Бернштамом¹⁷⁸, после, в первой половине 1960-х К.М. Байпаковым (Байпаков, 1956, 21-31). В 2015 году ТОО «Казахский научно-исследовательский институт культуры» МКС РК начал исследование цитадели Кулана, раскопки продолжены в 2017-2018 годах ¹⁷⁹(Байпаков, 2019, 11).

В 2015 г. при археологических исследованиях городища Кулан на трех стенах одного из дворцовых помещений были обнаружены панели резной глины.

Помещение датировано VIII веком и предположительно имело культовое назначение. Размеры прямоугольного помещения составляют 6,6x5,7 метра, а сохранившиеся стены достигают 2,75 метра. Имевшиеся на стенах ниши, фриз-пояс и поддерживающие его колонки украшены резьбой по глине¹⁸⁰. «Стены помещения, сложенные из сырцового кирпича, были богато украшены декором из резной глины. Узоры вырезаны на слое качественной специально приготовленной штукатурки, нанесенной слоем толщиной до 4 см на выравнивающий слой саманной штукатурки»¹⁸¹. Исследователи склонны считать помещение манихейским святилищем – по результатам исследований оформления и декора помещения ¹⁸². После того, как дворец был заброшен, помещение было засыпано

177 Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893-1894 гг. // Бартольд В. В. Соч. Т. IV. М., 1966. С. 49

178 Свод памятников истории и культуры. Жамбылская область. Алматы: РГП «НИПИ ПМК», 2002.

179 Байпаков К. М., Акылбек С.Ш., Терновая Г.А. К вопросу о религиозной жизни города Кулан в VIII-IX вв. (по материалам исследований цитадели в 2017 г.) // Народы и религии Евразии. 2019. № 2 (19). С. 11

180 Акылбек С. Ш., Смагулов Е. А., Яценко С. Я. Декоративное убранство резиденции тюркских правителей VIII вв. в цитадели г. Кулан // Культурное наследие Евразии. Алматы, 2011. С. 29-66.

181 Акылбек С. Ш., Смагулов Е. А., Яценко С. Я. Декоративное убранство резиденции тюркских правителей VIII вв. в цитадели г. Кулан // Культурное наследие Евразии. Алматы, 2011. С. 29-66.

182 Байпаков К. М., Терновая Г. А. Манихейский комплекс во дворце средневекового города Кулан (VIII в.) // Народы и религии Евразии. Барнаул, 2018. № 3 (16). С. 111-129.

обломками кирпичей и грунтом для создания платформы под новую постройку.

*Рисунок. 2 - Помещение с резным декором.
Остатки резной штукатурки найдены на всех стенах кроме юго-восточной.*

К моменту археологических исследований помещения в 2015 году, на стенах, *in-situ*, сохранилось от 12 до 17 процентов декоративной штукатурки из глины. Для временной консервации над раскопанным помещением был построен навес, стены покрыты тканью и заложены мешками с грунтом. Однако предпринятые мероприятия превентивной консервации не обеспечили полной сохранности дошедшего до нашего времени декоративного убранства. При вскрытии помещения в 2017 г. обнаружены значительные разрушения резного декора на локальных участках и ухудшение общего состояния поверхности резьбы – образование пылеватого слоя и его осыпание.

Опасность разрушения резной штукатурки

Разрушение декора происходило и до вскрытия помещений, большая часть его утрачена до начала раскопок. Навес, возведенный над раскопанным помещением в 2015 году, сыграл важную роль в защите от атмосферных осадков. Однако причиной разрушения резьбы стала повышенная концентрация солей в поверхностном слое стен раскопанных помещений. Во время процесса высыхания стен после раскопок, вода вместе с водорастворимыми солями перемещалась из глубин грунтового слоя к поверхности, что привело к накоплению солей в штукатурном покрытии. Такое накопление солей стало разрушающим фактором. Не менее важной причиной разрушения была сама влага, которая подтягивалась из грунта за пределами навеса к более сухому материалу стен, вызывая дополнительные повреждения. Всё вышеперечисленное привело к ухудшению состояния резной штукатурки. Консервировать резьбу прямо на стенах представлялось нецелесообразным в виду сохранения контакта с окружающим грунтом, а значит, неизбежного дальнейшего разрушения объекта.

Крымом Алтынбековым предложено решение – снять со стен панели резной глины для дальнейшего хранения в музейных условиях после выполнения лабораторной консервации. Выдающийся археолог, исследователь Карл Молдахметович Байпаков поддержал решение снятия резных панелей со стен. К сожалению, он не дожил до окончания консервационно-реставрационных работ.

Если мировой опыт снятия со стен красочного слоя фресок уже имелся в довольно большом количестве, то снимать резную штукатурку такой толщины, к тому же из сырой необожжённой глины представлялось крайне сложным и опасным для резьбы мероприятием. Опыт заведующей отделом консервации лаборатории «Остров Крым» Л. Ф. Чарлиной, участвовавшей ранее в работах по сохранению подобного декора на городищах Костобе и Кулан, показал, что необходимо предварительно закрепить фрагменты резьбы на значительную глубину¹⁸³.

Отработка метода снятия резьбы со стен

В том же 2017 году, весной, начата подготовка к снятию резных панелей. Для отработки метода снятия, на стене лаборатории создана экспериментальная панель из глины (идентичная оригиналу). Так же как и на оригинале, на ней вырезан глубокий узор, и панель оставлена необожжённой. После её высыхания проведена серия экспериментов для отработки метода снятия. После опробования различных способов, выбраны наиболее безопасные способы снятия панелей со стен. Началась подготовка к экспедиции и отработка схем стен.

Для подготовки схемы каждой стены использованы фронтальные фотографии, переданные археологами. Фотографии приведены в один масштаб. Далее каждой стене присвоена маркировка согласно ее расположению: СВ – северо-западная стена, ЮВ – юго-восточная, и так далее. Для обозначения принадлежности стены определённому помещению, перед буквенной маркировкой указана цифровая – номер помещения. Так, юго-восточная стена из помещения №2 промаркирована как «2ЮВ». Далее, все стены собраны в трехмерное изображение помещения с видом сверху. В процессе снятия резьбы со стен, такие схемы помогали реставраторам правильно маркировать расположение и шифр каждого участка, снятого со стены.

183 Чарлина Л.Ф., Дубровская Л. В., Куземцева Н. В. Древние материалы памятников истории и культуры: опыт консервации в Казахстане // Сохранение и развитие историко-культурной среды в природных и городских условиях современной Центральной Азии: труды междунар. науч.-практ. конф. (г. Алматы, 11–12 мая 2004 г.) / Отв. ред. Конусбаев А.Б. Алматы: Принт S, 2004. С. 253-264; Дубровская Л. В. Опыт научной реставрации и консервации памятников истории и культуры в Центральной Азии. Алматы: МИЦАИ, 2020. 648 с.

Рисунок. 3 - Схемы стен для снятия декоративной штукатурки.

Снятие резной штукатурки со стен

Благодаря проведенным в лаборатории экспериментам по снятию резной штукатурки со стены, подготовлены все необходимые материалы, инструменты, оборудование. После прибытия на место, внутри помещения с резьбой развернута полевая лаборатория. Лицевая сторона резной глины укреплена методом многократной пропитки пропиточным составом для её закрепления и подготовки к снятию. Учитывая хрупкое состояние декоративного слоя, решено вырезать его фрагментами. Каждый фрагмент отмечен на подготовленных схемах и промаркирован. Для наиболее безопасного снятия, границы фрагментов предварительно углублены. Перед снятием, фрагмент прижимается щитом подходящего размера, с закрепленной на нем мягкой подложки – для фиксации всех деталей фрагмента. Далее массив фрагмента со слоем штукатурки под ним притягивается к щиту. Затем, постепенно отделяя фрагмент с щитом от стены, он поворачивается рисунком вниз, располагаясь на щите с подложкой.

Далее все фрагменты, уложенные рисунком вниз, приводятся к единой толщине и ровной поверхности обратной стороны, путем удаления излишнего грунта. После этого обратная сторона закрепляется аналогично лицевой. Края фрагментов затягиваются в стрейч пленку для лучшей фиксации и предотвращения осыпания, после чего фрагменты бережно переворачиваются лицевой стороной кверху. Для каждого фрагмента создается свой упаковочный ящик.

*Рисунок. 4 - Процесс снятия фрагментов резной штукатурки со стен:
 а – пропитка поверхности; б – углубление границ фрагментов;
 в, г – отделение фрагмента резной штукатурки от стены.*

Все пустоты заполняются грунтом и мешочками с просеянным грунтом для фиксации и подготовки к транспортировке. Благодаря тщательной подготовке, методике снятия резьбы, и аккуратной упаковке, все фрагменты удалось довести до лаборатории в хорошем состоянии.

Технологический анализ материалов

На поверхности резьбы в некоторых местах сохранились следы краски – чёрной и красной. «Анализы выполнялись старшим научным сотрудником отдела научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа Е. А. Миколайчук (г. Санкт-Петербург). В ходе исследования применялись методы микроскопического и микрохимического анализа с использованием оптических микроскопов Leica D 60, Leica DM 1000, Биолам-И и электронного микроскопа Hitachi TM 3000»¹⁸⁴. Как показали исследования, сама основа резьбы из глиняной необожженной штукатурки оказалась типичным лёссом неоднородной структуры, не содержащим каких-либо добавок.

¹⁸⁴ Алтынбеков К., Чарлина Л.Ф., Алтынбекова Э.К. Сохранение резьбы по глине из цитадели городища Кулан. Археология Казахстана. 2022. № 1 (15). С. 138.

Рисунок. 5 - Упаковка фрагментов в ящики: а – укрепление краев пленкой; б – перевернутые на лицевую сторону фрагменты в ящиках; подготовка к транспортировке ящиков с фрагментами.

Красная краска, остатки которой обнаружены на многих фрагментах, оказалась так называемой красной глиной. Что касается черной краски, то, как и предполагалось, она оказалась черной косточковой краской, связующим которой является камедь. Подробное описание анализов содержится в статье К. Алтынбекова и др. – «Сохранение резьбы по глине из цитадели городища Кулан»¹⁸⁵.

Консервация резной штукатурки

Консервация проводилась в 2019 году с поступлением финансирования. Учитывая крайне хрупкое состояние фрагментов и их подверженность осыпанию, их хранение было возможно исключительно в горизонтальном виде. Для размещения всех фрагментов, были освобождены значительные площади лаборатории. Каждый фрагмент помещен в индивидуальную пропиточную камеру. Требовалось укрепить глиняную штукатурку, закрепить осыпающиеся пылевидные участки фрагментов, а также удалить водорастворимые соли, которые негативно влияли на сохранность резьбы.

Укрепление массива резьбы происходило с использованием раствора Paraloid В-72 в ксилоле. Раствор наносился при помощи кисти, многократно – не менее 15 раз, с промежуточной сушкой в парах ксилола.

Для лучшей пенетрации раствора, и сушки в парах ксилола, упаковочные ящики превращены в индивидуальные пропиточные камеры. Для этого фрагменты осторожно перемещены на временную подложку, и после устройства камеры, уложены обратно, сохраняя своё взаиморасположение. Перед перемещением, удалены легко отходящие загрязнения, закреплены отслаивающиеся корочки. Для создания пропиточных камер, в каждом упаковочном ящике уложена полиэтиленовая пленка, и из неё же изготовлено легко открывающееся и плотно закрывающееся покрытие.

¹⁸⁵ Алтынбеков К., Чарлина Л.Ф., Алтынбекова Э.К. Сохранение резьбы по глине из цитадели городища Кулан. Археология Казахстана. 2022. № 1 (15). С. 126-145.

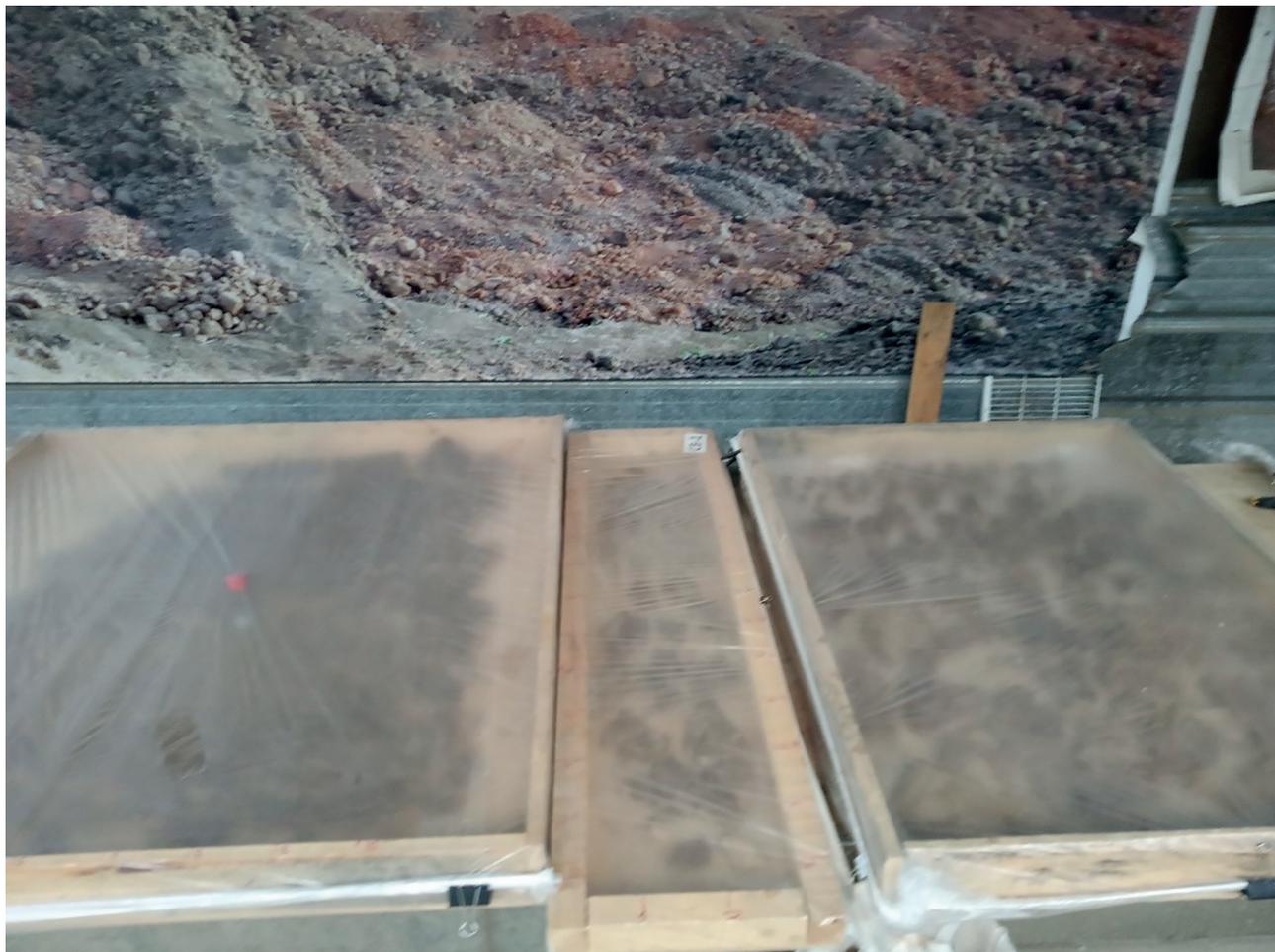

Рисунок. 6 - Пропиточные камеры.

Кратность пропитки фрагментов зависит от толщины глиняной резьбы.

Однако, несмотря на длительный процесс пропитки, фрагменты необходимо переворачивать для надлежащей пропитки оборотной стороны. И здесь мы столкнулись с трудностями. Дело в том, что некоторые фрагменты состояли из нескольких частей, довольно небольшого размера и веса, которые было несложно и безопасно перевернуть руками. Такие фрагменты мы отнесли к группе I. В группе II оказались крупные фрагменты, целые массивы глины, размером более полуметра, и значительным весом. Перевернуть такие крупные и тяжелые фрагменты тем же способом не представлялось возможным. Для переворачивания крупных фрагментов их края предварительно затягивались стрейч пленкой, а лицевая сторона временно заклеивалась марлей в 2 слоя; поверх лицевой стороны укладывался такой «пирог»: стрейч пленка, подушка из поролона, фанерный щит. Все слои – верхний защитный «пирог», сам фрагмент и нижняя подложка из фанеры – стягивались ремнями, и осторожно и быстро переворачивались.

Переворачивать медленно нельзя – так как при наклоне части фрагмента могли бы сдвинуться со своего первоначального места. Эта работа оказалось не только сложной технически, но и физически, так как вес всей конструкции иногда превышал 50 килограмм. К счастью, команде реставраторов удалось перевернуть все, даже самые крупные фрагменты – сначала оборотной стороной кверху, а после её пропитки, еще раз – лицевой стороной вверх. Перед повторным переворачиванием, оборотная сторона не только пропитывалась, но и всячески закреплялась. Так, произведено укрепление слоя

глины с помощью инъекций, заделаны трещины, не выходящие на лицевую сторону. После проведения перечисленных работ, фрагменты высушены в парах ксилола, и затем на воздухе.

Рисунок. 7 - Процесс переворачивания крупных фрагментов.

Описанные работы привели к значительному повышению прочности фрагментов, что позволило впоследствии произвести необходимые реставрационные мероприятия. Помимо прочности, резная глина приобрела и водостойкость, позволяющую удалить из массива водорастворимые соли.

Реставрация резной штукатурки

К реставрации удалось приступить только через год после консервационных работ - в 2021 году, при поступлении финансирования на данные виды работ. Реставрация дополняет консервацию, и базируется на её результатах. Если консервация призвана сохранить объекты в том же виде, влияя на их внутреннее состояние и прочность, то реставрация предполагает изменение внешнего вида – «удаление позднейших наслоений, подбор и соединение разрозненных фрагментов, сборка резных панелей на новой основе, дополнение глины в местах утрат, частичное заполнение трещин»¹⁸⁶. Обследование фрагментов показало их стабильное состояние.

Необходимость удаления наслоений с поверхности резьбы объясняется необходимостью выявления фактуры, формы и цвета элементов резного декора. Наслоения закреплялись вместе с декором, так как при их удалении до закрепления, существовала серьёзная опасность повреждения оригинальной резьбы. Это сложный процесс лабораторной обработки резной глины, который включает удаление мельчайших частиц загрязнений, прочно скрепленных с поверхностью, чтобы не повредить или разрушить резной декор. Для консервации и реставрации слабых ветхих материалов, таких как дерево, текстиль и кожа, используется подход укрепления вместе с грязью, а затем частичного раскрепления для расчистки. Но если в случае с органическими материалами, не сложно отличить их и грунт, то в нашем случае резная штукатурка была сделана из того же грунта, который искажает ее поверхность, что делает задачу немного сложнее.

¹⁸⁶ Алтынбеков К., Чарлина Л.Ф., Алтынбекова Э.К. Сохранение резьбы по глине из цитадели городища Кулан. Археология Казахстана. 2022. № 1 (15). С. 140

Для удаления загрязнений их глубоких резцов, где высота рельефа доходит до 2 см, применяется раскрепление/размягчение растворителем на участке 1-2 квадратных сантиметра, затем снимается размягченная часть наслоения с помощью скальпеля. Это процесс выполняется постепенно, слой за слоем, часто с применением лупы или микроскопа, и возвращением к одним и тем же участкам по несколько раз.

Рисунок. 8 - Декоративная резьба по сырой глине: а - до реставрации

После удаления загрязнений становится видно, что элементы резьбы в основном не скреплены между собой, и на стене резьба выглядела более целостной за счет заполнения сквозных трещин грунтом.

Следующим этапом стала сборка фрагментов из разрозненных кусочков. И если в одном случае достаточно было соединить кусочки по разлому, то в других приходилось их собирать на новом основании, ориентируясь на заранее подготовленные схемы стен и маркировку фрагментов. Консервационные и реставрационные работы укрепили и обезопасили эти фрагменты, позволив собрать их на новой основе. Этот процесс восстановления целостности и подготовки к экспонированию в музее осуществлялся после проведения экспериментальных работ с имитациями фрагментов резьбы. В итоге был разработан метод сборки фрагментов на новой основе.

Так как многие комплексы фрагментов резных панелей имеют размеры более 1 метра по одной из сторон, и довольно большой вес, было принято решение использовать в качестве нового основания ламинированную фанеру – как прочный и влагостойкий материал. На листы фанеры подходящего размера установлена мелкоячеистая сетка из нержавеющей стали – на небольшом расстоянии от поверхности фанеры (не более 5 мм) – это обеспечило зазор между сеткой и фанерой, для лучшей адгезии клеящего состава и самих фрагментов. Для клеящего состава использована воско-канифольная смесь в соотношении 1:1 по весу. Эта смесь допускает обратимость ее нанесения.

Рис. 8 - Декоративная резьба по сырой глине: б – после реставрации.

Для закрепления фрагментов резьбы ранее использовался клеящий состав, который наносился на основание в нагретом виде. Однако такой метод оказался неэффективным для крупных фрагментов из-за большой площади, требующей одновременного нагревания. Были предприняты новые эксперименты, результатом которых стало новое решение – использование нихромовой спирали вместо металлической сетки. Эта спираль подключается к электрическому току и нагревается, расплавляя воско-канифольную мастику равномерно по всей поверхности. При остывании клея-расплава крупные фрагменты резной глины надежно закрепляются на новом основании. Спираль остается под фрагментом, обеспечивая лучшее закрепление и возможность обратного демонтажа (при необходимости можно нагреть спираль током и снять фрагмент с основания). Это решение было успешно применено на двух панелях с крупными фрагментами резной штукатурки и показало свою эффективность.

Некоторые утраты заполнялись глиной. В результате собрано 9 панелей с комплексами фрагментов, подготовленных к экспозиции.

Каждая панель промаркирована согласно расположению её фрагментов на стене цитадели городища Кулан.

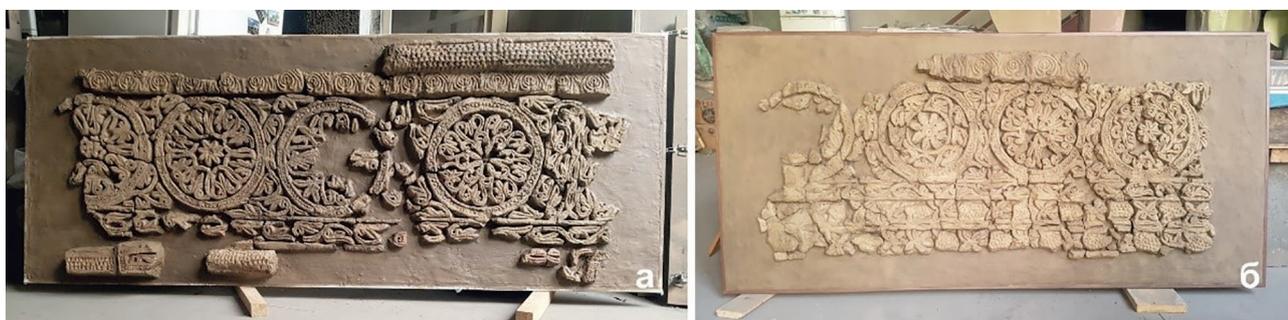
Заключение

Для сохранения уникальной резной глиняной штукатурки лабораторией «Остров Крым» проведена комплексная работа, представляющая собой полный цикл работ – от раскопок, исследований, консервации и реставрации до подготовки для экспонирования в музее. В результате были подготовлены девять экспозиционных панелей с крупными фрагментами подлинных резных панелей, которые были представлены на выставке «Город Кулан на стыке цивилизаций» в Национальном музее Республики Казахстан в феврале 2022 года.

*Рисунок. 9 - Сборка крупных фрагментов на нихромовой спирали:
 а – равномерный нагрев воско-канифольного клеящего состава;
 б – крупный фрагмент, собранный на основании с нихромовой спиралью.*

*Рисунок. 10 - Готовые панели с декоративной резьбой:
 а, б – некоторые панели в лаборатории; в – панели на выставке в Национальном музее.*

Предлагается восстановить оставшиеся пустые стены на городище Кулан, которые изначально были украшены резьбой, путем создания точных факсимильных копий резьбы из атмосферостойкого материала. Такие копии будут максимально приближены к оригиналу и передадут все особенности воспроизводимого объекта, не повреждая

при этом подлинными структуры из сырцового кирпича. При выборе материалов для изготовления копий необходимо провести предварительное изучение возможных процессов в кладке стен.

Для выполнения работ по восстановлению предполагается сотрудничество трех организаций: Научно-исследовательского и проектного филиала РГП «Казреставрация» (проектные и научно-исследовательские работы), РГП «Казреставрация» (производственные работы по восстановлению кладки стен, реставрации ниш) и ТОО «Остров Крым» (изготовление факсимильных копий)¹⁸⁷.

Получен колоссальный положительный опыт снятия и сохранения резной штукатурки по сырой глине средневекового времени, который может использоваться в дальнейшем для спасения подобных памятников.

Спасенные фрагменты резьбы дают возможность исследователям для дальнейшего изучения и интерпретации узоров.

Использованные источники и литература:

- Акылбек С. Ш., Смагулов Е. А., Яценко С. Я. Декоративное убранство резиденции тюркских правителей VIII вв. в цитадели г. Кулан // Культурное наследие Евразии. Алматы, 2011. С. 29-66.
- Алтынбеков К., Чарлина Л.Ф., Алтынбекова Э.К. Сохранение резьбы по глине из цитадели городища Кулан. Археология Казахстана. 2022. № 1 (15). С. 126-145.
- Байпаков К. М. Городище Кулан // Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Жамбылская область. Алматы, 2001. С. 283-289.
- Байпаков К. М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI-начало XIII в.). Алма-Ата, 1986. 256 с.
- Байпаков К. М. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. Алматы, 1998. 216 с.
- Байпаков К. М. и др. Раннесредневековая культура Семиречья и Южного Казахстана на Великом Шелковом пути / К. Байпаков, З. Шаймерденова, С. Перегудова. — Алматы: Фылым, 2001. 240 с.
- Байпаков К. М., Терновая Г. А. Манихейский комплекс во дворце средневекового города Кулан (VIII в.) // Народы и религии Евразии. Барнаул, 2018. № 3 (16). С. 111-129.
- Байпаков К. М., Акылбек С.Ш., Терновая Г.А. К вопросу о религиозной жизни города Кулан в VIII-IX вв. (по материалам исследований цитадели в 2017 г.) // Народы и религии Евразии. 2019. № 2 (19). С. 9-35.
- Байпаков К. М., Терновая Г. А., Акылбек С. Ш. К вопросу о смысловом значении графических изображений на стенах тронного зала в дворцовом комплексе города Кулан (VIII–IX вв.) // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 1. С. 7–31.
- Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893-1894 гг. // Соч. Т. IV. М., 1966. С. 21-97.
- Дубровская Л. В. Опыт научной реставрации и консервации памятников истории и культуры в Центральной Азии. Алматы: МИЦАИ, 2020. 648 с.
- Свод памятников истории и культуры. Жамбылская область. Алматы: РГП «НИПИ ПМК», 2002. 364 с.
- Хазбулатов А. Р., Акылбек С. Ш., Шохаев К. А., Султанмурадов Б. С., Естемесов Е. А. Научно-исследовательские работы на городище Кулан в 2015 году // VIII Оразбаевские чтения: м-лы междунар. науч.-методич. конф. «Археология, этнология и музеология в системе современного высшего образования» (г. Алматы, 1–2 апреля 2016 г.) / Отв. ред. Калыш А.Б. Алматы: Казак университеті, 2016. С. 218-226.
- Чарлина Л.Ф., Дубровская Л. В., Куземцева Н. В. Древние материалы памятников истории и культуры: опыт консервации в Казахстане // Сохранение и развитие историко-культурной среды в природных и городских условиях современной Центральной Азии: труды междунар. науч.-практ. конф. (г. Алматы, 11–12 мая 2004 г.) / Отв. ред. Конусбаев А.Б. Алматы: Принт S, 2004. С. 253-264.

187 Алтынбеков К., Чарлина Л.Ф., Алтынбекова Э.К. Сохранение резьбы по глине из цитадели городища Кулан. Археология Казахстана. 2022. № 1 (15). С. 143

ГОРОДИЩА КАЯЛЫК И ТАЛГАР: ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ НАСЛЕДИЯ

Abstract. The World Heritage List was replenished with a cross-border nomination: “Silk Road: Network of Routes Chang’an - Tien Shan Corridor” in 2014. Eight sites from Kazakhstan were included in this nomination. A very significant nomination with sites from Talas to Xian was presented to the world community by the scientific and expert community its heritage. Many years of comprehensive archaeological research preceded this event. Leading scientists of different countries have made their efforts to study the heritage of the Late Antiquity and the Early Middle Ages along the vast length of this most important historical path. K.M. Baipakov was one of the leading scientists and experts of Kazakhstan. He attached importance not only to the scientific study of hillforts and settlements, but also to their popularization, protection and management. The hillforts of Kayalik and Talgar have always entered the orbit of his special scientific interests. Unfortunately, the business of protecting and managing cultural heritage monuments has not been put on such “broad rails” as scientific research in Kazakhstan. It all depends on the payback of projects. The project of restoration of the Medirval Otrar hillfort has long been successfully implemented since there are many tourists there, mainly pilgrims to the Muslim shrines of Southern Kazakhstan. Talgar and Kayalik sites still remain without investments in museumification and tourism infrastructure. Priceless artifacts from objects on these settlements adorn the expositions of leading museums. The popularization of historical knowledge about the glorious past is one way to solve this problem. The publication raises the main achievements in the study of these sites of urban culture of the Zhetysu region.

Keywords: archaeology, museum business, Zhetysu, Ili valley, Kayalik, Talgar, management

Введение. Города и поселения Илийской долины и Жетысу VIII-XIV вв. Время, когда начинают формироваться первые города в Жетысу, в Илийской долине – конец VIII в. Всего несколько небольших городков и укрепленных и поселений, сформировавшихся из ставок правителей на стратегических перекрёстках путей с обильными водными источниками на всей огромной территории долины существовало в это время: Каялык (Кайлак, Койлык) или Кайялык – один из них ¹⁸⁸. Около двух столетий город Каялык оставался относительно небольшим центром своего региона (название которого менялось не раз (Восточный) Аргу, Жетысу, Приджунгарье), а начиная с X в. стал столицей Карлукского ханства (960-1222 гг.). В государственном образовании Карлукского каганага было несколько крупных городов, ставших известных под названиями памятников: Карамерген, Актам, Агашаяк, Илан-балык, Эквиус. Значительная их часть уже была сопоставлена с конкретными памятниками, в частности несторианское поселение близ Каялыка с городищем Лепсы ¹⁸⁹. Талгар и Алматы также являлись весьма значительными центрами. Однако, изучение средневековых слоев Алматы теперь уже практически невозможно, а от значительного по размерам Талхира остался лишь торткуль, значительная площадь которого была изучена в прежние

188 Байпаков К. М., Воякин Д. А. Средневековый город Каялык. Алматы: Print-S, 2007. 168 с.

189 Байпаков К. М., Савельева Т. В., Камалдинов И. Средневековые города Илийской долины (Северо-Восточное Жетысу-Семиречье) на Великом Шелковом пути в VIII–XIV вв. // Народы и религии Евразии. 2020. № 3 (24). С. 10-11.

десятилетия, главным образом И. И. Копыловым¹⁹⁰, и Т. В. Савельевой¹⁹¹ и многие другие публикации и отчетные работы этих авторов, как итоги многолетних исследований. Как считается по случайным находкам культурных слоев повсеместно по обоим берегам р. Талгар территория города в десятки раз превышала территорию торткуля. К тому же, судя по всему, эта территория уже более позднего центра, прямоугольник стен, о которых писал В. Д. Городецкий в 1920-е гг.¹⁹² не сохранился, и его территория находится в частной собственности¹⁹³ (Железняков и др., 2021, 102-103).

В 2014 г. три памятника городской культуры Жетысу (Каялык), Илийской долины (Талгар и Карамерген), наряду с пятью памятниками из Таласской и Чуйской долин из Казахстана были включены в Список Всемирного наследия. Этому важному для ученых и менеджеров культурного наследия, а также всего общества событию предшествовали десятилетия археологических исследований и годы подготовки самой номинации группой ученых и экспертов. Памятники законодательно охраняются, однако не все из них имеют постоянную физическую охрану, далеко не на всех налажено постоянное управление наследием.

Значительную актуальность этой теме придает тот факт, что городская культура Южного Казахстана существовала непрерывно в течении двух тысяч лет с античности до современности. Тем самым пройдя все общественные формации «от рабовладения до постиндустриального общества». Аналогичные процессы прослежены и постоянно изучаются в смежных регионах Средней Азии и Восточного Туркестана. Средневековая городская культура Жетысу и Илийской долины существовала значительно более короткий промежуток времени всего около полутысячелетия в раннее и развитое Средневековье. На территории Илийской долины формирование городов происходило вдоль торговых путей, главным образом вдоль северных склонов Тянь-Шаня, пересекая хребет в местах удобных перевалов, а также вдоль р. Или. Наблюдалась и оазисная локализация в удобных долинах, пригодных для комплексного хозяйства. Один из крупных оазисов с транзитным коридором вдоль и вглубь Жетысу Алатау из многочисленных укрепленных и неукрепленных поселений с производствами ремесел и сельскохозяйственного был сформирован вокруг города Каялык. Городища Агарту, Бакалы, Лепсы, Карабогет и несколько других, меньших по размеру составляют его пока малоисследованную округу. Другой средневековый оазис составляли города и поселения «большого Алматы». Соседним оазисом являлся и регион Талгара. Еще один из оазисов составляли города и поселения дельты р. Или. Городские оазисы Или и Алатау образовались значительно позже Южно-Казахстанских, располагались друг от друга на значительном расстоянии.

190 Копылов И. И., Керекеша Л. И. Талкир (древний Талгар) – развилка великого шелкового пути // Археологические памятники на Великом Шелково пути. Алматы, 1993. С. 122–136.

191 Савельева Т. В. Формирование средневековых городов у кочевников (по материалам раскопок городища Талгар) // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата: Наука. 1989. С. 432-438.

192 Городецкий В. Д. Талгарское городище // Известия Средазкомстариса. Ташкент: Средазкомстарис. 1928. Вып. 3. С. 49-55.

193 Железняков Б. А., Жумай Г., Суатаева Д. С. Ортағасырлық Талғар аумағындағы ескерткіштер туралы археологиялық деректер // Абай атындағы ҚазҰПУ-нің Хабаршы «Тарих және саяси-элеуметтік ғылымдар» сериясы. 2021. №1 (68). Алматы, С. 272-282; Железняков Б. А., Жумай Г., Железнякова В. Л., Казизов Е. С. Топоплан городища Талгар 2021 г. Некоторые вопросы типологии памятника // III Есік оқулары. «Орталық Азияның жазба ескерткіштері (аударма және интерпретациялау мәселелері)» тақырыбындағы Халықаралық ғылыми-тәжірибелік онлайн-конференциясының материалдар жинағы (Есік қ., 22 қараша 2022 ж.) / Жауапты редактор: Г. Р. Мухтарова. Алматы: «Есік» мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығы, 2022. С. 183-196.

Импульс развитию городской культуры Северо-восточного Жетысу дало переместившееся сюда одно из ответвлений Шелкового пути. Скорее, сюда его переместили, обеспечив безопасность, построив инфраструктуру: караван-сарай, различного рода благоустройства городские и путевые карлуки. Общий расцвет городской культуры наблюдается в караханидскую эпоху и ранний этап Монгольской империи. Если в деле изучения таких памятников как Каялык, Талгар, Илибалык и некоторых других был достигнут значительный результат. Были и другие примеры. В первую очередь, памятники оазиса городища Шелек, где в последнее время исследования, практически не проводились.

Наибольший вклад в дело исследований культурного наследия городов Жетысу внес **академик К. М. Байпаков**, некоторые другие исследователи, в частности Т. В. Савельева. По мнению В. В. Бартольда, Каялык находился в районе Капала¹⁹⁴. Город на месте городища Дунгене предлагал локализовать А. Н. Бернштам¹⁹⁵. К. М. Байпаков сопоставил город с руинами у поселка Антоновское. У каждого были свои доводы и определенность в том, что прав последний, наступила далеко не сразу, по-видимому, только после раскопок 2004 г.

По многочисленным трудам К. М. Байпакова легко представить внешний облик типичного средневекового города нашего региона. «Часто на одной площади располагались мусульманская мечеть, христианская церковь и буддийский храм, как это было в Каялыке. На территории цитадели размещались бани-хамам. Бани раннего периода украшались росписью, имели несколько отделений и играли роль водолечебницы. Дворец правителя был двухэтажным, основные помещения находились в верхней части, куда вела лестница, покрытая коробовыми сводами. В центре находился зал, крытый куполом. Внутри зала находились колодцы с питьевой водой. Стены обкладывались обожженными плитками. Освещалось помещение через люки в куполах. В доме находился очаг, но он использовался не для бытовых нужд, а для проведения религиозных обрядов¹⁹⁶. Впрочем, это весьма усредненное описание города. Каждый из городов имел свои особенности, обусловленные целым комплексом факторов. Рубрук писал о Каялыке как о городе базаров. Временные базарные конструкции были затронуты в ходе раскопок 2018 г.¹⁹⁷. К.М. Байпаков всю жизнь сотрудничал с музеями и принимал активное участие в становлении новых. Музеи в гг. Шымкент, Туркестан, Тараз, Алматы, в Шаульдере, Национальный музей в Астане, музеи во многих городах и аулах были бы совсем другими без участия К.М. Байпакова. Во многих районных краеведческих музеях отлично помнят и гордятся, что у истоков новой экспозиции или музея стоял известный академик-археолог. Общаясь с музейными сотрудниками через годы, чувствуешь то тепло, которое тогда связывало отношения. С годами оно лишь усиливается по принципу: «большое видится на расстоянии». Огромна заслуга К. М. Байпакова в успешную трансграничную номинацию **«Шелковый путь: сеть маршрутов Чанъань-Тянь-Шанского коридора»**¹⁹⁸. Несмотря на все проблемы с

194 Бартольд В. В. Работы по археологии, нумизматике, эпиграфике и этнографии // Бартольд В. В. Сочинения. М., 1966. Т. 4. С. 105

195 Бернштам А. Н. Памятники старины Алма-Атинской области // Известия АН КазССР. 1948. № 48. Серия археологическая. Вып. 1. С. 83.

196 Летопись Жетысу / Составители: К. М. Байпаков, Г. А. Капекова. Алматы: Асыл сөз баспасы, 2012. С. 89-90.

197 Байпаков К. М., Железняков Б. А., Талеев Д. А. Краткий отчет по археологическим исследованиям в 2018 г. // Международный центр сближения культур под эгидой ЮНЕСКО. Рукопись. Алматы, 2018. С. 8-13.

198 Silk Roads: Initial Section of the Silk Roads, the Routes Network of Tian-shan Corridor. URL: <https://whc.unesco.org/en/list/1442/> (Дата обращения: 10.07.2023)

объектами наследия, вошедших в номинацию, эти памятники находятся под охраной ЮНЕСКО.

К настоящему времени, несмотря на многочисленные исследования средневековых городов региона три городища включены в **серийную трансграничную номинацию**: Каялык, Талгар и Карамерген. Весьма ограниченная музеефикация проведена только на городище Талгар. По сути, городище огорожено и на нем имеется физическая охрана. На остальных памятниках нет физической охраны, не проводятся экскурсии не ведется никакой другой музейной и собирательской, как и исследовательской работы. Охрана памятников представляется, во-многом умозрительной. Этому способствовал еще и отзыв охранных территорий памятников областными маслихатами. Тем самым, если история городов средневекового периода нашего региона изучена достаточно хорошо, то вопросы сохранения этого наследия, а также управления и презентации остаются на весьма низком уровне. Все это можно констатировать несмотря на то, что с момента номинации в 2014 г. прошло уже более девяти лет.

Исторический контекст. Развитие и упадок городской культуры Илийской долины и Жетысу необходимо изучать сквозь призму исторического контекста Карлукского каганата, государства Караханидов и Карлукского ханства, их развития в составе киданей, а этап их постепенного угасания под властью монголов. Тем самым, это были общеисторические процессы, которые были распространены на огромных территориях. Ко времени возникновения городов и поселений в Илийской долине, в Южном Казахстане и Таласе уже многие столетия существовали города с крупными оазисами: Тараз, Нуджикет (Шымкент), Отрар, Сауран, Яссы (Туркестан), многие из которых уже были значительными городскими центрами на рубеже эр. То есть, фактически на территории Кангюя. Аналогичная картина урбанизации наблюдалась и в оазисах Восточного Туркестана. Также нужно отметить, что городская культура, хоть и в значительно меньших масштабах продолжилась в Южном Казахстане, отдельных центрах Таласа, Восточного Туркестана и в развитом и позднем средневековье.

Карлукский каганат. По сведениям арабо-персидских путешественников, это государство занимало большую территорию, на севере гранича с кыргызами, а на юге - с согдийцами. В сочинении арабского географа аль Идриси (1100-1164), автора одного из крупнейших и интереснейших географических сочинений арабского средневековья «Нусхат аль-Мушта, фи-ихтирак ал-афак» («Развлечение истомленного в странствии по областям»), содержатся уникальные описания карлуков, их городов, крепостей, торговых путей, ремесел и религий. Переводы девятой части третьего климата выполнены с четвертого римского издания 1970-1984 гг., «Этих городов населенных – шестнадцать. Они процветающие, окруженные стенами и хорошо укрепленные. Все они находятся на неприступных, непреодолимых горах. У них зерновые поля. Они обеспечивают себя шкурами леопарда, белки, бобра; железом, мускусом, рабами, шелком»¹⁹⁹. Согласно «Худуд аль-алам», в стране карлуков насчитывалось 25 городов и поселений. Столь широкие просторы государства отмечались лишь до 940 г.

В Илийской долине и Жетысу городская культура развивалась с конца VIII по начало – середину XIV вв. Оазис вокруг Каялыка формируется далеко не сразу, наиболее вероятно этот процесс относится к расцвету городской культуры Жетысу, совпавшим с заметным оживлением торговли на северном участке Великого Шелкового пути. Значение города и оазиса у подножья Алатау как центра торговли, культурного

199 Юзеев А. Н. Арабский географ ал-Идриси (XII в.) о тюркских народах Средней Азии (продолжение) // Археология Евразийских степей, 2022, № 1. С. 233

и религиозного выросло в период Монгольской Империи, именно в этот период город посетил фламандец Гильом Рубрук, посол французского короля и оставил подробные записи о Кайлаке. «Мы нашли там большой город по имени Кайлак, в котором был базар, и его посещали многие купцы. В нем мы отдыхали 12 дней, ожидая одного секретаря Бату, который должен был быть товарищем нашего проводника в устройении дел при дворе Мангу. Земля эта прежде называлась Органум»²⁰⁰ (Путешествие, 1993, 110), т.е. «Аргу». Регион в границах «узкого» понимания Жетысу вошло в состав улуса Чагатая, а затем подпало под власть каана Мунке вплоть до его смерти в 1259 г. Затем регион был вновь подчинен чагатаидам²⁰¹.

Расцвет городской культуры Жетысу был связан в первую очередь с прохождением здесь маршрутов Великого Шелкового пути. Так называемый, «кастекский» – путь проходил через Невакет. Из Невакета дорога шла на городище Кысмычи, на правом берегу Чу, отождествленное с городом Якалыгом А.Н. Бернштамом²⁰² (Бернштам, 1950, 55). Локализация известного города Якалыга на месте городища Кысмыши поднималась не раз, в частности, по Мукаддаси, происходило от тюркского «край, берег»²⁰³. Горы, через которые проходил путь, в китайских источниках назывались Цзедань (ныне Или Алатау). На пути лежал и город Урунгардж, который отождествляется с городищем Кастек. Из Урунгарджа дорога выходила на городище Каргалы и затем Каскелен вела к городам Алматы и Тальхир – современный Талгар. Из Алматы и Тальхира, которые являлись узловыми центрами Жетысу на Великом Шелковом пути, далее идут несколько ответвлений, одно из них проходило через Каялык²⁰⁴.

Тем самым, данная публикация имеет целью комплексно раскрыть значение проведенных за последние десятилетия археологических исследований, главным образом под руководством К. М. Байпакова, а также на Талгаре под руководством И. И. Копылова и Т. В. Савельевой.

Значительное измерение имеют **нумизматические исследования**, в последние десятилетия весьма плодотворно работает П. Н. Петров. Недавно была опубликована его итоговая работа в соавторстве²⁰⁵. Общий обзор всех монетных находок к 2020 г. на территории Алматы привел К. М. Байпаков²⁰⁶. Одна из основ по монгольскому периоду – клад монет, обнаруженный в районе Горного Гиганта и переданный в ЦГМ РК. Клад из 1386 экземпляров датируется концом XIII – первой половиной XIV в.²⁰⁷. Крайне малое количество серебряной продукции Отрара, Тараза и Кендже — монетных производств, которые выпускали в конце XIII в. почти до половины всех серебряных мо-

- 200 Путешествие в восточные страны Платона Карпини и Гильома де Рубрука. Алматы, 1993. С. 110.
- 201 Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья // Сочинения. М., 1969. Т II, ч. 1. С. 64-74
- 202 Бернштам А. Н. Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина». Сост. под рук. А. Н. Бернштама / МИА №14. М.-Л.: 1950. С. 55
- 203 Карасев С. К. Древнетюркские топонимы Средней Азии // Советская тюркология, 1985, № 6. С. 26.
- 204 Байпаков К. М., Воякин Д. А. Казахстанский отрезок Великого Шелкового пути в серийной номинации ЮНЕСКО. Алматы, 2012. С. 54.
- 205 Петров П. Н., Атыгаев Н. А., Белтенов Ж. М. Кайалык в памятниках нумизматики Чингизидов // МАИАСП, 2022, № 14. С. 369-381.
- 206 Байпаков К. М., Савельева Т. В., Камалдинов И. Средневековые города Илийской долины (Северо-Восточное Жетысу-Семиречье) на Великом Шелковом пути в VIII– XIV вв. // Народы и религии Евразии. 2020. № 3 (24). С. 28-30
- 207 Базылхан Н. Монеты в фондах Центрального Музея // Труды Центрального музея: музейное дело, история, этнология, фольклористика, археология, антропология, историография, источниковедение, нумизматика. / Научный ред. Нурсан Алимбай. // На каз., рус., англ. языках. Алматы: Гылым, 2004. Вып. I. С. 354–363.

нет в государстве, говорит о том, что сокровище начало скапливаться уже после прекращения их работы, то есть после 707/1307–1308 гг.²⁰⁸.

Тезисно о денежном обращении Каялыка можно свидетельствовать следующее: оно очень закрытое, есть монеты с тамгой Угедэя, в Каялыке находился в ссылке Кайду, куда его отправил правитель. Известно, что четвертый хан Великой Монгольской империи Мөнгке-каан, (1208-1259) сын Тулуя, в начале своего правления провел репрессивную кампанию в отношении Чагатаидов и Угедееидов, а также изменил их улусы и границы юртов. В это время в Каялыке ходит мелкая серебряная монета с вышеназванной тамгой²⁰⁹. Второй тип монет – дирхамы. Обращение таких «не стандартизованных» монет является характерной особенностью денежной политики властей по обеспечению местных рынков продукцией Кайалыкского монетного двора. Тамга на монетах отсутствует. эмитентом этих дирхамов является не Кайду, а, скорее всего, владетель улуса Чагатаидов — Алгуй б. Байдар б. Чагатай (658-664 г.х. / 1260-1264 гг.)²¹⁰. Также встречено восемь медных фалсов XIII в.²¹¹. Четвертый вид - дирхамы Мубарак-Шаха б. Кара-Хулагу (664 г.х./1266 г.). Все говорит об их выпуске на том же монетном дворе, что и монеты № 1—3, то есть на денежном производстве в Кайалыке²¹². Находились всего две монеты на Каялыке, которые были биты в других регионах государства. Среди почти 1000 монетных находок с территории Кайалыка и округи не обнаружено ни одной монеты, битой с тамгой Кайду, то есть после 668 г.х./1270 г.²¹³.

Изучение исторических источников не принесло столь же много информации. Джувейни описывает важный эпизод: «После смерти Озара его сын Сугнак-тегин пользовался монаршим благоволением: ему была дарована должность его отца, и он получил в жены одну из дочерей Туши. А что до Арслан-хана, то он был отослан в Кайалык и тоже женился на девице из царской семьи. И когда Чинисхан выступил против империи султана, он присоединился к нему со своими людьми и оказал ему большую помощь. Один из сыновей Арслан-хана еще жив. Менгу-каан пожаловал ему город Узкенд и в знак благодарности к его отцу высоко чтит его» (Джувейни Ала-ад-Дин Ата-Мелик, 2004, 49-50). Тем самым, Кайалык (или *Qayaligh* - у Джувейни, в соответствующей транслитерации), наряду и особенно с другим городом региона, Алмалыком весьма часто упоминается. Во-первых, о городе Кайалыке имеется достаточное число упоминаний в **исторических источниках** (1200-е в связи с вышеупомянутой у Джувейни историей правления Арслан хан, а также в связи со строительством раннемусульманского центра (ханака-мавзолей)²¹⁴, а также известные описания В. Рубруком Кайлака. Во-вторых, при анализе роли и места городов в политической жизни государства или области, можно констатировать, что в развитии и позднем средневековье для Центральной Азии была характерна картина

208 Петров П. Н. Алматы в XIII–XIV вв. по нумизматическим данным // Древняя и средневековая урбанизация Евразии: взаимодействие, развитие и возраст города Алматы: Материалы международной научно-практической конференции. 17–18 ноября 2010 г. Алматы, 2012. Вып. 3. С. 23–27.

209 Петров П. Н., Атыгаев Н. А., Белтенев Ж. М. Кайалык в памятниках нумизматики Чингизидов // МАИАСП, 2022, № 14. С. 373

210 Петров П. Н., Атыгаев Н. А., Белтенев Ж. М. Кайалык в памятниках нумизматики Чингизидов // МАИАСП, 2022, № 14. С. 375.

211 Петров П. Н., Атыгаев Н. А., Белтенев Ж. М. Кайалык в памятниках нумизматики... С. 375

212 Петров П. Н., Атыгаев Н. А., Белтенев Ж. М. Кайалык в памятниках нумизматики... С. 375.

213 Петров П. Н., Атыгаев Н. А., Белтенев Ж. М. Кайалык в памятниках нумизматики... С. 378.

214 Железняков Б. А. Мавзолей и ханака средневекового Каялыка. О процессах исламизации в Северо-восточном Жетысу в XIII в. // Культурное наследие Евразии (с древности до наших дней). Сборник научных статей. Алматы, 2016. С. 154-178.

того, что если в административной единице (области, вилайете) не было городов, то судьба области решалась за ее пределами.

Городище Каялык/Койлык – город Каялык. Городище локализуется на восточной окраине современного аула Койлык, бывшее село Антоновское (Новоантоновское) Саркандского района Алматинской области. Академик К. М. Байпаков впервые сопоставил город *Каялык* – центральный город Северо-Восточного Жетысу, возникший на северном ответвлении Шелкового пути в конце VIII- начале IX в. с этим городищем. Город Каялык упоминается в источниках XI – начала XIII веков, как столица карлукских правителей, самостоятельного владения карлуков в каганате Караханидов. Относительно его названия есть несколько «транскрипций», в частности, «кайя» – род карлуков, в таком случае, город должен был называться Кайя-лык. На наш взгляд это – наиболее оправданная версия названия этого известного города. Кроме того, она очень близка уже упомянутой версии В. Рубрука: «Кайлак» и поздней версии «Насаб наме» - «Кайалик»²¹⁵.

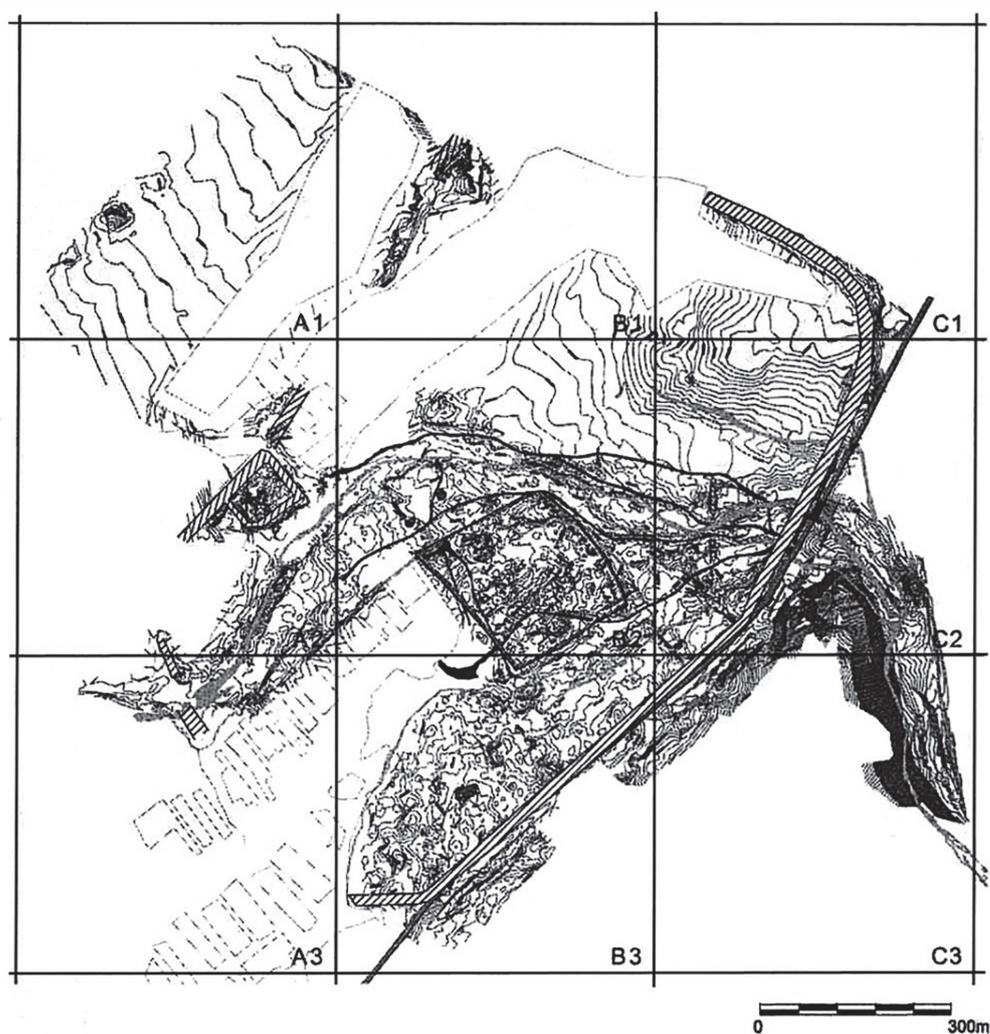

Рисунок 1 - Городище Каялык (незастроенная современными постройками восточная часть).
Топографический план, по (Байпаков и др., 2020, с. 15, рис. 4).

215 Исламизация и сакральные родословные в Центральной Азии: Наследие Исхак Баба в нарративной и генеалогической традициях / Отв. Ред. А. Муминов, Д. де Виз. Том 2. Генеалогические грамоты и сакральные семейства XIX-XXI веков: насаб-нама и группы ходжей, связанных с сакральным сказанием об Исхак Бабе. Алматы: Дайк-Пресс, 2008. С. 120-139.

К этому же периоду относятся большинство из археологически исследованных крупных (монументальных) сооружений верхнего слоя городища Койлык. Материалы археологических исследований широко опубликованы и вызвали широкий отклик в международном научном сообществе, некоторые имеют крайне важное значение для современных исторических реконструкций процессов, происходивших в Северо-Восточном Жетысу, особенно периода, так называемого «Мусульманского Ренессанса» в конце XII- середине и второй половине XIII вв. Плодотворные исследования городища продолжались с перерывом до 2018 г. Наиболее ценные архитектурные объекты, их руины были засыпаны отсеянным, мягким заполнением из отвалов сразу после проведения археологических раскопок. Очевидно, что несколько раз поднимаемый вопрос о музеефикации маршрута по объектам Каялыка с целью популяризации наследия уникальной средневековой городской культуры Каялыка пока не решен.

Территория шахристана Каялыка была обнесена крепостной стеной, в плане имеющей вид неправильного четырехугольника со сторонами от 750 до 1200 м.

Стенами особенно часто обносились широкие территории, включая рабады на этапе укрепления ислама в городской среде на фоне сохранения традиции у кочевников. В центре шахристана просматривается явное возвышение на месте, где была возведена мечеть, а также севернее от нее. Однако, в монгольское время отдельной цитадели, очевидно не было, ее стены могли сохраниться лишь под верхними строительными горизонтами. В наши дни городская стена сохранилась наилучшим образом в восточной части на незанятой современными постройками площади и достигает 4-х м в высоту. Западная часть городища было занято постройками и нивелировано участками села Ново-Антоновское, которое было основано в начале XX в. В ходе археологических раскопок в верхнем горизонте, иногда находят артефакты этого периода. Руины Каялыка находится в центре значительной по размерам долины, которая хорошо обводнена, удобна для ирригации на пути между Илийской долиной и Алакольской котловиной, есть проходы в горные районы Жетысу Алатау. Этого было достаточно для того, чтобы обеспечить рост города и всей округи на долгие столетия существования северного ответвления Шелкового пути.

Общественная жизнь средневековых городов Средней Азии, в том числе и Северо-восточного Жетысу Илийской долины в период середины - конца XIII в (с преимущественно мусульманской культурой) веков предполагала формирование Регистана - административного центра: дворца, пятничной мечети и базара. В этот период город приобрел значение крупного политического, торгового и религиозного центра, о чем сообщают источники, полностью подтверждают это результаты археологических раскопок, в том числе находки монет, отчеканенных в монетном дворе Каялыка серебряных и медных монет. Во время проведения крайних археологических исследований на городище под руководством К. М. Байпакова значительное внимание было уделено поискам минарета мечети, а также раскопкам в центральной части города. В результате были обнаружены с большой долей уверенности остатки фундамента невысокого сырцового минарета. И хозяйственные помещения с закромами и тандырами, что больше всего подходит под помещения у базара. Тем самым, это лишний раз подтверждает слова В. Рубрука о «Кайлаке», как о городе с базарами и огромной мечетью ²¹⁶.

Археологические объекты, о которых пойдет речь ниже впервые были

216 Путешествие в восточные страны Платона Карпини и Гильома де Рубрука. Алматы, 1993. С. 107-111.

исследованы в 2004 г. В рамках государственной программы «Культурное наследие» Б. А. Железняковым, под руководством академика К. М. Байпакова. Некоторые объекты, как например, манихейский храм доисследовался в 2005 г. Поиски минарета пятничной мечети продолжились небольшим шурфом в 2018 г. В целом, необходимо заметить, что до 2012 г., ежегодно проводились раскопки на шахристане и цитадели Каялыка, после потеряв ежесезонный характер. В 2018 г. были проведены небольшие по объему исследования под руководством К. М. Байпакова ²¹⁷.

В раннемусульманский период (1200-1211 гг.) духовная жизнь мусульман Каялыка концентрировалась вокруг суфийских ханака, устраивавшихся рядом с богато украшенными терракотовой и ганчевой резьбой мавзолеями правителей. В самих ханака, захоранивались святыне проповедники, суфии. Это подтвердилось выявлением при раскопках на городище остатков Соборной мечети середины XIII в., сгоревшей в общегородском пожаре в XIV в. и более раннего комплекса мавзолеев и ханака ²¹⁸, которые наиболее вероятно были разрушены при нашествии Кучлука. На городище вскрыты буддийский и манихейский храмы. В непосредственной близости от Каялыка находилось несторианское укрепленное поселение, отождествляемое с городищем Лепсы на левом берегу одноименной реки у выхода ее из горных теснин, верхние слои которого относятся к XIII в.

Соборная мечеть Каялыка - крупнейшее по размерам сооружение, исследованное на городище, ее внешние размеры 38x32 м, внешние стены сложены из сырцового кирпича. При вскрытии мечети, в особом порядке были обнаружены основания и, частично сами базы колонн из окатанных речных булыжников и кирпича, на которых, в свое время располагались деревянные опоры крыши; всего 54 базы, разделяя внутренне пространство на 9 нефов. Стены мечети были оштукатурены, в них были устроены каналы (каналы) – средневековая система отопления, прокладывавшаяся так, что по ней пробегал воздух, согретый в печи. Стены толщиной 1,7 – 2 м, сохранились на высоту до 2 м. В юго-западной стене, напротив входа был устроен михраб, сооруженный из жженого кирпича.

Соборная мечеть Каялыка имеет прямые аналоги в других столичных городах монгольских государств Золотой Орды, Ак Орды, Моголистана. Судя по всему, проекты подобных «столпных» мечетей были достаточно универсальными. Можно было менять число пролетов, высоты, число куполов, менялась ориентировка на Кыблу и многое другое, в том числе и строительным материалы и приемы, но это были городские пятничные мечети. Строительство мечети датируется второй четвертью XIII в., что подтверждается и находкой монеты на полу. Мечеть сгорела при общегородском пожаре ²¹⁹.

217 Байпаков К. М., Железняков Б. А., Талеев Д. А. Краткий отчет по археологическим исследованиям в 2018 г. // Международный центр сближения культур под эгидой ЮНЕСКО. Рукопись. Алматы, 2018. 45 с.

218 Байпаков К. М., Воякин Д. А., Железняков Б. А. Раскопки на городище Каялык в 2004 г. // Культурное наследие, Алматы. 2005. С. 103-105.

219 Байпаков К. М., Воякин Д. А., Железняков Б. А. Раскопки на городище Каялык в 2004 г. // Культурное наследие, Алматы. 2005. С. 103-105.

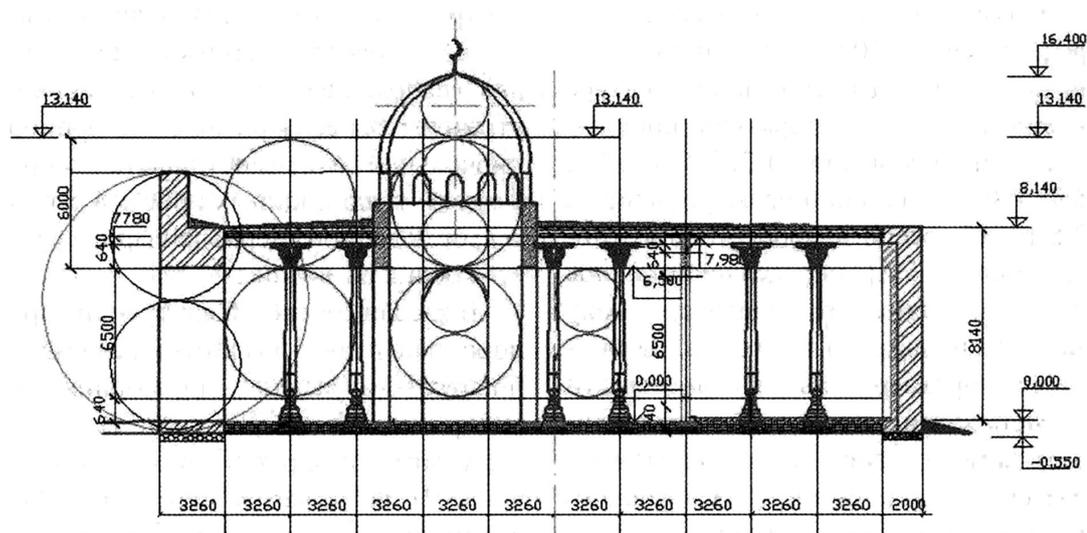

Рисунок 2 - Научная графическая реконструкция Соборной мечети Каялыка (И. Н. Емелина)

Согласно научной архитектурной реконструкции научной реконструкции Соборной мечети Каялыка, выполненной И. Н. Емелиной, в руинах мечети прослежена соразмерность в пропорциях 10x9, то есть точные размеры внутреннего зала: 32,63 x 28,60x3,18 м. Высота столба колонны соответствовала 10 гязам, т. е. 6,5 м. Полная высота стен должна была составить 8,8 м, высота потолка – 8,14 м. Такая реконструкция размеров сооружения, выполненная архитектором, в полной мере соответствует размерам документированных руин соборной мечети. Стены сохранились до высоты 2 м. Характерна ориентировка на Кыблу. Определен михраб, минбар, максура – огороженное пространство у михраба, базы колонн, система отопления.

Комплекс мавзолеев и ханака. Об относительно широком распространении ислама в городе и регионе Северо-восточного Жетысу в домонгольский период свидетельствует комплекс, состоящий из ханака и двух мавзолеев, образующих единый комплекс у северо-восточных ворот города. Два мавзолея из жженого кирпича, ханака из сырцового кирпича были выстроены в конце XII – начале XIII веков. Терракотовая отделка Западного мавзолея, имеющая аналогии с терракотой узгенского мавзолея, свидетельствует о строительстве мавзолея (всего комплекса) в период расцвета всей культуры, мусульманского ренессанса, о единой культуре восточных регионов державы Караханидов. Это также наглядно демонстрирует культурные и политические связи между Каялыком и Узгеном.

Ханака (ханако) – обители суфиев-дервишей, которые были устроены в соответствии с особенностями их ритуалов и жизни. Наряду с функциями широкой проповеди ислама, главным смыслом деятельности суфиев была постоянная практика и совершенствование обряда, углубление мистического учения для избранных с наставниками - пирами во главе. Суфии-шейхи захоранивались в ханака на особых местах, добавляя многофункциональному сооружению, функциям гостиницы (завия) и медресе еще и мавзолея святого учителя, аналогии: мавзолеев Ходжа Ахмеда Ясави. По источникам, в Каялык суфизм принес его ближайший последователь. Истахри пишет о более чем 10 тысячах ханака в предмонольской Средней Азии, подавляющее большинство из которых бесследно исчезло (перестроено в другие культовые сооружения).

Рисунок 4 - Момент раскопок на манихейском храме в 2004 г.

Буддийский храм расположен в двух сотнях метров за северной стеной городища Каялык, что свидетельствует о компактной жизни общины этого храма. Размеры храма 16,2x18 м, по четырем углам сохранились полукруглые выступающие башни, сохранившаяся высота капитальных стен свыше 4 м. Несмотря на то, что артефактов при раскопках не было обнаружено, однако планировка, аналогичная нескольким храмам, расположенным в Чуйской долине в Кыргызстане, позволяют интерпретировать это хорошо сохранившееся сооружение именно, как буддийский храм. Планировка храма включает центральный зал: 7,5x7,5 м, где обычно располагалось скульптурное изображение Будды и обходной коридор для процессий шириной 2,5-2,8 м ²²². При вскрытии обнаружено значительное количество обгоревшей кровли, другие строительные материалы, характеризующие культуру того времени. Буддийский храм исследовался с самого начала проведения раскопок на Каялыке, с 1964 г. Именно здесь К. М. Байпаковым был заложен шурф. С 1998 г. до 2004 г., включительно, ежегодно проводились раскопки этого объекта. По планировочным особенностям объект был интерпретирован как буддийский храм. Последний участок коридора, выемка заполнения, которое явно «забросали» перед тем, как «уйти»: гравия с глиной проводилась Б. А. Железняковым (северо-западный коридор, ближний к выходу на запад. Кроме железных гвоздей, никаких артефактов, относящихся к интерпретации сооружения найдено не было. Только по этой причине объект упоминается в этом перечне. К раскопкам причастны К. М. Байпаков, Д. А. Воякин, некоторые другие

²²² Байпаков К. М., Воякин Д. А. Средневековый город Каялык. Алматы: Print-S, 2007. С. 64-70

исследователи, а начинал раскоп Б. Н. Нурмуханбетов. Интерпретация сооружения как буддийского храма не вызывает особых сомнений. Однако, вход с запада, как минимум крайне необычен для них. Скорее, это характерно для христианских храмов. Можно сделать осторожное предположение о том, что храм бы изначально буддийским с внутренним обходным коридором, только сначала как положено вход был с юга, а потом он был переоборудован в христианский со входом с запада. Примеры (предполагаемого) переобустройства манихейских комплексов Восточного Туркестана в буддийские были отмечены еще С. Ф. Ольденбургом²²³.

Помимо того, что на рубеже 2000-х и 2010-х на цитадели Каялыка был полностью вскрыт «согдийский», по определению К. М. Байпакова квартал с богатейшими внутренними деталями интерьера, в частности богатством орнаментации очагов. Археологические раскопки были проведены на многих объектах. Некоторые интересные объекты так и не были доведены до конца, по причине того, что находились на частных территориях и продолжение раскопок было просто невозможно, а размеры построек так и не «вписались» в предполагаемые, весьма ограниченные размеры разрешенных раскопок, о которых хозяев уговаривал лично К. М. Байпаков. Относительно благоустройств Каялыка, то хорошо известно, что на городище Д. А. Воякиным была исследована баня-Хаммам²²⁴. В 2006 г. был исследован водопровод Каялыка, были прослежены ремонты, отстойник, и многое другое²²⁵. Необходимо заметить, что тогда раскопки на Каялыке имели масштабный характер, в том числе и объектов благоустройства²²⁶.

223 Головчинер В. Д. Китайский Туркестан (В. Г. Ананьев, М. Д. Бухарин) // Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX – первой трети XX века. Том IV. Материалы Русских Туркестанских экспедиций 1909–1910 и 1914–1915 гг. академика С.Ф. Ольденбурга / Под общ. ред. М. Д. Бухарина, В. С. Мясникова, И. В. Тункиной. Москва: «Индрик», 2020. С. 46.

224 Байпаков К. М., Воякин Д. А. Средневековый город Каялык. Алматы: Print-S, 2007. С. 71-79

225 Железняков Б. А. О раскопках водопровода на городище Каялык в 2006 г. // История и археология Семиречья. Вып. 3. Алматы, 2007. С. 152-158.

226 Байпаков К. М., Воякин Д. А., Акылбек С. Ш., Железняков Б. А., Каменьщиков М. В., Сорокин Д. В. Исследования средневекового Каялыка в 2006 г. // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» в 2006 г. Алматы, 2007. С. 150-153.

Рисунок 5 - Раскопки на водопроводе Каялыка в 2005 г.

Кроме того, можно отметить и то, что археологические раскопки всегда привлекают значительное внимание, особенно детей.

У Кайялыка была развитая городская округа. Очевидно, она зиждилась на разделении обязанностей и возможностей. Например, сейчас местные жители «верхних» сел меняют у жителей из «нижних» картошку на яблоки и помидоры, поскольку культуры имеют свою резкую зональность. Население отдельных городков контролировало направление торгового пути или переправу через третью по объему стока реку Жетысу – Лепсы. На большинстве из памятников ужалось побывать с К.М. Байпаковым, в том числе и на памятниках округа Лепсинска, куда идет горная дорога из Каялыка. Город был центром обширной земледельческой округа, о чём свидетельствуют находки большого числа культурных растений – нескольких видов пшениц и ячменей, проса, плодово-ягодных культур²²⁷.

Городища и поселения округа Каялыка.

Самым крупным из памятников средневековой городской культуры округа Каялыка является **городище Агарту**. Оно находится в 3 км к северо-востоку от поворота трассы Алматы-Усть-Каменогорск на аул Бакалы, в 10 км от Койлыка к северо-западу на правом берегу р. Ащибулак. В плане это прямоугольник, ориентированный углами по сторонам света. Размеры его сторон 250x220 м. Вал, окружающий городище, сохранился на высоту 3-4 м. Углы его укреплены круглыми, сильно выступающими наружу башнями. Еще 4 башни имеет каждая из сторон, приблизительно через 55-56 м. Въезд в городище – один в северо-восточной стене. Вокруг городища идет ров шириной 10 м и глубиной 2

²²⁷ Баштанник С. В. Археоботанические находки на средневековых памятниках Семиречья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 4. С. 122-130

м. Юго-западная стена городища разрушена речкой. Стена - глинобитная с основанием из пахсовых блоков. Внутри городища выделяются два укрепленных четырехугольника, размерами 60x50 м и 30x30 м. Датируется городище X-XI вв.

Городище Бакалы находится на правом берегу р. Бакалы в 0,5 км южнее пос. Бакалы (торткуль). В плане городище представляет прямоугольник, ориентированный по сторонам света. Южная – 170 м, западная – 140 м. Вал, окружающий городище, сохранился на высоту 2 м, а башни 2,5 м. Четыре из них находятся по углам городища и по две башни на каждом отрезке стены. Городище опоясано рвом шириной 5 м. Внутри, в самом центре, расположен возвышенный четырехугольный бугор, окруженный валом высотой 3 м. Размеры его 70x50 м. По всей вероятности, это дополнительное внутреннее укрепление. Здесь в северо-западном углу был заложен шурф (под руководством К.М. Байпакова) глубиной до материка 2,2 м. В слое были обнаружены фрагменты керамики XI-XII вв.

Городище Кок-Ирим находится на левом берегу р. Кок-Ирим, на окраине с. Бакалы (торткуль). Это квадратное в плане сооружение размерами 70x70 м. Вал, окружающий его, сохранил высоту 1,5 м, а башни по углам и по середине сторон – 2 м. Въезд устроен в середине северо-восточной стены. Шурф, устроенный в центре памятника, выявил толщину культурного слоя в 0,5-0,6 м. Фрагменты керамики датируются X-XI вв.

Городище Каргалы расположено на берегу р. Лепсы, слева от дороги Койлык-Лепсинск, в самом центре аула Каргалы (торткуль). В плане городище представляет собой пятиугольный участок, окруженный валом. Самая длинная стена равна 170 м., две – по 150 м, две - по 50 и одна – 80 м. По периметру стен расположено 12 башен, пять из них угловые. В западном углу городища имеется квадратная пристройка размерами 60x60 м.

Почти вся территория городища занята огородами и садами; собрана богатая коллекция керамики, в том числе поливной. Керамический комплекс датируется IX-XII вв.

Городище Черкасское находилось на территории с. Черкасское (там где расположен мемориал, посвященный Черкасской обороне). Не сохранилось.

Городище Лепсы I, расположено на левом берегу р. Лепсы – одной из главных рек региона Жетысу у выхода ее из ущелья на равнину, имеет размеры внешних стен 280x260 м (торткуль). Стены сохранились на высоту до 4,5 м, а северо-восточный отрезок до 8 м., возможно, использовалась естественная возвышенность. Высота башен – 8 м, а северной угловой – 15 м. Всего по периметру стен насчитывается 20 башен. Въезд в городище прослеживается в середине юго-западной стены. С юго-востока городище усилено валом с башнями. Расстояние до него 100 м. Культурный слой – 0,5 – 1 м, в восточной части перекрыт наносами селя. На городище были проведены несколько шурфов и небольших раскопов²²⁸. Среди артефактов имеется несколько фрагментов с прочерченным изображением креста. Сопоставление с данными Рубрука позволили сделать предположение, что весьма вероятно, что именно здесь располагалось несторианское укрепленное поселение. Культурный слой городища датируется XI- XIII в. Во второй половине 20 в. внутри стен был разбит сад. Предварительно проведена нивелировка верхней части культурного слоя. Раскопки на городище максимально затруднены. Отсутствуют топографические черты (вся поверхность нивелирована), северо-восточная часть занесена метровым слоем гальки и грязи (селевой нанос). В 2004-2005 гг. Б.А. Железняковым, под руководством К. М. Байпакова было заложено 4

²²⁸ Байпаков К. М., Воякин Д. А., Железняков Б. А. Раскопки на городище Каялык в 2004 г. // Культурное наследие, Алматы. 2005. С. 103-105.

шурфа размерами до 4x2 м. Культурный слой 1,6-2 м. Было выявлено 2 горизонта ²²⁹.

В ходе исследования были найдены многочисленные фрагменты керамики, значительный по размерам пластинчатый воинский доспех. В том числе были найдены фрагменты с прочерченными, высверленными изображениями крестов. Анализ всех данных, последующие исследования в том числе с иностранными исследователями привели К. М. Байпакова к заключению о том, что в церкви этого места/укрепленного поселения произошло историческое событие, связанное с путешествием В. Рубрука. Он пишет: «Итак, мы вышеупомянутого города (Койлака) в праздник святого Андрея и там поблизости в трех лье увидели поселение совершенно несторианское. Войдя в церковь их, мы пропели с радостью, как только могли: “Радуйся Царица!”, так как уже давно не видали церкви» ²³⁰.

Уже в последний год исследований автора под руководством К. М. Байпакова на Каялыке было обнаружено свидетельство пребывания христиан в этом городе – намогильный кайрак небольших размеров с прочерченным крестом ²³¹.

Городище Лепсы II, расположено на левом берегу р. Лепсы в нескольких км ниже по течению р. Лепсы от городища Лепсы I, имеет размер внешних стен прямоугольной в плане формы стен 140x120 м. В течение нескольких десятилетий на стенах городища существует кладбище. Шурфы были заложены в 2005 г. (Б. А. Железняковым). В результате были получены материалы, относящиеся к периоду XII-XIII вв. – времени наибольшего развития городской культуры в этом микрорегионе. Толщина выявленного культурного слоя 20-30 см.

Поселение Карабогет, неукрепленное, находится на левом берегу р. Лепсы на первой надпойменной террасе, на острове, отделенном основным руслом реки и его протокой. Поселение состоит из тез десятков овальных бугров, занимающих площадь 150-200 м в ширину и 500 м в длину, вдоль реки. Бугры в плане овальные, максимальными размерами 20x35 м. На их поверхности обнаружены обломки керамических сосудов, которые хорошо датируются X-XIII вв. Видимо, данное поселение было устроено у места наиболее удобной переправы через полноводную реку, так оно было интерпретировано К. М. Байпаковым.

Из имеющихся данных следует, что лишь немногие поселения и городища округа Каялыка «доживают» до XIII в. Местонахождения их маркируют основные стратегические пути из / в Кайялык(а), снабжения сельхозпродукцией торговых караванов. Имеются основания предполагать, что поселения, входящие в сельхозокругу Кайялыка постепенно прекращают свое существование в XI-XII вв. Видимо, потребности в продовольствии, которое ранее требовалось для многочисленных караванов с этого периода. Относительно середины XIII в. роль и значение Кайялыка как центра на пути дипломатов, возможно, в меньшей степени оживленный торговый центр следует из записок В. Рубрука. Кроме приведённых памятников, за основу которых брались

229 Байпаков К. М., Воякин Д. А., Железняков Б. А. Раскопки на городище Каялык в 2004 г. // Культурное наследие, Алматы. 2005. С. 103-105.

230 Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Алматы, 1993. С. 110-111

231 Байпаков К. М. Железняков Б. А. Камень с изображением креста из городища Каялык (новое в изучении христианства XII-XIV вв. регионов Жетысу- Иле-Шу) // Еуразиялық далалық өркениет: адам және тарихи-мәдени орта. Еуразия даласы археологиясы V халықаралық конгресінің материалдары (Түркістан қ., 11-14 қазан 2022 ж.). 5 томдық. Алматы – Түркістан: Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, 2022. 3 том. С. 209-219

описания памятников К. М. Байпакова²³². Приведем его описания памятников (городищ и поселений) Жетысу Алатау.

Городище Дунгене расположено на северной окраине а. Балпык-би (бывш. - Кировский), на правом берегу р. Коксу. Длина северо-восточной стороны – 675 м, юго-восточной 565. У северо-западной стороны имеется пристройка. Въезд находился с севера. Сейчас городище полностью разрушено, занято кладбищем и современными постройками. Городище датировано по результатам раскопа 1939 г. верхний слой – XII-XIII вв., нижний, по мнению А. Н. Бернштама, относится ко времени до IX в. Городище трехслойное, глубина культурного слоя 4,5 м.²³³ Тем самым, помимо весьма значительных размеров памятника, это уникальное для Жетысу городище по глубине культурного слоя. На Каялыке имеются стратиграфические разрезы свыше трех метров. Очевидно, что сопоставляемое городище Эквиус (Еки Огуз) имело длинный период своего развития²³⁴.

Городище Талгар. *Сведения о селении Тальхиз имеются в сочинении персидского географа конца X в. «Худуд ал-Алем» («Границы Мира»), на страницах которого в Семиречье упоминается его название. Оно располагалось среди гор на границе между тюркскими племенами чигилей и карлуков. «Жители его, - по характеристике средневекового географа, - воинственные, смелые и доблестные». О проблемах соотношения города Тальхиза и руин Талгара писал И. И. Копылов²³⁵. Впервые это сделал А. Х. Маргулан²³⁶.*

232 Байпаков К. М., Савельева Т. В., Чанг. К. Средневековые города и поселения Северо-Восточного Жетысу. Приложение. Результаты анализов (Естественно-научные методы в археологии). 2-е изд., дополн. Алматы: Print-S, 2005. С. 19-36

233 Бернштам А. Н. Памятники старины Алма-Атинской области // Известия АН КазССР. 1948. № 48. Серия археологическая. Вып. 1. С. 2-83

234 Байпаков К. М., Савельева Т. В., Чанг. К. Средневековые города и поселения Северо-Восточного Жетысу. Приложение. Результаты анализов (Естественно-научные методы в археологии). 2-е изд., дополн. Алматы: Print-S, 2005. С. 36

235 Копылов И. И. О названии города на месте Талгарского городища // Вопросы социально-экономической истории дореволюционного Казахстана. Алма-Ата: КПИ им. Абая, 1978. С. 62-63.

236 Копылов И. И. О названии города на месте Талгарского городища // Вопросы социально-экономической истории дореволюционного Казахстана. Алма-Ата: КПИ им. Абая, 1978. С. 62.

План Талгарского городища

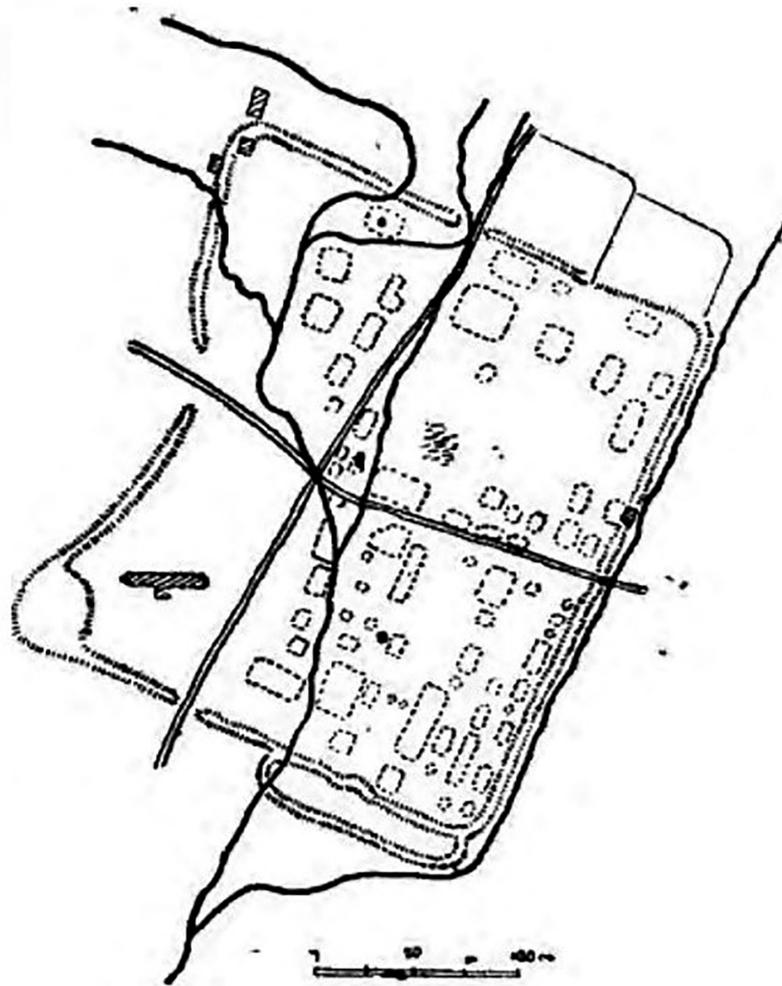

Рисунок 6 - План городища Талгар, по (А. Х. Маргулан, 1950).

С 1955 по 1991 гг., практически каждый год, лишь за исключением трех-четырех сезонов, раскопками, комплексным изучением средневекового городища и могильника усуньского времени, расположенного рядом с городищем, занимался И. И. Копылов – руководитель Талгарской археологической экспедиции (ТАЭ), Алматинского Государственного Университета (АГУ) им. Абая²³⁷.

Развалины Талгара в настоящее время представляют собой возвышенный четырехугольный участок, окруженный со всех сторон оплывшим валом. Площадь, занимая укрепленной частью, около 9 гектаров. По углам вала и по периметру располагались башни. За валом даже сейчас можно заметить остатки рва. Два въезда находились один напротив другого в серединах юго-западной и северо-восточной стен. Соединялись они дорогой, которая делила всю территорию города на две почти равные части. В настоящее время силами археологов вскрыта булыжная мостовая, которая являлась центральной улицей города. К укрепленной центральной части города со всех сторон примыкали постройки, которые составляли своеобразный торгово-ремесленный

²³⁷ Копылов И. И., Керекеша Л. И. Талкир (древний Талгар) – развилка великого шелкового пути // Археологические памятники на Великом Шелковом пути. Алматы, 1993. С. 123.

пригород (рабад). Вместе с ним город занимал территорию без малого 30 гектаров.

История изучения этого городища, пожалуй, самая длительная среди археологических памятников региона. Во второй половине XIX в. городище Талгар посетили и живо интересовались его историей видные путешественники и ученые того времени: П. П. Семенов-Тяньшанский, Ч. Ч. Валиханов, В. В. Радлов, Н. А. Северцов, Н. М. Пржевальский, Н. Н. Пантусов, акад. В. В. Бартольд и др.

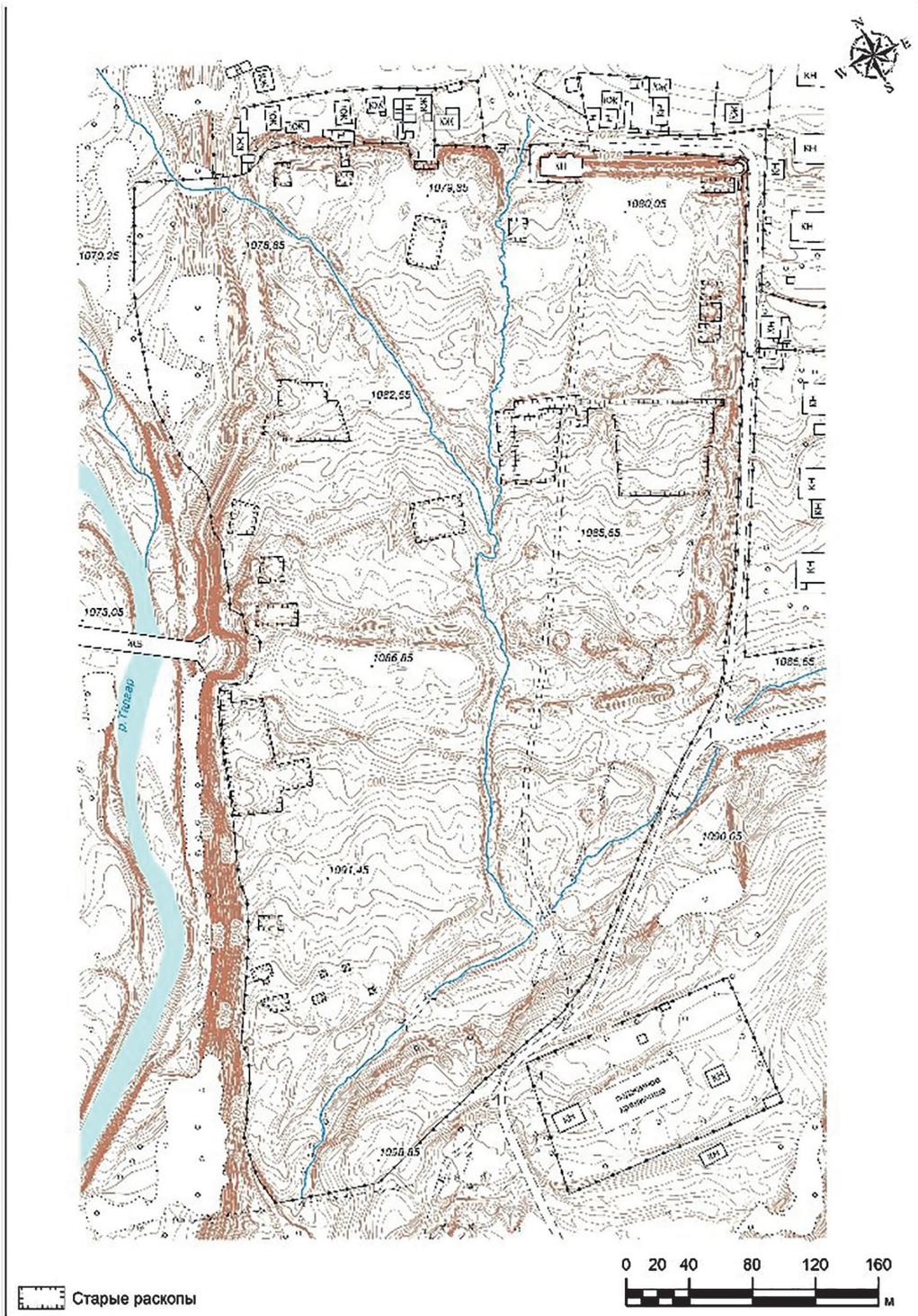
Но первые практические шаги по обследованию и началу научных исследований городища были сделаны в 1921 году археологом В. Д. Городецким, который продолжил работы в 1924 году. В конце 30-х годов были проведены археологические раскопки экспедицией под руководством А. Н. Бернштама. В последние десятилетия раскопками городища долго и плодотворно занимались К. М. Байпаков, Т. В. Савельева²³⁸ и др. Итогом всей этой кропотливой работы явилось воссоздание картины истории развития древнего города и значительной по протяженности территории у «подошвы» Северных отрогов Иле Алатау²³⁹.

В IX веке на месте будущего города возникла укрепленная ставка. Она принадлежала главе одного из тюркских племен. Место для ставки было выбрано с большим знанием дел: здесь проходил караванный путь, соединявший Среднюю Азию с Сибирью и Восточным Туркестаном. В конце IX - начале X веков Талгар превращается в город. В истории Казахстана X век примечателен политическими изменениями и экономическими сдвигами. Господство переходит к династии Караханидов, которые подчинили Среднюю Азию. Установлено, что в X-XII веках в Тальхире было более 700 домов-усадеб, и в них проживало 4000-4200 человек при плотности 170-200 человек на 1 гектар жилой застройки. В последнее время размеры средневекового города были значительно расширены (гипотетически). Т. В. Савельева имея достаточные основания, расширила размеры рабадов этого города до центра современного Талгара, на основании того, что некрополь Талхиза, где найдены зооморфные кувшины²⁴⁰ располагался чуть севернее современного базара.

238 Байпаков К. М., Савельева Т. В., Чанг. К. Средневековые города и поселения Северо-Восточного Жетысу. Приложение. Результаты анализов (Естественно-научные методы в археологии). 2-е изд., дополн. Алматы: Print-S, 2005. С. 19-24

239 Савельева Т. В. Оседлая культура северных склонов Заилийского Алатау в VIII-XIII вв. Алматы: Гылым, 1994. 215 с.

240 Байпаков К. М. Антропоморфный сосуд из Талгар // Археологические открытия 1973 года / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. Москва: Наука, М., 1974. С. 466-467.

*Рисунок 7 - План городища Талгар
(выполнен Е.С. Казизовым в 2022 г. по: Железняков и др. 2022).*

Тем самым, имея дополнительные основания можно считать, что размеры сельскохозяйственными и ремесленными пригородами Талхиза была занята площадь до 4x1 км, то есть 400 га. Меньшая округа, но достаточно крупная на левом берегу р. Талгар. Однако, плотность заселения огромных сельских округ Илийской долины, очевидно, должна считаться по иной формуле. Если предположить, что плотность была в 10 раз меньше, то на этой территории могли проживать до 8 тыс. человек.

Письменные источники дают достаточно определенный ответ - карлуки. Это тюркские племена, которым принадлежала Илийская долина уже с VIII века н. э. Вплоть

до конца X века они были объединены в государство, именуемое карлукский каганат со столицей в городе Каялыке, находившейся в предгорьях Джунгарского хребта. Даже после установления господства Караханидов карлуки не утратили известной автономии. Вместе с ними в городе проживали потомки усуней, тюрки-чигили, а также выходцы из Согда (район Бухары и Самарканда), которые издавна славились как предприимчивые купцы и искусные ремесленники:

Помимо гончарного было развито производство изделий из металла, высокого уровня достигают кузнечное, слесарное ремесла, производство ювелирных изделий из благородных металлов. Долгие годы комплексными исследованиями в области кузнечного производства Талгара и Алматы занимался Д. А. Воякин²⁴¹. Как доказательство этому были найдены инструментарий кузнецов - наковаленки, совки, а также кованные железные изделия: лемехи для пахотных орудий, плотничьи топоры, ножи, подковы, цепи, скобы и др.²⁴². Высокого совершенства достигло стекольное и косторезное ремесло - изготовление различных украшений, пуговиц. Из кости сделана и найденная шахматная фигурка. Широко было развито строительное дело.

В результате международной торговли в город попадали предметы роскоши, а также высокохудожественные изделия из дальних стран. К числу привозных вещей, найденных в Талгаре, принадлежит великолепное медное блюдо с изображениями крылатых сфинксов, которое экспонируется в центральном историческом музее Республики. Оно относится к кладу вещей, обнаруженному в 1941 г. в восточном предместье Талхира. Среди вещей в состав первоначально попала и японская чаша (каким образом остается загадкой). Однако, чаша относится к современному периоду²⁴³. Предметы ювелирного производства и тюркского в Талхире были на высочайшем уровне. Местное производство было определено еще благодаря анализу металла зеркал, найденных на городище, проведенному И. И. Копыловым в 1980-е гг.²⁴⁴. Однако, та публикация осталась малоизвестной для казахстанских археологов. На новом уровне тематика была проанализирована в последнее время, на более широком круге источников²⁴⁵. Значительное развитие получило керамическое производство, К. М. Байпаков не раз делал обобщающие обзоры по типологии сосудов, отличительным характерным чертам керамики Илийской долины и Жетысу. О. В. Кузнецова долгие годы изучала керамику всего региона, не так давно опубликован совместно с Т. В. Савельевой обобщающий труд²⁴⁶.

Во второй половине XIII века город окончательно прекратил свое существование. Вопросами закономерностей социально экономического развития Талхиза и всего

241 Воякин Д. А. Кузнечное ремесло Северо-Восточного Семиречья в средние века (по материалам городищ Талгар, Алматы). Автореферат диссертации на соискание к. и. н. Специальность. 07.00.06 - археология. Алматы.: 2010 г. 29 с.

242 Зиняков Н. М., Савельева Т. В. Булатная сталь средневекового Талхира. Реконструкция производства тигельной узорчатой стали // Известия НАН РК. Серия общественных наук. 2009. № 1. С. 200-210.

243 Мякишева О. А. Японский фарфор период - Мейджи из коллекции Центрального Государственного музея Республики Казахстан // Туған Олке – Родной Край № 1-2 (15-16), Алматы, 2010. С. 47-48.

244 Копылов И. И. Зеркала из Талгарского городища (к проблеме этнокультурных контактов) // Материалы по этнокультурным связям народов Дальнего Востока в средние века: сб. ст. / отв. ред. Э.В. Шавкунов. Владивосток: ДВО АН СССР, 1988. С. 70-78.

245 Мухтарова Г. Р., Железняков Б. А., Жумай Г. Бронзовые зеркала из Талхира как источник по материальной культуре: исследования И.И. Копылова // Археология Казахстана. № 2(12), 2021. С. 43-60.

246 Кузнецова О. А., Савельева Т. В. (2019). Гончарное ремесло в средневековом Талгаре. Альбом. Алматы: ИА им.А. Х. Маргулана. 220 с.

микрорегиона занимается Н. М. Зиняков²⁴⁷.

Оазис средневекового города Талгар состоял из нескольких городков и неукрепленных поселений. Самым крупным известное по тому же источнику «Худуд ал-Алем», как **Тунк** или **Тон** было поселение с укрепленным шахристаном на левом берегу реки Талгар (напротив Талхиза). Побывавший на территории средневекового поселения в 1966 г. И.И. Копылов, уже после ее нивелировки под сады, предполагает наличие укрепленного центра²⁴⁸. Ии приводится следующая этимология «Tun» - «покой»²⁴⁹. Фактически оно раскинулось на несколько километров вдоль реки от гор к центру современного Талгара как Талхиз. Очевидно, что какое-то время по реке проходила граница между карлуками и чигилями, то есть Караханидским государством, о чем упоминается в источнике²⁵⁰.

Неукрепленное поселение Талгар I находится на левом берегу р. Тополевка, в 3 км западнее городища Талгар. Поселение датируется X-XII в.

Неукрепленное поселение Кайназар находится в 12 км северо-восточнее г. Талгара, в 3 км севернее дороги Талгар – Иссык, на берегу р. Кайназаровка. Поселение занимает территорию, протянувшуюся на 250-300 м с востока на запад и на 200 м с севера на юг. По фрагментам глазурованной керамики, другим находкам, поселение датируется X-XII вв.

Городище Кызыл-Гайрат находится в 0,5 км к северу западнее а. Кызыл-Гайрат, в 6 км к северу от городища Талгар на правом берегу ручья. Вся посуда имеет прямые аналогии посуде из слоев XI-XII вв. городища Талгар²⁵¹.

Некоторое развитие данная тема получила в публикации по памятникам микрорегиона Талгара²⁵². Библиография по Талгарскому городищу достаточно широко представлена. По Талгарскому микрорайону продуктивно работала Казахско-Американская экспедиция (К. М. Байпаков, К. Чанг). В результате проведенных работ можно проследить преемственность хозяйственного уклада эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья²⁵³. Результаты тех работ не в полной мере включены в круг источников, к которым ученые часто обращаются. Можно констатировать, что в начале 2000-х гг проведенные исследования были одними из последних которые проводились на общедоступной территории без застройки территории, с тех пор, ландшафт местности изменился до неузнаваемости²⁵⁴. Тем самым, можно однозначно

247 Зиняков Н. М. Исторические предпосылки образования и развития средневековых городов Семиречья и Южного Казахстана // Вестник Кемеровского государственного университета. Кемерово, 2019. № 21 (4). С. 932-939.

248 Копылов И. И. О названии города на месте Талгарского городища // Вопросы социально-экономической истории дореволюционного Казахстана. Алма-Ата: КПИ им. Абая, 1978. С. 62

249 Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. С. 586.

250 Копылов И. И., Керекеша Л. И. Талкир (древний Талгар) – развилка великого шелкового пути // Археологические памятники на Великом Шелковом пути. Алматы, 1993. С. 123.

251 Байпаков К. М., Савельева Т. В., Чанг. К. Средневековые города и поселения Северо-Восточного Жетысу. Приложение. Результаты анализов (Естественно-научные методы в археологии). 2-е изд., дополн. Алматы: Print-S, 2005. С. 24

252 Железняков Б. А., Жумай Г., Суатаева Д. С. Ортағасырлық Талғар аумағындағы ескерткіштер туралы археологиялық деректер // Абай атындағы ҚазҰПУ-нің Хабаршы «Тарих және саяси-әлеуметтік ғылымдар» сериясы. 2021. №1 (68). Алматы, С. 272-282.

253 Baipakov K. M., Chang C., Tourtellotte P., Grigoriev F. P. The Evolution of Steppe Communities from the Bronze Age through Medieval Periods in Southeastern Kazakhstan (Zhetysu). (The Kazakh – American Talgar Project 1994-2001). Sweet Briar (USA) Almaty, 2002. 178 p.

254 Григорьев Ф. П., Нурпеисов М. М., Железняков Б. А. Опыт создания базы данных археологических источников Талгарского микрорегиона (Юго-Восточный Казахстан) // История и археология Семиречья. Вып. 3. Алматы, 2007. С. 143-147.

свидетельствовать о том, что значительное число памятников, а также преемственность в хозяйстве в этом оазисе имело истоки с позднеантичной эпохи, когда оседлость здесь уже насчитывала едва ли не тысячелетие. Ранний слой поселения Тузусай, расположенный в нескольких сотнях метров от поселка Алатау, то есть на территории Алматы датируется VI-IV в. до н. э.²⁵⁵.

С точки зрения типологии памятников Талгар относится к торткулям достаточно больших размеров. Памятники городской, поселенческой культур и имеющие отношение к караванным путям со структурой торткуля датируются в Илийской долине периодом X-XII (нач. XIII в.). В Таласской и Чуйской долине могут быть датированы чуть более ранним временем. В настоящее время получены первые абсолютные датировки, необходимо провести их анализ. Этот тип памятников получил наибольшее распространение в этот период благодаря острой необходимости возведения серий типовых городов, поселений, караван-сараяв, благодаря резко возросшим процессам урбанизации. Каялык представляет собой самое крупное городище в регионе Жетысу. Он возник до X-XI вв., когда в регионе возникали укрепленные торткули. Обнести его прямоугольными стенами было максимально трудно из-за его размеров. Несмотря на разницу в своей типологии, возможно в размерах. Хотя последние данные о Талгаре могут свидетельствовать о том, что в эпоху своего расцвета усадьбы и мастерские Талгара раскинулись до 4 км вдоль реки, то есть Талгар на относительно короткое время в XI-XII вв. скорей всего опережал Каялык по площади расселения и, по-видимому, численности сельско-хозяйственного и садоводческо-активного населения, а также ремесленных рабадов. Однако, во второй половине XI в. в развитии Талгара наблюдается перерыв, город запустевает. Видимо, в прежних размерах он уже не восстановится. К аналогичным результатам приходили исследователи на Таразе о том, что период наивысшего расцвета Тараза: «Расцвет, какого достиг Тараз при Караханидах, больше уже не повторился»²⁵⁶. Очевидно, что аналогичную ситуацию можно уже проследить на многих памятниках не только Илийской, Чуйской и Таласской долин, но и в Южном Казахстане, а также и в Восточном Туркестане.

Заключение. За последние годы перед номинацией два уникальных памятника городской культуры Каялык и Талгар были достаточно хорошо археологически изучены. Научный интерес к ним только рос в том числе и со стороны мировой науки. В этом были заслуги казахстанских археологов и в первую очередь академика К.М. Бйпакова. Результаты освещались в научных публикациях, а также в СМИ. Именно значительные результаты археологических, нумизматических и других комплексных исследований привели к тому, что номинация была успешной. Основные результаты научного изучения были приведены выше. Также вполне успешными были исследования других памятников на казахстанском отрезке Шелкового пути. В большинстве своем номинация достигла пока только того, что этим памятникам придан особый статус, однако реальное положение дел на памятниках не всегда меняется в лучшую сторону, даже через девять лет после номинации. Возможно, в этом есть определенная логика, памятники вдоль Сырдарьи также будут обладать конкретным статусом и, скорей всего на них значительно быстрее будет налажена вся туристская инфраструктура, управление объектом и его физическая охрана.

255 Chang C., Betecke N., Grigoriev F. P., Rosen A. M., Tourtellotte P. A. Iron Age society and chronology in South-east Kazakhstan // *Antiquity*. 2003. № 77. С. 298–312.

256 Бернштам А. Н. Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина». Сост. под рук. А. Н. Бернштама / МИА № 14. М.-Л.: 1950. С. 15

Обогадив центральные и национальные музеи Республики Казахстан артефакты из Каялыка и Талгара «работают» на имидж государства. Изображения артефактов вошли в издания по истории, археологии. Они свидетельствуют об оживленности Великого Шелкового пути об абсолютной вовлеченности населения средневековых Каялыка и Талгара в международную торговлю и ремесло. Номинация во Всемирное наследие еще раз подняло все эти вопросы. Государственные программы предусматривавшие археологические исследования таких памятников как Каялык и Талгар практически не предусмотрели их музеефикацию. На городище Талгар музеефикация большого квартала была произведена под руководством д.и.н. Т. В. Савельевой реставратором Т. С. Доцановой, фактически на археологические средства и силами археологов. Теперь это – практически, единственный музеефицированный объект на городище, который в значительной степени сам разрушается под открытым небом и обильными дождями. Можно привести примеры значительных капитальных вложений в культурное наследие памятников городской культуры в Шымкенте, Отраре, Туркестане, Сауране, Таразе, многих других. На них побывали миллионы туристов благодаря плотности потока паломников и туристов. Поток посетителей сам определяет места своего притяжения.

Каялык и Талгар обладают явным значительным туристским потенциалом. В первую очередь это подлинная история города, округи, отрезка торгового пути, реконструированная по целому комплексу источников, в случае с Каялыком – столичный город ханства карлуков, обладавшего значительной самостоятельностью в составе Восточного Караханидского Каганата. Объекты должны стать притяжением учащихся местных школ местом для экскурсий и прохождения практики студентов из Алматы и Талдыкургона. Долгие годы на городище Талгар регулярно приезжали студенты из Кемеровского Университета и это было взаимовыгодное сотрудничество Т. В. Савельевой и Н. М. Зинякова, проявившееся в плодотворных публикациях материала²⁵⁷.

Музеефицированные объекты средневекового Талгара Могут стать притяжением туристов из мегаполиса, а также и развитию международного туризма. Каялык находясь на республиканской трассе, куда летом едут многие тысячи отдыхающих, Талгар в непосредственной близости от мегаполиса Алматы, по дороге на зимний курорт Акбулак. Оставаясь единичными столь крупными памятниками своих микрорегионов. Однако несмотря на все свои возможности по популяризации интерес к этому наследию крайне незначителен. Можно было бы найти применение построенному мосту у городища через реку Талгар, но зарубежными экспертами постоянно предлагается его снести. Этот мост упростил бы доступ к памятнику со стороны Алматы. Кроме того, музею, не располагающему своей землей, можно было бы разместить на мосту небольшие легкие конструкции музея: офис и сам небольшой экспозиционный зал. Однако, пока и по этому вопросу взаимопонимания не получается найти.

Среди главных причин существующего в настоящее время незначительного спроса у широких слоев населения можно выделить отсутствие музеев и музеефицированного маршрута по объектам, а также инфраструктуры. На Каялыке полностью отсутствует и возможность человеческого общения с экскурсоводом или научным сотрудником. К сожалению, о том, чтобы внедрять некие новые технологии для привлечения внимания молодого поколения пока нет и речи. Трудно будет упрекать археологов, специалистов по городской культуре в том, что они мало уделяют внимания «раскрутке»

257 Зиняков Н. М., Савельева Т. В. Булатная сталь средневекового Тальхира. Реконструкция производства тигельной узорчатой стали // Известия НАН РК. Серия общественных наук. 2009. № 1. С. 200–210.

наследия этих памятников. Талгар охраняется штатным инспектором, на памятнике проводятся экскурсии описательного характера: отсутствуют экспонаты, экспозиция – приспособленная в «Дарбаза» выставка. Наследие городища изучается и регулярно публикуется, об этом можно судить и по последним работам, лишь частично упомянутым в списке использованной литературы.

Из положительного опыта можно выделить, что вся территория огорожена и все вопросы по вторжению на территорию городища (даже не в культурный слой) решаются цивилизованно. На Каялыке, по-прежнему отсутствует штат, охрана и какая-либо инфраструктура, некому рассказать про историю этого города, в течении полутысячелетия оказывавшего огромное влияние на ход истории целого региона. Была возведена ограда одного из объектов, позже она бесследно исчезла и т.д. Имеются дискуссии в отношении названия памятника и исторического названия города, как описывается выше, предлагается вариант Кайялык, как городской центр карлукского рода «Кайя».

Прошло 9 лет с момента номинации серии памятников городской культуры во Всемирное наследие, пишутся новые номинации по серийной номинации памятников, расположенных вдоль Сырдарьи и далее на Запад. Остается верить в то, что когда-нибудь современная музеефикация придет на Каялык и Талгар.

Использованные источники и литература:

- Базылхан Н. Монеты в фондах Центрального Музея // Труды Центрального музея: музейное дело, история, этнология, фольклористика, археология, антропология, историография, источниковедение, нумизматика. / Научный ред. Нурсан Алимбай. // На каз., рус., англ. языках. Алматы: Гылым, 2004. Вып. I. С. 354–363.
- Байпаков К. М. Антропоморфный сосуд из Талгар // Археологические открытия 1973 года / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. Москва: Наука, М., 1974. С. 466-467.
- Байпаков К. М., Савельева Т. В., Чанг. К. Средневековые города и поселения Северо-Восточного Жетысу. Приложение. Результаты анализов (Естественно-научные методы в археологии). 2-е изд., дополн. Алматы: Print-S, 2005. 187 с.
- Байпаков К. М., Воякин Д. А., Железняков Б. А. Раскопки на городище Каялык в 2004 г. // Культурное наследие, Алматы. 2005. С. 103-105.
- Байпаков К. М., Воякин Д. А. Средневековый город Каялык. Алматы: Print-S, 2007. 168 с.
- Байпаков К. М., Воякин Д. А., Акылбек С. Ш., Железняков Б. А., Каменьщиков М. В., Сорокин Д. В. Исследования средневекового Каялыка в 2006 г. // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» в 2006 г. Алматы, 2007. С. 150-153.
- Байпаков К. М., Воякин Д. А. Казахстанский отрезок Великого Шелкового пути в серийной номинации ЮНЕСКО. Алматы, 2012. 152 с.
- Байпаков К. М., Савельева Т. В., Камалдинов И. Средневековые города Илийской долины (Северо-Восточное Жетысу-Семиречье) на Великом Шелковом пути в VIII– XIV вв. // Народы и религии Евразии. 2020. № 3 (24). С. 7-34.
- Байпаков К. М., Железняков Б. А., Талеев Д. А. Краткий отчет по археологическим исследованиям в 2018 г. // Международный центр сближения культур под эгидой ЮНЕСКО. Рукопись. Алматы, 2018. 45 с.
- Байпаков К. М. Железняков Б. А. Камень с изображением креста из городища Каялык (новое в изучении христианства XII–XIV вв. регионов Жетысу– Иле-Шу) // Еуразиялық далалық өркениет: адам және тарихи-мәдени орта. Еуразия даласы археологиясы V халықаралық конгресінің материалдары (Түркістан қ., 11–14 қазан 2022 ж.). 5 томдық. Алматы – Түркістан: Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, 2022. 3 том. С. 209-219.
- Бартольд В. В. Работы по археологии, нумизматике, эпиграфике и этнографии // Сочинения. М., 1966. Т. 4. 497 с.

- Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья // Сочинения. М., 1969. Т II, ч. 1. С. 23-104 с.
- Баштанник С. В. Археоботанические находки на средневековых памятниках Семиречья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 4. С. 122-130.
- Бернштам А. Н. Памятники старины Алма-Атинской области // Известия АН КазССР. 1948. № 48. Серия археологическая. Вып. 1. С. 79-91.
- Бернштам А. Н. Таласская долина (1936-1938 гг.) Труды Семиреченской археологической экспедиции. Алма-Ата: АН Каз.ССР. 1949. 229 с.
- Бернштам А. Н. Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина». Сост. под рук. А. Н. Бернштама / МИА № 14. М.-Л.: 1950. 160 с.
- Воякин Д. А. Кузнечное ремесло Северо-Восточного Семиречья в средние века (по материалам городищ Талгар, Алматы). Автореферат диссертации на соискание к. и. н. Специальность. 07.00.06 - археология. Алматы.: 2010 г. 29 с.
- Головчинер В. Д. Китайский Туркестан (В. Г. Ананьев, М. Д. Бухарин) // Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX – первой трети XX века. Том IV. Материалы Русских Туркестанских экспедиций 1909–1910 и 1914–1915 гг. академика С.Ф. Ольденбурга / Под общ. ред. М. Д. Бухарина, В. С. Мясникова, И. В. Тункиной. Москва: «Индрик», 2020. С. 22-55.
- Городецкий В. Д. Талгарское городище // Известия Средазкомстариса. Ташкент: Средазкомстарис. 1928. Вып. 3. С. 49-55.
- Григорьев Ф. П., Нурпеисов М. М., Железняков Б. А. Опыт создания базы данных археологических источников Талгарского микрорегиона (Юго-Восточный Казахстан) // История и археология Семиречья. Вып. 3. Алматы, 2007. С. 143-147.
- Джувейни Ала-ад-Дин Ата-Мелик. Чингисхан. История завоевателя мира. М.: Магистр-Пресс, 2004. С. 49-50. 689 с.
- Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 677 с.
- Железняков Б. А. О раскопках водопровода на городище Каялык в 2006 г. // История и археология Семиречья. Вып. 3. Алматы, 2007. С. 152-158.
- Железняков Б. А. Мавзолеи и ханака средневекового Каялыка. О процессах исламизации в Северо-восточном Жетысу в XIII в. // Культурное наследие Евразии (с древности до наших дней). Сборник научных статей. Алматы, 2016. С. 154-178.
- Железняков Б. А. Культовое сооружение XIII в. на городище Каялык и манихейское наследие средневековой Центральной Азии // VII том альманаха Scripta antiqua. М.: Собрание, 2018. С. 24-40.
- Железняков Б. А., Жумай Г., Суатаева Д. С. Ортағасырлық Талғар аумағындағы ескерткіштер туралы археологиялық деректер // Абай атындағы ҚазҰПУ-нің Хабаршы «Тарих және саяси-әлеуметтік ғылымдар» сериясы. 2021. №1 (68). Алматы, С. 272-282.
- Железняков Б. А., Жумай Г., Железнякова В. Л., Казизов Е. С. Топоплан городища Талгар 2021 г. Некоторые вопросы типологии памятника // III Есік оқулары. «Орталық Азияның жазба ескерткіштері (аударма және интерпретациялау мәселелері)» тақырыбындағы Халықаралық ғылыми-тәжірибелік онлайн-конференциясының материалдар жинағы (Есік қ., 22 қараша 2022 ж.) / Жауапты редактор: Г. Р. Мухтарова. Алматы: «Есік» мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығы, 2022. С. 183-196.
- Зиняков Н. М., Савельева Т. В. Булатная сталь средневекового Тальхира. Реконструкция производства тигельной узорчатой стали // Известия НАН РК. Серия общественных наук. 2009. № 1. С. 200–210.
- Зиняков Н. М. Исторические предпосылки образования и развития средневековых городов Семиречья и Южного Казахстана // Вестник Кемеровского государственного университета. Кемерово, 2019. № 21 (4). С. 932-939.
- Исламизация и сакральные родословные в Центральной Азии: Наследие Исхак Баба в нарративной и генеалогической традициях / Отв. Ред. А. Муминов, Д. де Виз. Том 2. Генеалогические грамоты и сакральные семейства XIX-XXI веков: насаб-нама и группы ходжей, связанных с сакральным сказанием об Исхак Бабе. Алматы: Дайк-Пресс, 2008. 368 с.
- Карасев С. К. Древнетюркские топонимы Средней Азии // Советская тюркология, 1985, № 6. С. 23- 29.
- Копылов И. И. О названии города на месте Талгарского городища // Вопросы социально-экономической истории дореволюционного Казахстана. Алма-Ата: КПИ им. Абая, 1978. С. 61–65.

- Копылов И. И., Керекеша Л. И. Талкир (древний Талгар) – развилка великого шелкового пути // Археологические памятники на Великом Шелковом пути. Алматы, 1993. С. 122–136.
- Копылов И. И. Зеркала из Талгарского городища (к проблеме этнокультурных контактов) // Материалы по этнокультурным связям народов Дальнего Востока в средние века: сб. ст. / отв. ред. Э.В. Шавкунов. Владивосток: ДВО АН СССР, 1988. С. 70-78.
- Копылов И. И. Отчет об археологических раскопках на Талгарском урочище в мае-июне 1966 г. / Архив ИА, Фонд II, Опись 9, Дело 1012. 45 с.
- Кузнецова О. А., Савельева Т. В. (2019). Гончарное ремесло в средневековом Талгаре. Альбом. Алматы: ИА им.А. Х. Маргулана. 220 с.
- Летопись Жетысу / Составители: К. М. Байпаков, Г. А. Капекова. Алматы: Асыл сөз баспасы, 2012. 328 с.
- Маргулан А. Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата: изд-во и тип. Изд-ва Акад. наук Каз. ССР, 1950. 122 с.
- Мухтарова Г. Р., Железняков Б. А., Жумай Г. Бронзовые зеркала из Тальхира как источник по материальной культуре: исследования И.И. Копылова// Археология Казахстана. № 2(12), 2021. С. 43-60.
- Мякишева О. А. Японский фарфор период - Мейджи из коллекции Центрального Государственного музея Республики Казахстан// Туған Олке – Родной Край № 1-2 (15-16), Алматы, 2010. С. 44-48.
- Петров П. Н. Алматы в XIII–XIV вв. по нумизматическим данным // Древняя и средневековая урбанизация Евразии: взаимодействие, развитие и возраст города Алматы: Материалы международной научно-практической конференции. 17–18 ноября 2010 г. Алматы, 2012. Вып. 3. С. 23–27.
- Петров П. Н., Атыгаев Н. А., Белтенев Ж. М. Кайалык в памятниках нумизматики Чингизидов // МАИАСП, 2022, № 14. С. 369-381.
- Путешествие в восточные страны ПIANO Карпини и Гильома де Рубрука. Алматы, 1993. 270 с.
- Савельева Т. В. Формирование средневековых городов у кочевников (по материалам раскопок городища Талгар) // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата: Наука. 1989. С. 432-438.
- Савельева Т. В. Оседлая культура северных склонов Заилийского Алатау в VIII-XIII вв. Алматы: Гылым, 1994. 215 с.
- Юзеев А. Н. Арабский географ ал-Идриси (XII в.) о тюркских народах Средней Азии (продолжение) // Археология Евразийских степей, 2022, № 1. С. 230-236.
- Baipakov K. M., Chang C., Tourtellotte P., Grigoriev F. P. The Evolution of Steppe Communities from the Bronze Age through Medieval Periods in Southeastern Kazakhstan (Zhetysu). (The Kazakh – American Talgar Project 1994-2001). Sweet Briar (USA) Almaty, 2002. 178 p.
- Chang C., Berecke N., Grigoriev F. P., Rosen A. M., Tourtellotte P. A. Iron Age society and chronology in South-east Kazakhstan // Antiquity. 2003. № 77. С. 298–312.
- Silk Roads: Initial Section of the Silk Roads, the Routes Network of Tian-shan Corridor. URL: <https://whc.unesco.org/en/list/1442/> (Дата обращения: 10.07.2023)

ГОРОДИЩЕ ТАЛГАР (ТАЛХИЗ, ТАЛХИР) КАК ОБЪЕКТ ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ ЮНЕСКО: СТАТУС, ПРОБЛЕМЫ, ПУТИ РЕШЕНИЯ

Abstract. This article examines the current state of the medieval settlement of Talgar, a component of the transnational serial nomination by UNESCO, the “Silk Road: Chang’an-Tian-shan Corridor Network,” as well as the dramatic history of how questions of its preservation were and continue to be addressed. A multitude of threats affecting the condition of the World Heritage site are analyzed, along with the reasons behind their emergence. Based on official documents, the history of inadequate cooperation and contradictions among responsible executive bodies tasked with safeguarding historical and cultural monuments is presented. The role of the State Historical and Cultural Museum-Reserve “Esik” is demonstrated. Having taken control of the Talgar settlement in 2018, the museum-reserve collaborates with international experts and UNESCO organizations, specifically the designated authority, the ICOMOS National Committee of the Republic of Kazakhstan. This collaboration involves systematic efforts to mitigate threats to the monument. Presented are current threats to the monument that require swift intervention; potential solutions are proposed, along with recommendations for the monument’s future management.

Keywords: archaeological site, medieval settlement Talgar (Talkhiz), transnational serial nomination of UNESCO, heritage protection, museum-reserve “Esik”, UNESCO Convention, problems of development and management of monuments.

Историко-культурный памятник – средневековое городище Талгар (Талхиз, Талхир) находится в Алматинской области, на правом берегу одноименной реки, у въезда в горное ущелье, на южной окраине современного г. Талгар.

Находки, обнаруженные на территории памятника, свидетельствуют о нем как о центре развитой торговли в средние века, куда доставляли ценные товары из Китая, Ближнего и Среднего Востока²⁵⁸, Индии, Японии²⁵⁹

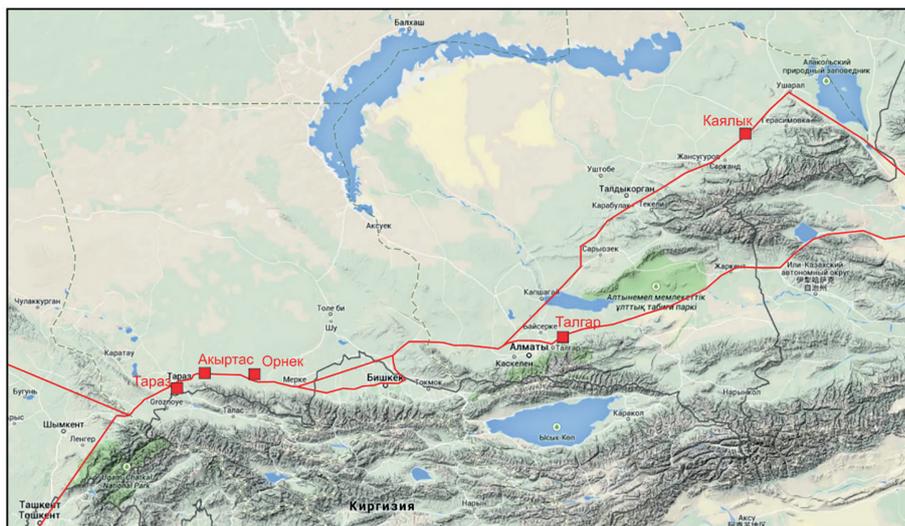

Рисунок. 1 – Семиреченский отрезок Великого Шелкового пути²⁶⁰

258 Маркова К. Ю. Бронзовые зеркала северо-восточного Семиречья в эпоху развития городской культуры (конец VIII-начало XIV вв.) // СибСкрипт. 2013. №4 (56). С. 36-40;

259 Байпаков К. М. Великий Шёлковый путь (на территории Казахстана). Алматы: «Адамдар», 2007. С. 67

260 Баштанник С. В. Семиреченский отрезок Великого Шёлкового пути // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 34. С. 137

Город Талхир имел развитые металлургическое²⁶¹, чугунолитейное²⁶², бронзолитейное²⁶³ и гончарное²⁶⁴ производства²⁶⁵. Исследователи выдвинули гипотезу о функционировании в XI–XII вв. в Талгаре монетного двора²⁶⁶. Талгарская керамика отличалась стилистическим своеобразием декора²⁶⁷. В городе действовало свое производство зеркал²⁶⁸.

Средневековый город Талгар имел узловое значение, отсюда Шелковый путь разветвлялся на южный и северный²⁶⁹.

Благодаря исследованиям определен возраст памятника. Город возник в VIII в. и бурно развивался вплоть до XIII в.²⁷⁰. Известные археологи А. Н. Бернштам и А. Х. Маргулан «установили тождество Тальхира и городища Талгар»²⁷¹, который впервые упоминается в «Слове об области халлухов и ее городах» персидского анонимного источника X в. «Худуд ал-Алам Мин Ал-Машрик Ила-Л-Магриб»²⁷². Возникновение города Талгар связывается исследователями с активизацией северного варианта Великого Шелкового пути. Перенос маршрута К. М. Байпаков объясняет тем, что в «Семиречье находились ставки тюркских каганов, которые контролировали торговые пути через Среднюю Азию... Важно, что тюркские каганы и их окружение стали крупными потребителями заморских товаров. Так постепенно этот путь стал главным: здесь проходила основная масса посольских и торговых караванов в VII–XV вв.»²⁷³.

О богатстве культурной жизни говорит неоднородность этнокультурной и конфессиональной ситуации в средневековом Талгаре, отличавшихся неоднородностью. В городище обнаружены буддийские артефакты, предметы христианского культа²⁷⁴.

261 Зиняков Н. М. Художественная обработка металла тиснением в средневековых городах северо-восточного Семиречья // Вестник КазГУКИ. 2012. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennaya-obrabotka-metalla-tisnieniem-v-srednevekovykh-gorodakh-severo-vostochnogo-semirechya> (Дата обращения: 15.06.2023).

262 Зиняков Н. М. Черная Металлургия и кузнечное ремесло в экономике средневековых городов Казахстана // СибСкрипт. 2012. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chernaya-metallurgiya-i-kuznechnoe-remeslo-v-ekonomike-srednevekovykh-gorodov-kazahstana> (Дата обращения: 15.06.2023).

263 Мухтарова Г. Р., Железняков Б. А., Жумай Г. Бронзовые зеркала из Тальхира как источник по материальной культуре: исследования И. И. Копылова // Археология Казахстана. 2021. № 2. С. 43-60. URL: <https://doi.org/10.52967/akz2021.2.12.43.60> URL: <http://www.archeokz.com/index.php/archeokz/article/view/179> (Дата обращения: 25.06.2023).

264 Маркова К. Ю. Изобразительные стили и приёмы в городской культуре Семиречья и Южного Казахстана (на примере антропо-зооморфной керамики и архитектурного декора) // СибСкрипт. 2014. №1 (57). С. 26-31

265 Байпаков К. М. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. Алматы: Ғылым, 1998. С. 159

266 Байпаков К. М., Воякин Д. А. Новые памятники в Списке Всемирного наследия ЮНЕСКО // Известия Национальной Академии наук Республики Казахстан. № 6. 2015. С. 135

267 Маркова К. Ю. Изобразительные стили и приёмы в городской культуре Семиречья и Южного Казахстана (на примере антропо-зооморфной керамики и архитектурного декора) // СибСкрипт. 2014. №1 (57). С. 27

268 Мухтарова Г. Р., Железняков Б. А., Жумай Г. Бронзовые зеркала из Тальхира как источник по материальной культуре: исследования И. И. Копылова // Археология Казахстана. 2021. № 2. С. 43-60. URL: <https://doi.org/10.52967/akz2021.2.12.43.60> URL: <http://www.archeokz.com/index.php/archeokz/article/view/179> (Дата обращения: 25.06.2023).

269 Байпаков К. М. Великий Шёлковый путь (на территории Казахстана). Алматы: «Адамдар», 2007. С. 68

270 Байпаков К. М. Великий Шёлковый путь (на территории Казахстана). Алматы: «Адамдар», 2007. С. 66

271 Байпаков К. М. Великий Шёлковый путь (на территории Казахстана). Алматы: «Адамдар», 2007. С. 65

272 Китаб Худуд ал-Алам Мин Ал-Машрик Ила-Л-Магриб (Книга о пределах мира от востока к западу) // Материалы по истории киргизов и Киргизии / Отв. ред. В. А. Ромодин, пер. З.Н.Ворожейкиной. Вып. 11. М.: Наука, 1973. С. 42

273 Байпаков К. М. Великий Шёлковый путь (на территории Казахстана). Алматы: «Адамдар», 2007. С. 36-37

274 Мухтарова, Г. Р., Железняков Б. А. Буддизм Илийской долины XII - начала XIII В.: о находках предметов буддийского культа на городище Талгар И. И. Копыловым // Народы и религии Евразии. 2021. Т. 26, № 3. С. 145-160. DOI 10.14258/nreug(2021)3-09; Железняков Б. А., Жумай Г. Предметы христианского и буддийского культа из городища Талгар XII– начала XIII вв. (материалы из архива И.И. Копылова. // Музей и наука. К

«По имеющимся археологическим данным из городища Талгар можно предположить, что со второй половины XI в. в долине Или доминирует ислам»²⁷⁵.

Таким образом, уникальность этого памятника безусловна. Она определяется как геостратегическим положением на северной трассе Великого Шелкового пути от древней столицы Китая – Чаньани через оазисы Хами, Турфан, Бешбалык, Шихо и Семиречье²⁷⁶ и статусом одного из торговых центров в средневековье, так и развитым местным производством.

The screenshot shows the UNESCO World Heritage Convention website. The main heading is "Silk Roads: the Routes Network of Chang'an-Tianshan Corridor". Below the heading are tabs for "Description", "Maps", "Documents", "Gallery", and "Indicators". The "Description" tab is active, showing a text block about the property's significance as a 5,000 km section of the Silk Roads network. To the right, there is a box with flags for China, Kazakhstan, and Kyrgyzstan, along with inscription details: "Date of Inscription: 2014", "Criteria: (ii)(iii)(v)(vii)", "Property: 42,668.16 ha", "Buffer zone: 189,963.1 ha", and "Dossier: 1442". Below this is a map of the site in Kazakhstan. At the bottom right, there is a "State of Conservation (SOC) by year" table with columns for 2021, 2018, 2017, and 2016.

Рисунок. 2 – Страничка с сайта ЮНЕСКО с информацией о номинации «Шелковый путь: сеть маршрутов Чанъань-Тяньшаньского коридора»

Историко-культурная значимость памятника стала основанием для включения городища Талгар (Талхиз, Талхир) в серийную трансграничную номинацию «**Шелковый путь: Сеть маршрутов Чанъань-Тянь-Шанского коридора**»²⁷⁷.

45-летию музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета, к 300-летию Кузбасса. Материалы международной научной конференции. Кемерово: КемГУ, 2022. С. 24-31.

275 Мухтарова, Г. Р., Железняков Б. А. Буддизм Илиийской долины XII - начала XIII В.: о находках предметов буддийского культа на городище Талгар И. И. Копыловым // Народы и религии Евразии. 2021. Т. 26, № 3. С. 147. DOI 10.14258/nreug(2021)3-09

276 Байпаков К. М. Великий Шёлковый путь (на территории Казахстана). Алматы: Адамдар, 2007. С. 36

277 Досье серийной трансграничной номинации «Шелковый путь: Сеть маршрутов Чанъань-Тянь-Шанского коридора». Silk Roads: the Routes Network of Chang'an-Tianshan Corridor // UNESCO. World

В июне 2014 года городище Талгар в качестве одного из компонентов Казахстанского участка Шелкового Пути включено на 39-й сессии Комитета Всемирного наследия (Доха, Катар) в объекты Всемирного наследия. Значимым является факт того, что это была первая номинация, связанная с маршрутами Шелкового Пути, которую приняли в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. В настоящее время номинация включает 33 памятника истории и культуры. Из них 22 объекта представляет Китай, 8 объектов приходится на Казахстан и 3 объекта находятся в Кыргызстане. Идентификационный номер номинации: No 1442. Номинация соответствует следующим критериям ЮНЕСКО: (ii), (iii), (v) и (vi).

Серийная «транснациональная номинация Шелкового пути является одной из самых многообещающих концепций для правильной оценки значимости богатого культурного наследия Центральной Азии». Ее продвижение создает возможность «для дальнейшего современного международного обмена, дружбы, и сотрудничества, и продвижения общего процветания, в форме, которая уважает историю, признавая сегодняшние реалии»²⁷⁸.

Вклад компонента **Талгар (S01-KZ)** в выдающуюся универсальную ценность маршрута Шелкового Пути определяется как важный узловой торговый центр, возникший в эпоху раннего средневековья в долине реки Или на начальном отрезке Шелкового Пути.

История включения памятника в указанную номинацию нашла отражение в ряде работ К. М. Байпакова, Д. А. Воякина (2011, 2015)²⁷⁹, С. В. Боштанника (2016)²⁸⁰.

Все сказанное выше несмотря на высокий уровень культурной значимости памятника, усложнялось его близостью к современному городу Талгар. Данное

Heritage Convention. Ref: 1442: URL: <http://whc.unesco.org/en/list/1442>

278 Шелковый путь Центральной Азии. Серийные номинации Центральной Азии. Алматы: UNESCO World Heritage Centre / Редакторы: Р. Лин Чи Хунг, Ю. Пешков, Н. Турекулова. ICOMOS / Kazakhstan. Алматы: Издательством СПРФ «Кумбез», 2012. С. 44

279 Байпаков К. М., Воякин Д. А. Казахстанский отрезок Великого Шелкового пути в серийной номинации ЮНЕСКО. Алматы, 2011. 152 с.; Байпаков К. М., Воякин Д. А. Новые памятники в Списке Всемирного наследия ЮНЕСКО // Известия Национальной Академии наук Республики Казахстан. № 6. 2015. С. 128-135

280 Баштанник С. В. Семиреченский отрезок Великого шёлкового пути // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 34. С. 134-141

обстоятельство до сих пор вызывает тревогу за судьбу выдающегося памятника. Поэтому в настоящей работе автор хотел бы представить всю палитру различных проблем, которые возникли перед коллективом Государственного историко-культурного музея-заповедника «Иссык»²⁸¹, когда ему передали в управление городище Талгар (Талхиз), на основании постановления акимата Талгарского района Алматинской области от 26 июня 2018 года № 06-330. Музей-заповедник получил в свое ведение помимо некрополей Иссык, Рахат и Орикты четвертый объект – городище Талгар, который к тому же имел высокий международный статус и, к сожалению, значительный багаж нерешенных проблем.

Итак, цель настоящей статьи – репрезентация всех прежних и ныне существующих угроз, объективно влияющих на состояние памятника, анализ причин их возникновения и предложения по дальнейшему управлению памятником. В основе исследования – официальные документы, отражающие изменения статуса и использование памятника на протяжении последних лет, а также опыт работы по его сохранению.

В 2008 г. городище Талгар под номером 53 обрел статус историко-культурного памятника республиканского значения²⁸². Ко времени передачи памятника решением Алматинского областного маслихата № 18-118 от 15 июня 2013 года были утверждены границы памятника (20,8 га), его охранный зона (55,7 га), зона регулирования застройки (27,0 га) и охраняемого природного ландшафта (281,5 га). До вынесения данного решения территория городища Талгар занимала 4 га земли, после его принятия – увеличилась до 20,8 га (Рис. 3-4).

Проблемы, связанные с сохранностью городища Талгар и пути их решения

Проблемы сохранения городища Талгар – историко-культурного памятника республиканского значения имеют давнюю историю. Их поднимали еще во время археологических раскопок. Ученые и общественность били тревогу по поводу уничтожения памятника прокладкой водопроводных труб на его территории, построенных вплотную к главной стене городища особняков и питейного заведения, незаконности выдачи разрешений на их возведение в охраняемой зоне, отсутствия ограждения и охраны и т. п.²⁸³. Из-за того, что территорию памятника в свое время не огородили, местное население использовало ее под пастбище, футбольное поле и мусорную свалку. Через территорию городища проходила грунтовая дорога, связывавшая дачный массив с городом (Рис. 3). После неоднократных обращений музея-заповедника «Есік» в адрес акимата Талгарского района, осуществлен перенос дороги в обход территории памятника, что позволило исключить на территорию памятника несанкционированных вторжений частного транспорта, животных и людей. Длина проложенного участка составляет 300 м, ширина 1 м.

281 С 2021 года он стал называться Государственный историко-культурный музей-заповедник «Есік».

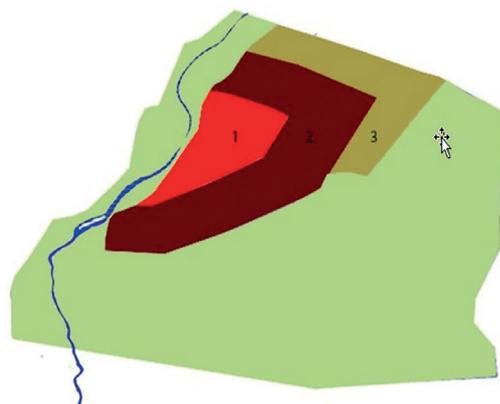
282 Об утверждении Государственного списка памятников истории и культуры республиканского значения. Постановление Правительства РК от 21 марта 2008 г. № 279 (утратило силу постановлением Правительства Республики Казахстан от 10 июня 2015 года № 426). URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P080000279>_(Дата обращения: 11.06.2023).

283 Коэмец Е. Разбазариваем наследство предков // Караван. 13.07.2012. URL: <https://www.caravan.kz/gazeta/razbazarivaem-nasledstvo-predkov-64542/>_(Дата обращения: 11.06.2023); Коэмец Е. Отомстили за статью? // Караван. 20.07.2012. URL: <https://www.caravan.kz/gazeta/otomstili-za-statyu-64635/>_(Дата обращения: 11.06.2023)

Рисунок 3 - границы памятника
Талгар – 20,8 га

1. Площадь городища: 20,8 га.
2. Площадь охранной зоны: 55,7 га.
3. Площадь зоны регулирования застройки: 27,0 га.
4. Площадь зоны охраняемого природного ландшафта: 281,5 га.
5. Всего: 385 га.

Рисунок 4 – карта-схема границ охранной
зоны, зоны регулирования застройки и зоны
охраняемого природного ландшафта
городища Талгар

Истоком множества проблем являлось многолетняя нерешенность вопросов по землепользованию, инженерным сетям (водопровод, ирригационная система, линия электропередач), грунтовой дороги, проходившей непосредственно по территории памятника. В 2015-2016 гг. к ним добавилась еще одна – строительство моста, которая вызвала серьезную обеспокоенность не только в республике²⁸⁴, но и в ЮНЕСКО.

С конца октября по начало ноября 2016 года в Казахстане находилась рабочая группа оперативной мониторинговой миссии в составе представителей ЮНЕСКО и Международного совета по сохранению памятников и достопримечательных мест (ICOMOS).

На 41 сессии ЮНЕСКО (Краков, Польша), состоявшейся 2-12 июля 2017 г., в рамках отчета экспертов рассматривалось состояние сохранности объектов трансграничной номинации «Шелковый путь: сеть маршрутов Чанъань-Тяньшаньского коридора» (Китай, Казахстан, Кыргызстан) (С 1442), внесенных в список Всемирного наследия, где отдельно речь шла о рекомендациях, касающихся Талгарского компонента (S 01-KZ).

В отчете отмечалось, что эксперты дважды осматривали Талгарское городище и подробно изучили состояние памятника, его буферной зоны, оценили ситуацию с дорогой и строительством моста вместе с альтернативными вариантами, предложенными для изменения маршрута. Они с сожалением отмечали, что большинство рекомендаций, данных Консультативной миссией ICOMOS в марте 2016 г. и 40-й сессии Комитета Всемирного наследия (Решение 40 COM 7B.34) не были реализованы. Ситуация объяснялась отсутствием понимания необходимости сотрудничества с международными консультативными органами Конвенции о Всемирном наследии. Подобное отношение со стороны государства-участника Конвенции вызывало сильную обеспокоенность по

284 Азаров А. Тальхиз: история, которую не ценят. 10 ноября 2016, 08:03. URL: <https://rus.azattyq.org/a/gorodishe-talhiz-archeology/28105954.html> (Дата обращения: 11.06.2023)

поводу его готовности и способности обеспечить надлежащую защиту городища Талгар – компонента объекта Всемирного наследия. Вместе с тем в отчете приветствуется решение Вице-премьер-министра Казахстана И. Н. Тасмагамбетова от 27 октября 2016 г. о введении моратория на строительство дороги и координации между всеми соответствующими национальными и местными органами власти, чтобы избежать негативного воздействия на памятник²⁸⁵.

30 ноября 2017 года государство-участник Казахстан представило документацию о ходе выполнения Планов управления в том числе по Талгарскому компоненту вместе с двумя новыми вариантами альтернативного проекта дороги, вне границ территории памятника. В отчете Министерства культуры и спорта Республики Казахстан о состоянии сохранности объектов Всемирного наследия от 31 января 2018 года отмечается, что управление Талгарским участком передано Государственному историко-культурному заповеднику-музею «Иссык»²⁸⁶. Для Талгара предусматривалось разработать генеральный план, в котором будут определены охраняемые зоны и зоны застройки, а также их использование. В рамках указанного плана рассматривались два альтернативных маршрута автодороги Бирлик-Акбулак, проходящих в обход всех охраняемых зон (как культурных, так и природных). Оба маршрута начинаются с уже построенной дороги, а предпочтительный вариант предполагает снос зданий в зонах отдыха и заселения со строительством нового моста через реку Талгар²⁸⁷.

Касательно моста через реку Талгар (на 6,69 – 6,97 км автодороги «Бирлик-Алмалык-Рыскулова-Береке-Акбулак»), непосредственно примыкающего к северной части городища Талгар, то Казахстан предложил сохранить мост и использовать его в ходе обслуживания посетителей. В 2017 г. мост Управлением пассажирского транспорта и автомобильных дорог Алматинской области передан на баланс Управления культуры, архивов и документации той же области²⁸⁸. В 2019 году музеем-заповедником «Есік» в адрес Межправительственного координационного комитета по Всемирному наследию Шелкового пути номинации (ИСС) и, в частности, его Секретариата, базирующегося в ICOMOS, направил предложения по использованию моста. В своем ответе указанные организации настаивали на демонтаже моста и повторно призвали Казахстан, как Государство-участника предоставить по этому поводу необходимую информацию на рассмотрение Всемирного комитета по наследию на его 46-й сессии. Со своей стороны Управление культуры, архивов и документации Алматинской области, на балансе которого находится мост, направил в Секретариат ICOMOS отчет с обоснованием целесообразности моста. Сложность заключается в том, что вблизи территории городища отсутствует участок для строительства офиса, который бы обеспечивал сохранность

285 REPORT ON THE JOINT WORLD HERITAGE CENTRE / ICOMOS REACTIVE MONITORING MISSION TO THE KAZAKSTAN SECTION (Aktobe Stepniskoe, Kulan, Kostobe, Ornek, Akyrtas, Kayalyk, Karamergen, Talgar) within the serial, transnational World Heritage property of the SILK ROADS: THE ROUTES NETWORK OF CHANG'ANTIANSAN CORRIDOR (CHINA, KAZAKHSTAN, KYRGYZSTAN) (C 1442) FROM 31 OCTOBER TO 9 NOVEMBER 2016. P. 6

286 2015-2017 Conservation Report of "SILK WAY: ROUTE NETWORK OF THE CHANGAN - TIENSHAN CORRIDOR": of the Republic of Kazakhstan. The report was prepared by the Ministry of Culture and Sports of the Republic of Kazakhstan. 2018. P. 4

287 REPORT ON THE JOINT WORLD HERITAGE CENTRE / ICOMOS REACTIVE MONITORING MISSION TO THE KAZAKSTAN SECTION (Aktobe Stepniskoe, Kulan, Kostobe, Ornek, Akyrtas, Kayalyk, Karamergen, Talgar) within the serial, transnational World Heritage property of the SILK ROADS: THE ROUTES NETWORK OF CHANG'ANTIANSAN CORRIDOR (CHINA, KAZAKHSTAN, KYRGYZSTAN) (C 1442) FROM 31 OCTOBER TO 9 NOVEMBER 2016. P. 6

288 На основании Постановления акима Алматинской области от 15 сентября 2017 г. № 369 и согласно № акта / кадастра 03-057-008-735, 03-057-021-0063 02 октября 2017 г.

и управления памятником. Реконструкция входных северных ворот цитадели и башни (дарбаза) находится из-за постоянных подтоплений в аварийном состоянии и непригодна для использования (Рис. 5). При таких обстоятельствах мост является ресурсом, который можно использовать. Он непосредственно примыкает к территории городища. На нём и частично прилегающем к нему участке возможно разместить офис управления памятником, который не только не создаст угрозы состоянию памятника, но и одновременно будет решать несколько сопутствующих задач – станет визит-центром для экскурсионных групп, совмещающим в себе мини-кинотеатр для просмотра информационных фильмов о памятнике, небольшое выставочное пространство и необходимые бытовые удобства для приема посетителей. Офис может стать базой для дальнейших археологических исследований и работы с волонтерами (музей-заповедник «Есік» уже имеет опыт такого сотрудничества на раскопах могильника Орикты, где работала первая народная экспедиция «Нурмуханбетов Экскавейшн!»). В связи с тем, что музей-заповедник «Есік» до настоящего времени не имеет ни одного подлинного артефакта, обнаруженного на городище Талгар, виртуальное представление о памятнике и его истории является пока единственно возможным вариантом, поскольку находки, обнаруженные в результате археологических исследований, находятся в собраниях многих музеев страны. Нам представляется, что медийная презентация в помещении офиса станет главной возможностью представления памятника. В настоящее время надеемся на положительный ответ ЮНЕСКО по вопросу строительства офиса на мосту для обеспечения управлением объектом наследия.

Рисунок 5 – Вид на входные северные ворота цитадели и башню (реконструкция РГП «Казреставрация» 2014 г.) Фото А. Азарова, 30 октября 2016 года.

Помимо проблемы со строительством дороги и моста Комитет всемирного наследия, принимая во внимание решения и рекомендации Консультативной миссии (ICOMOS) по Талгару, принятых в марте 2016 года, отметил частичное разрушение исторической структуры Талгара и его морфологии, утраты охраняемого археологического слоя,

ущерба, нанесенного историческому природному ландшафту Талгарского объекта Всемирного наследия (S 01-KZ) и высказал также свое отношение к работе по реконструкции въездных северных ворот цитадели и башни городища, которые в 2014 г. реконструировало РГП «Казреставрация». Эксперты ICOMOS настоятельно рекомендовали прекратить работы по их реконструкции и исключить возможность какой-либо реконструкции при отсутствии полной и подробной документации, в соответствии с пунктом 86 Оперативного руководства, и со ссылкой на Хартию ICOMOS по защите и управлению археологическим наследием (1990), что требует предельной аккуратности при обращении с археологическим наследием и поиске для баланса с потребностями презентации наследия²⁸⁹.

К проблемам, связанным с непониманием местных властей ценностного потенциала городища Талгар, одной из актуальных проблем остается активность владельцев земельных участков вблизи памятника. Периодически частные лица, чья собственность расположена в зоне охраняемого природного ландшафта (буферной зоны), прилегающих к городищу, инициируют различные бизнес-проекты, которые могут повлиять на ее целостность и первозданность. Вопрос допустимости строительства в буферной зоне, представляющей исторический ландшафт – зону охраняемой природной среды близ памятника – один из самых болезненных. С ним музей-заповедник сталкивается периодически. Наиболее заметный среди них – проект «Eco Village Talgar». Начиная с лета 2021 года, владелец территории, находящейся в буферной зоне (Рис. 6) г-жа А. Т. Мырзагалиева, для получения разрешения на строительство экогородка в рамках указанного проекта, не удовлетворившись ответами музея-заповедника «Есік», Комитета культуры МКС РК, в которых на основе действующих казахстанских и международных законодательных актов отмечалась недопустимость строительства в буферной зоне.

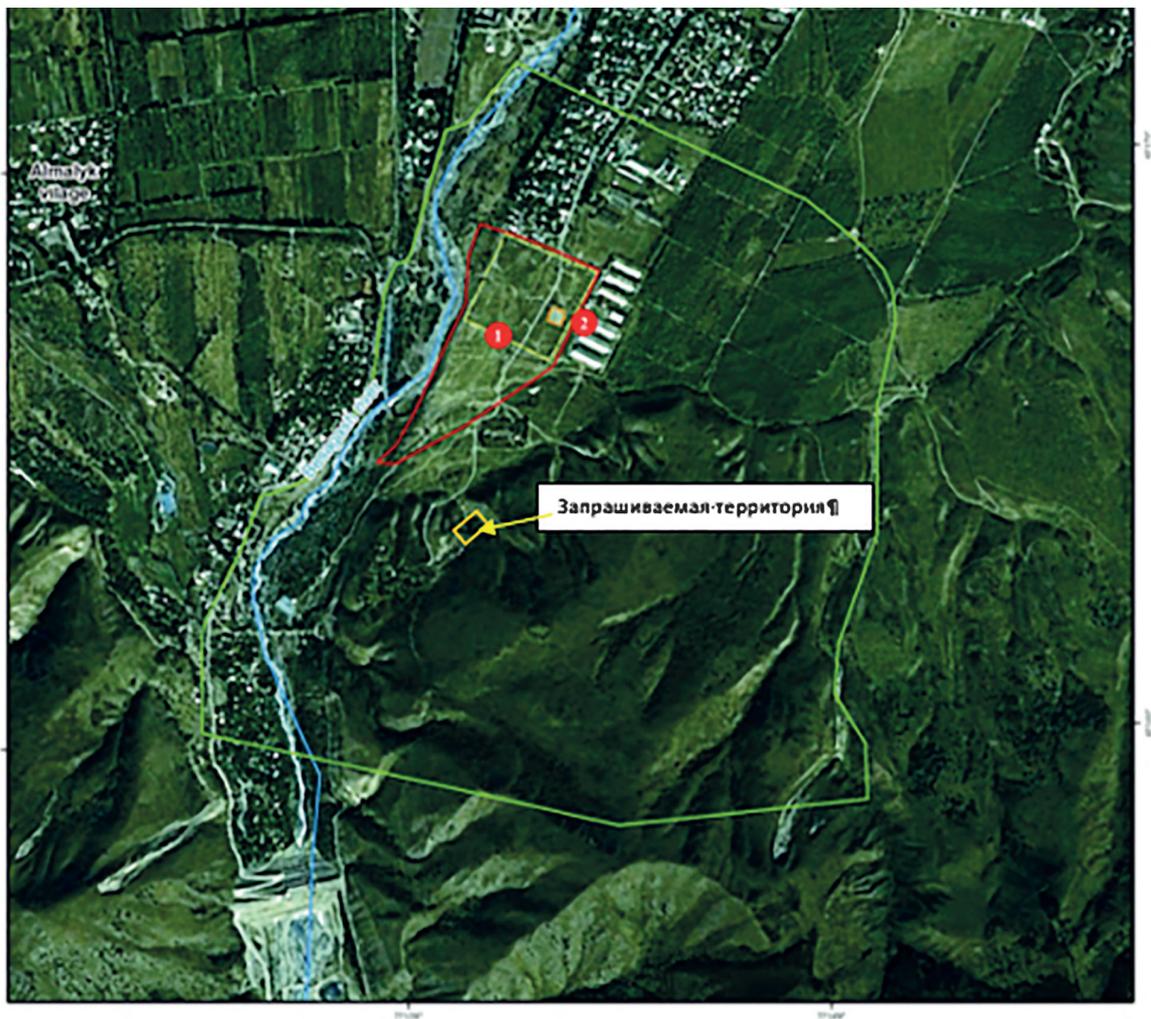
Для обеспечения прозрачности сложившейся ситуации и учитывая международный статус памятника, Комитет культуры МКС РК инициировал исследование с целью оценки влияния проекта «Eco Village Talgar» на городище Талгар. Группа региональных экспертов, специалистов Международного института изучения Центральной Азии (МИЦАИ) доктор Дм. Воякин и А. Фейзулаев подготовили заключение на проект, инициируемый г-жой А. Т. Мырзагалиевой.

По результатам экспертизы довольно скромного по объему эскизного проекта, состоящего из 6 страниц, 17 июня 2022 года подготовлено солидное экспертное заключение на 128 страницах, основанное на кабинетной работе, архивных и полевых исследованиях, а также с учетом консультаций с соответствующими заинтересованными сторонами. Отмечая отсутствие детально разработанного проектного предложения, эксперты выразили надежду на то, что объем и масштабы строительства экодереви с глэмпингом не повлияют на природный ландшафт памятника²⁹⁰ и признают, что масштабы и последствия изменений, вызванных строительством незначительны. В целом рекомендации, несмотря на ряд условий, носят положительный характер для строительства. Такая оценка сомнительного проекта в виде 6-тистраничного эскиза и оптимизм экспертов вызывает, по меньшей мере, недоумение.

289 REPORT ON THE JOINT WORLD HERITAGE CENTRE / ICOMOS REACTIVE MONITORING MISSION TO THE KAZAKHSTAN SECTION (Aktobe Stepniskoe, Kulan, Kostobe, Ornek, Akyrta, Kayalyk, Karamergen, Talgar) within the serial, transnational World Heritage property of the SILK ROADS: THE ROUTES NETWORK OF CHANG'ANTIANSHAN CORRIDOR (CHINA, KAZAKHSTAN, KYRGYZSTAN) (C 1442) FROM 31 OCTOBER TO 9 NOVEMBER 2016. P. 8

290 Voyakin Dm., Feyzulayev A. Heritage Impact Assessment 2022. Eco Village Talgar project. Buffer Zone of the site of Talgar Silk Roads: the Routes Network of Chang'an-Tianshan Corridor Almaty province, Republic of Kazakhstan. Tashkent: ICAS, 2022. С. 5, 62-64

LEGEND

- Nominated Property
- Buffer Zone
- Boundary of Elements
- City Wall

- Primary Remains**
- ❶ City Walls
 - ❷ Residential Community

Area (ha.)	
Nominated Property	(55.7 ha)
Buffer Zone	(329.3 ha)

Рисунок 6 – Объект Всемирного наследия – Талгар (S01-KZ) и запрашиваемая под строительство экодереvни территория (проект «Eco Village Talgar»). С высоты птичьего полета. Из номинационного досье городища объекта ЮНЕСКО

В течении более чем двух лет вопрос рассматривался на уровне местного исполнительного органа, МКС РК, Национального комитета, ICOMOS и ЮНЕСКО. И, наконец, только после ответа ЮНЕСКО от 26 сентября 2022 года с предложением рассмотреть альтернативные варианты строительства экодереvни с глэмпингом за пределами территории объекта наследия и его буферной зоны вопрос был исчерпан.

Сам факт подобного разбирательства говорит о необходимости продолжения работы в правовом ключе с целью недопущения аналогичных случаев.

Несмотря на то, что в Казахстане предусмотрен правовой порядок при

проведении восстановительных или новых строительных работ «на территориях памятников истории и культуры, включенных в Список всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО, уполномоченным органом предварительно через Министерство иностранных дел Республики Казахстан направляется уведомление в Комитет всемирного наследия ЮНЕСКО в соответствии с Конвенцией об охране всемирного культурного и природного наследия» и запрет проведения «работ, которые могут создавать угрозу существованию объектов историко-культурного наследия» из-за отсутствия детальной конкретики в законе «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия»²⁹¹ в виде уточнений, касающихся изменения границ охранных зон, зон регулирования застройки и зон охраняемого природного ландшафта объектов историко-культурного наследия постоянно возникают коллизии, актуализирующие поползновения на них со стороны частных лиц и местных властей.

Указанная ситуация показывает необходимость проведения на постоянной основе обучения правовой грамотности в области международного права по проблемам сохранения развития и управления объектами Всемирного наследия не только среди сотрудников музеев-заповедников и других учреждений, ведущих работу по управлению объектами наследия, но также и сотрудников государственных структур (районных, областных акиматов), призванных обеспечивать на должном уровне охрану историко-культурного наследия. Последнее особенно актуально в свете решения Алматинского областного маслихата от 8 августа 2022 года № 24-119²⁹². Летом 2022 года не ставя в известность музей-заповедник «Есік» и, опираясь на законы Республики Казахстан «О правовых актах»²⁹³ и «О местном государственном управлении и самоуправлении в Республике Казахстан»²⁹⁴ вразрез международным актам, призванным обеспечивать сохранность памятников всемирного наследия, маслихат отменяет собственное решение «Об утверждении границ охранных зон, зон регулирования застройки и зон охраняемого природного ландшафта объектов историко-культурного наследия «Городище Талгар», «Городище Каялык», «Городище Карамерген»,²⁹⁵ , принятое в 2013 году²⁹⁶. Основанием

291 Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия. Закон Республики Казахстан от 26 декабря 2019 года № 288-VI ЗРК. Статья 30. Обеспечение сохранности объектов историко-культурного наследия при освоении территорий пп. 2-3 URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1900000288#z187> (Дата обращения: 11.06.2023).

292 О признании утратившим силу решения Алматинского областного маслихата от 28 июня 2013 года № 18-118 «Об утверждении границ охранных зон, зон регулирования застройки и зон охраняемого природного ландшафта объектов историко-культурного наследия «Городище Талгар», «Городище Каялык», «Городище Карамерген». Решение маслихата Алматинской области от 8 августа 2022 года № 24-119. Зарегистрировано в Министерстве юстиции Республики Казахстан 9 августа 2022 года № 29058. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V22D0029059> (Дата обращения: 11.06.2023).

293 О правовых актах. Закон Республики Казахстан от 6 апреля 2016 года № 480-V ЗРК. Статья 27. Оформление нормативных правовых актов о признании нормативных правовых актов утратившими силу. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1600000480#z27> (Дата обращения: 11.06.2023).

294 О местном государственном управлении и самоуправлении в Республике Казахстан. Закон Республики Казахстан от 23 января 2001 года № 148. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z010000148_#z9 (Дата обращения: 11.06.2023).

295 О признании утратившим силу решения Алматинского областного маслихата от 28 июня 2013 года № 18-118 «Об утверждении границ охранных зон, зон регулирования застройки и зон охраняемого природного ландшафта объектов историко-культурного наследия «Городище Талгар», «Городище Каялык», «Городище Карамерген». Решение маслихата Алматинской области от 8 августа 2022 года № 24-119. Зарегистрировано в Министерстве юстиции Республики Казахстан 9 августа 2022 года № 29058. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V22D0029059> (Дата обращения: 11.06.2023).

296 Об утверждении границ охранных зон, зон регулирования застройки и зон охраняемого природного ландшафта объектов историко-культурного наследия «Городище Талгар», «Городище Каялык», «Городище Карамерген». Решение маслихата Алматинской области от 28 июня 2013 года N 18-118. Зарегистрировано Департаментом юстиции Алматинской области 15 июля 2013 года N 2394. Утратило силу решением Алматинского областного маслихата от 8 августа 2022 года № 24-119 URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V13D0002394> (Дата обращения: 11.06.2023).

для отмены решения маслихата является необходимость приведения охранных зон, зон регулирования застройки и зон охраняемого природного ландшафта объектов городища Талгар в соответствие с новым Законом об охране и использования памятников, принятым 26 декабря 2019 года. Однако, принятое решение от 8 августа 2022 года № 24-119 имеет уже сегодня проблемные для памятника последствия. К настоящему времени число лиц, обратившихся на получение разрешения на строительство на близлежащих к памятнику участках, неуклонно растет. К сожалению, в охранной зоне появляются новые постройки. На письменное обращение музея-заповедника в уполномоченный орган – МКС РК с просьбой разъяснить ситуацию и подсказать пути решения официального ответа нет.

На момент утверждения зон регулирования застройки и охраняемого природного ландшафта к памятнику примыкали частные владения с жилыми домами и хозяйственные постройки, которые в последующем создали множество проблем для сохранности памятника.

Одними из самых пагубных для памятника остаются проблемы с системой водоснабжения. Система представляла собой городской водопровод (d трубы – 50 см) и ирригацию (арыки) для полива частных огородов. Она проходила непосредственно по территории городища и на протяжении многих лет наносила памятнику непоправимый ущерб. Проложенный еще в советское время действующий городской водопровод из-за периодических порывов затапливал памятник, нарушая целостность культурных слоев. Для решения данного вопроса в 2020 г. разработана проектно-сметная документация, на которое музеем-заповедником составлено экспертное археологическое заключение. В 2022 г. Жилищно-коммунальное хозяйство и жилищная инспекция «Теплоэнергострой» начали работу по прокладке водоканализационных труб длиной 700 м (стоимостью 72 млн. тг) в обход городища. На сегодня объем выполненных работ составляет 90 %, но из-за судебных разбирательств между заказчиком и подрядчиком работа приостановлена. В результате запуск нового водопровода отложен до неопределенного времени.

Работа старого водопровода из-за постоянных прорывов и протечек привела к угрозе разрушения здания входной группы (дарбазы), под которой протянута водопроводная труба. Внутри здания находится колодец, который периодически из-за частных аварий заполняется водой. Здание дарбазы из-за повышенной влажности находится в аварийном состоянии. Соответственно использование входной группы для осмотра посетителями территории памятника не представляется возможной. Вопрос с водоканализационными сетями остается открытым.

К настоящему времени решен вопрос переноса, проходившей прежде через территорию памятника действующей линии электропередач.

В соответствии с требованиями ЮНЕСКО с трёх сторон городища установлены информационные щиты с информацией о памятнике, его датировкой и статусом объекта наследия, находящегося под эгидой ЮНЕСКО. У входной части городища ЮНЕСКО установлена информационная доска.

Рисунок. 7 - Информационная панель.

Территория памятника Талгар составляет по периметру 2101 м. Старым ограждением до 2018 г. было охвачено лишь 450 м. В соответствии с действующим законодательством Казахстана²⁹⁷ с целью обеспечения надлежащего режима сохранности охранной зоны памятника и его исторической целостности в 2019 году на основе выделенного финансирования установили ограждение (450 м решеток) на 1651 м., по всему периметру памятника. Ежегодно производится обход и ремонт ограждений. Своевременное обеспечение охраны позволило исключить случаи краж металлических решеток, из которых состоит ограждение. Однако несмотря на то, что грабителей, крадущих для сдачи в металлолом решеток, задерживают, воры платят лишь символический штраф, в то время как музею-заповеднику приходится из своих средств вновь восстанавливать ограждение.

Естественно, все указанные проблемы, отсутствие надлежащего ухода приводили к захламленности территории городища. В первый же год после передачи памятника в управление музею-заповеднику «Есік» силами сотрудников совместно с молодежным обществом «Жасыл ель», основанном при акимате Талгарского района, организовали «субботник». В результате уборки территории и очистки от многолетних зарослей сорняков с территории памятника вывезли около 4 кубометров мусора. Периодически проводимые акции по уборке территории памятника стали своеобразной демонстрацией для местного населения, предупреждающей его использование для свалки мусора. На протяжении 2020-2022 гг. в тесном сотрудничестве музея-заповедника «Есік» с Центром занятости Талгарского района выделяются несколько рабочих для помощи в уборке территории, что значительно способствует приведению территории городища в надлежащий вид.

297 Об утверждении Правил определения охранной зоны, зоны регулирования застройки и зоны охраняемого природного ландшафта памятника истории и культуры и режима их использования. Приказ Министра культуры и спорта Республики Казахстан от 14 апреля 2020 года № 86. Зарегистрирован в Министерстве юстиции Республики Казахстан 15 апреля 2020 года № 20395. Глава 3. Режим использования охранной зоны, зоны регулирования застройки и зоны охраняемого природного ландшафта памятника истории и культуры URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000020395> (Дата обращения: 15.06.2023).

Рисунок. 8. Уборная.

В настоящее время сохраняется проблема с организацией посещения объекта. Включение памятника в карту туристических маршрутов затрудняется отсутствием необходимой инфраструктуры для приёма посетителей и туристов. До сих пор нет элементарных санитарных условий для посетителей. В 2020 г. Жилищно-коммунальным хозяйством и инспекцией ТОО «Sky net» Талгарского района построен туалет (стоимость 9 млн тг). Однако его использование

невозможно, поскольку он не сдан эксплуатацию из-за судебных разбирательств.

Но, несмотря на отсутствие элементарных условий работы непосредственно на территории городища сотрудниками проводятся экскурсии на трёх языках: казахском, русском, английском.

Для обеспечения сохранности памятника Государственный музей-заповедник «Есік» тесно взаимодействует с общественностью города Талгар, учеными. «Городище «Талгар» - мировое культурное наследие вдоль Шелкового пути», организованном управлением культуры Талгарского района в конце 2021 г. рассматривался вопрос о строительстве в Талгаре историко-краеведческого музея, а также перспективы спасения памятников на территории Талгарского района. В ходе встречи нами была высказана мысль о том, что открытие в городе Талгар краеведческого музея, в экспозиции которого особое внимание будет уделено личности и деятельности известного отечественного ученого-археолога и уроженца г. Талгар – К. М. Байпакову. Заслуга К. М. Байпакова в понимании значимости памятника в контексте истории Центральной Азии и Великого Шелкового пути бесспорна. Он стал певцом Талгара, он посвятил этому памятнику значительное число своих работ. Кроме того, уверена, что открытие нового музея скажется самым благоприятным образом на сохранение городища Талгар²⁹⁸.

Рисунок. 9. Семинар «Городище Талгар Мировое культурное наследие вдоль Шелкового пути». г.Талгар, 2022 г.

Рисунок. 10. «Тарихы терең Талхиз» научно-практический семинар. г.Талгар. 2023 г.

298 Морозов М. Найдутся ли деньги на сохранение всемирного наследия? URL: https://inbusiness.kz/ru/stop_cadre/najdutsya-li-dengi-na-sohranenie-vsemirnogo-naslediya?fbclid=IwAR0SKM6Q_AfzECZZROfmzxnHhJ15hwtXz-dd12FhleoBUgOzp13qbNmrlH8/ 05.12.21, 12:01 (Дата обращения: 11.06.2023)

Таким образом, начиная с 2018 года Государственный музей-заповедник «Есік», на протяжении последних пяти лет добился существенных результатов в деле сохранения городища Талгар. Безусловно, работа по сохранению уникального объекта Всемирного наследия – процесс долгий, требующий последовательности и тесного взаимодействия с другими государствами-участниками трансграничной номинации «Шелковый путь: Сеть маршрутов Чаньань-Тянь-Шанского коридора», международными институциями ЮНЕСКО. Не все проблемы решены, некоторые на стадии согласования с местными органами власти, международными институтами ЮНЕСКО, но уже имеется опыт работы, видение ее дальнейшей перспективы.

На наш взгляд, постоянная работа с местным населением и актуализация новых сведений о памятнике расширяет возможности для его сохранения и управления. Поэтому научные исследования городища Талгар, проводимые музеем-заповедником «Есік» являются важным направлением, способствующим популяризации знаний²⁹⁹ о памятнике и его развитию. Памятник, на котором последние раскопки проводились в 2019 г. под руководством известного отечественного археолога Т. В. Савельевой, требует проведения работ по музеефикации, поскольку после раскопок вскрытые участки подвергаются разрушению из-за отсутствия необходимой защиты, элементарных навесов, которые могли бы защитить почву от размывания осадками. По отношению к памятнику продолжает сохраняться интерес со стороны научной общественности. В этом направлении только научная рефлексия сотрудников музея-заповедника выражается в более 10 научных работах, опубликованных как в отечественных, так и зарубежных изданиях. В научный оборот постепенно вводятся новые материалы, включая архивные источники из фондов Института археологии им. А. Х. Маргулана и РГП «Гылым ордасы», где выявлены и оцифрованы более 100 документов, касающихся археологических исследований, которые в разные годы проводили на городище Талгар.

Ведется работа по истории изучения городища Талгар. Одним из самых первых и преданных исследователей городища Талгар признан И. И. Копылов. Он оставил богатое научное наследие, связанное с изучением памятника. Его вдовой в архив и фонды музея-заповедника «Есік» переданы рукописи И. И. Копылова. В данный момент они обработаны и оцифрованы. На основе материалов указанного исследователя подготовлен ряд работ сотрудников музея-заповедника, которые вводят в научный оборот новые материалы о памятнике³⁰⁰. Планируется издать рукописи И. И. Копылова.

Тема Талгара присутствует и в выставочной работе музея-заповедника. Так, в начале 2021 подготовлена выставка «Великий Шелковый путь: от Шелека до Талгара».

Итак, ни приобретенный городищем Талгар высокий международный статус, ни усилия музея-заповедника «Есік», к сожалению, не позволяют полностью устранить накопившиеся за многие годы проблемы. Отношение к памятнику со стороны местных властей оставляет желать лучшего. При этом практически все проблемы, как нам представляется, могут быть решены, поскольку связаны с деятельностью человека, происходят от необдуманности действий, безответственности принимаемых до 2018

299 Талғар қалашығы. Қазба қазыналары. URL: <https://abaitv.kz/kz/videos/311> (Дата обращения: 11.07.2023)

300 Мухтарова Г.Р., Железняков Б.А., Жумай Г. Бронзовые зеркала из Тальхира как источник по материальной культуре: исследования И. И. Копылова // Археология Казахстана. № 2 (12) 2021. С. 43-60; Мухтарова Г. Р., Железняков Б. А. Буддизм Илийской долины XII-начала XIII в.: о находках предметов буддийского культа на городище Талгар И.И. Кополовым // Народы и религии Евразии. Россия, Барнауыл. 2021, том 26, № 3. С. 145-160. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46540806> (Дата обращения: 11.06.2023)

года решений при полном игнорировании значения исторического объекта. Множество нарушений со стороны местных властей, игнорирующих ценность и значение объекта Всемирного наследия актуализирует острую необходимость повышения уровня правовой грамотности сотрудников акиматов, которые связаны по работе с охраной памятников. Каждая из проблем гибельна и ведет в случае непринятия должного решения к уничтожению объекта наследия. Лишь наличие правовой грамотности может повлиять на уровень их ответственности за историческое наследие, и позволит в будущем избежать подобных ситуаций.

Казалось бы, вопросами сохранения историко-культурного наследия в республике занимаются Министерство культуры и спорта Республики Казахстан, все региональные акиматы областного и районного уровней, но эффективность их взаимодействия в этом направлении остается желать лучшего. На наш взгляд, учитывая печальный опыт городища Талгар, необходимо периодически организовывать обсуждение проблемных вопросов с участием всех заинтересованных лиц. В рамках правового поля нужно конкретизировать процесс взаимодействия местных исполнительных органов и Министерства культуры и спорта Республики Казахстан, в подчинении которого находятся заповедники-музеи и детально прописать полномочия каждой из сторон. Отсутствие четко обозначенных рамок зоны ответственности всех участников приводит к тому, что процесс документального оформления особо охраняемых территорий, какими являются объекты историко-культурного наследия, затягивается на долгие годы, что в конечном итоге усложняет работу заповедников-музеев, а порой делает ее просто невозможной для выполнения возложенных на них задач по охране вверенных им памятников и культурных ландшафтов.

Следуя принципам Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия, принятой 16 ноября 1972 года ³⁰¹ необходимо продолжить работу по научно-техническому изучению состояния памятника для определения мер, позволяющих противостоять опасностям, угрожающим наследию, информировать об этом общественность, а также разрабатывать образовательные и информационные проекты и программы «для укрепления уважения и привязанности своих народов к культурному и природному наследию».

Вся работа Государственного историко-культурного музея-заповедника «Есік» ведется сотрудниками с большой ответственностью и заботой о памятнике. В 2019 г. музею-заповеднику выделен штат из 4-х сотрудников для управления городищем Талгар. Отдел возглавил археолог, участвовавший в раскопках и исследованиях Талгара, Б. Железняков. Их квалификация, опыт и знания позволяют осуществлять работу по продвижению и популяризации памятника на высоком профессиональном уровне. Начиная с 2018 года благодаря энтузиазму и преданности делу сотрудников работе, на памятник привлекались волонтеры, представители турфирм, разрабатывались проекты по музеефикации и менеджменту, топографии городища, организовывались выездные выставки, составлен текст экскурсии.

Состояние городища Талгар после передачи музею-заповеднику «Есік» в 2018 г. существенно изменилось в положительную сторону. Скрупулёзная и методичная работа музея-заповедника, направленная на сохранность объекта всемирного наследия, дает свои плоды и питает надежду на его сохранность и развития.

301 Статья 5. Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия, принятая 16 ноября 1972 года. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml (Дата обращения: 11.06.2023)

Список использованных источников и литературы

- Азаров А. Тальхиз: история, которую не ценят. 10 ноября 2016, 08:03. URL: <https://rus.azattyq.org/a/gorodishe-talhiz-archeology/28105954.html> (Дата обращения: 11.06.2023).
- Байпаков К. М. Великий Шёлковый путь (на территории Казахстана). Алматы: «Адамдар», 2007. 496 с.
- Байпаков К. М. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. Алматы: Ғылым, 1998. 235 с.
- Байпаков К. М., Воякин Д. А. Казахстанский отрезок Великого Шелкового пути в серийной номинации ЮНЕСКО. Алматы, 2011. 152 с.
- Байпаков К. М., Воякин Д. А. Новые памятники в Списке Всемирного наследия ЮНЕСКО // Известия Национальной Академии наук Республики Казахстан. № 6. 2015. С. 128-135
- Баштанник С. В. Семиреченский отрезок Великого Шёлкового пути // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 34. С. 134-141
- Досье серийной трансграничной номинации «Шелковый путь: Сеть маршрутов Чаньань-Тянь-Шанского коридора». Silk Roads: the Routes Network of Chang'an-Tianshan Corridor // UNESCO. World Heritage Convention. Ref: 1442: URL: <http://whc.unesco.org/en/list/1442> (Дата обращения: 12.05.2023).
- Железняков Б. А., Жумай Г. Предметы христианского и буддийского культа из городища Талгар XII– начала XIII вв. (материалы из архива И.И. Копылова. // Музей и наука. К 45-летию музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета, к 300-летию Кузбасса. Материалы международной научной конференции. Кемерово: КемГУ, 2022. С. 24-31.
- Закон Республики Казахстан от 23 января 2001 года № 148. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z010000148_#z9 (Дата обращения: 11.06.2023).
- Зиняков Н. М. Художественная обработка металла тиснением в средневековых городах северо-восточного Семиречья // Вестник КазГУКИ. 2012. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennaya-obrabotka-metalla-tisnieniem-v-srednevekovykh-gorodakh-severo-vostochnogo-semirrechya> (Дата обращения: 15.06.2023).
- Зиняков Н. М. Черная Металлургия и кузнечное ремесло в экономике средневековых городов Казахстана // СибСкрипт. 2012. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chernaya-metallurgiya-i-kuznechnoe-remeslo-v-ekonomike-srednevekovykh-gorodov-kazahstana> (Дата обращения: 15.06.2023).
- Книга Худуд ал-Алам Мин Ал-Машрик Ила-Л-Магриб (Книга о пределах мира от востока к западу) // Материалы по истории киргизов и Киргизии / Отв. ред. В. А. Ромодин, пер. З.Н.Ворожейкиной. Вып. 11. М.: Наука, 1973. С. 35-35
- Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия, принятая 16 ноября 1972 года. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml (Дата обращения: 11.06.2023)
- Коэмец Е. Отомстили за статью? // Караван. 20.07.2012. URL: <https://www.caravan.kz/gazeta/otomstili-za-statyu-64635/> (Дата обращения: 11.06.2023)
- Коэмец Е. Разбазариваем наследство предков // Караван. 13.07.2012. URL: <https://www.caravan.kz/gazeta/razbazarivaem-nasledstvo-predkov-64542/> (Дата обращения: 11.06.2023)
- Маркова К. Ю. Бронзовые зеркала северо-восточного Семиречья в эпоху развития городской культуры (конец VIII-начало XIV вв.) // СибСкрипт. 2013. №4 (56). С. 36-40;
- Маркова К. Ю. Изобразительные стили и приёмы в городской культуре Семиречья и Южного Казахстана (на примере антропо-зооморфной керамики и архитектурного декора) // СибСкрипт. 2014. №1 (57). С. 26-31
- Морозов М. Найдутся ли деньги на сохранение всемирного наследия? URL: https://inbusiness.kz/ru/stop_cadre/najdutsya-li-dengi-na-sohranenie-vsemirnogo-naslediya?fbclid=IwAR0SKM6Q_AfzECZZROfmzxnHhJ15hwtXz-ddI2FhIeoBUgOzp13qbNmrlH8/ 05.12.21, 12:01 (Дата обращения: 11.06.2023)
- Мухтарова Г. Р., Железняков Б. А. Буддизм Илийской долины XII-начала XIII в.: о находках предметов буддийского культа на городище Талгар И. И. Кополовым // Народы и религии Евразии. Россия, Барнауыл. 2021, том 26, № 3. – С. 145-160. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46540806> (Дата обращения: 11.06.2023)

- Мухтарова Г. Р., Железняков Б. А., Жумай Г. Бронзовые зеркала из Тальхира как источник по материальной культуре: исследования И. И. Копылова // Археология Казахстана. 2021. № 2. С. 43-60. URL: <https://doi.org/10.52967/akz2021.2.12.43.60> URL: <http://www.archeokz.com/index.php/archeokz/article/view/179> (Дата обращения: 25.06.2023).
- О местном государственном управлении и самоуправлении в Республике Казахстан. Закон Республики Казахстан от 23 января 2001 года № 148. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z010000148_#z9 (Дата обращения: 11.06.2023).
- О признании утратившим силу решения Алматинского областного маслихата от 28 июня 2013 года № 18-118 «Об утверждении границ охранных зон, зон регулирования застройки и зон охраняемого природного ландшафта объектов историко-культурного наследия «Городище Талгар», «Городище Каялык», «Городище Карамерген». Решение маслихата Алматинской области от 8 августа 2022 года № 24-119. Зарегистрировано в Министерстве юстиции Республики Казахстан 9 августа 2022 года № 29058. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V22D0029058/history> (Дата обращения: 11.06.2023).
- Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия. Закон Республики Казахстан от 26 декабря 2019 года № 288-VI ЗРК. Статья 30. Обеспечение сохранности объектов историко-культурного наследия при освоении территорий пп. 2-3 URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1900000288#z187> (Дата обращения: 11.06.2023).
- Об утверждении Государственного списка памятников истории и культуры республиканского значения. Постановление Правительства РК от 21 марта 2008 г. № 279 (утратило силу постановлением Правительства Республики Казахстан от 10 июня 2015 года № 426). URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P080000279_ (Дата обращения: 11.06.2023).
- Об утверждении границ охранных зон, зон регулирования застройки и зон охраняемого природного ландшафта объектов историко-культурного наследия «Городище Талгар», «Городище Каялык», «Городище Карамерген». Решение маслихата Алматинской области от 28 июня 2013 года N 18-118. Зарегистрировано Департаментом юстиции Алматинской области 15 июля 2013 года N 2394. Утратило силу решением Алматинского областного маслихата от 8 августа 2022 года № 24-119 <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V13D0002394> (Дата обращения: 11.06.2023).
- О правовых актах. Закон Республики Казахстан от 6 апреля 2016 года № 480-V ЗРК. Статья 27. Оформление нормативных правовых актов о признании нормативных правовых актов утратившими силу. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1600000480#z27> (Дата обращения: 11.06.2023).
- Об утверждении Правил определения охранной зоны, зоны регулирования застройки и зоны охраняемого природного ландшафта памятника истории и культуры и режима их использования. Приказ Министра культуры и спорта Республики Казахстан от 14 апреля 2020 года № 86 (Глава 3. Режим использования охранной зоны, зоны регулирования застройки и зоны охраняемого природного ландшафта памятника истории и культуры). Зарегистрирован в Министерстве юстиции Республики Казахстан 15 апреля 2020 года № 20395. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000020395> (Дата обращения: 15.06.2023).
- Постановление акима Алматинской области от 15 сентября 2017 г. № 369 и согласно № акта / кадастра 03-057-008-735, 03-057-021-0063 02 октября 2017 г.
- Талғар қалашығы. Қазба қазыналары. URL: <https://abaitv.kz/kz/videos/311> (Дата обращения: 11.07.2023)
- Шелковый путь Центральной Азии. Серийные номинации Центральной Азии. Алматы: UNESCO World Heritage Centre / Редакторы: Р. Лин Чи Хунг, Ю. Пешков, Н. Турекулова. ICOMOS / Kazakhstan. Алматы: Издательством СППФ «Кумбезд», 2012. 112 с.
- REPORT ON THE JOINT WORLD HERITAGE CENTRE / ICOMOS REACTIVE MONITORING MISSION TO THE KAZAKHSTAN SECTION (Aktobe Stepniskoe, Kulan, Kostobe, Ornek, Akyrtyas, Kayalyk, Karamergen, Talgar) within the serial, transnational World Heritage property of the SILK ROADS: THE ROUTES NETWORK OF CHANG'ANTIANSHAN CORRIDOR (CHINA, KAZAKHSTAN, KYRGYZSTAN) (C 1442) FROM 31 OCTOBER TO 9 NOVEMBER 2016. 165 p.
- 2015-2017 Conservation Report of "SILK WAY: ROUTE NETWORK OF THE CHANGAN - TIENSHAN CORRIDOR": of the Republic of Kazakhstan. The report was prepared by the Ministry of Culture and Sports of the Republic of Kazakhstan. 2018. 61 p.
- Voyakin Dm., Feyzulayev A. Heritage Impact Assessment 2022. Eco Village Talgar project. Buffer Zone of the site of Talgar Silk Roads: the Routes Network of Chang'an-Tianshan Corridor Almaty province, Republic of Kazakhstan. Tashkent: IICAS, 2022. 128 с.

Тәжекеев Әзілхан Әуезханұлы
Қорқыт Ата атындағы Қызылорда университеті
Қызылорда, Қазақстан
a.tazhekeyev@gmail.com

Султанжанов Жетесби Канапияевич
Қорқыт Ата атындағы Қызылорда университеті
Қызылорда, Қазақстан
zhetesbi.sultanzhanov@mail.ru

Бейсембаева Ләззат Серікбайқызы
«Қазқайтажаңарту» ШЖҚ республикалық мемлекеттік кәсіпорны
Алматы, Қазақстан
lazaratka@bk.ru

СЫРДАРИЯНЫҢ ТӨМЕНГІ АҒЫСЫНДАҒЫ ҚАЛАЛЫҚ МӘДЕНИЕТ ЕСКЕРТКІШТЕРІНІҢ ЗЕРТТЕЛУІ МЕН САҚТАЛУЫ (ЖЕТИАСАР, ЖАНКЕНТ ҚАЛАШЫҚТАРЫ БОЙЫНША)³⁰²¹

Abstract. The article presents an overview of archaeological research conducted at the sites of Zhankent and Zhetiasar (Altynasar), located in the lower reaches of the Syrdarya River (Kyzylorda region, Kazalinsky and Karmakshy regions), and the results of scientific and restoration work.

In 2020-2022, a joint expedition of employees of the Scientific Center for Archeology and Ethnography of the Korkyt Ata Kyzylorda University and specialists-architects of the RSE to the REM “Kazrestoration” of the MCS RK carried out restoration work: on the eastern fortress wall of town and the northern fortress citadel of Zhankent; on the caravanserai (pentagonal fortress) and the round fortress of the Altynasar town. The phased restoration method used in Zhankent and Altynasar has been successfully used for several decades in the restoration of historical and cultural sites of the Republic of Kazakhstan, including the towns of Otrar, Sauran, Syganak. This method shows its effectiveness, demonstrating the good preservation of the architectural structures of the sites.

Keywords: Lower SyrDarya River, Zhankent, Altynasar, reconstruction, restoration.

Б. з. VII-VIII ғғ. Арал маңы археологиялық кешені тұрғысынан төмендегідей аймақтарға бөлінеді: Оңтүстік Хорезм (солтүстік-шығысындағы мал шаруашылығымен айналысатын өңірмен тығыз байланыста болған афригид мәдениеті), Әмударияның оң жағалаудағы солтүстік Хорезм – Кердер аймағы (кердері мәдениеті), екі ауданға бөлінетін Шығыс Арал маңы: *ежелгі Қуаңдария мен Ескідариялық арналарындағы жетіасар кешені және қазіргі арнаға жақын, Сырдарияның сол жағалауындағы «батпақтағы қалалар» ауданы.* Бұл аймақтар мен аудандардың барлығы тығыз мәдени және этникалық байланыста болған деп айтуға болады.

Сырдарияның төменгі ағысында б. д. I мыңжылдығында тұрақты, өзіндік ерекшелігі бар мәдениет өркендеген. *Жетіасар I және II кезеңдерінде* (б. д. I мыңжылдықтың жартысы) Ортаңғы Сырдария аудандарындағы мәдениеттерден (Отырар-Қаратау, Қауыншы) басқа көршілес аймақтармен тығыз байланыста болғандығын көреміз. Халық санының көп болуына, өмір сүруге ыңғайлы факторларға байланысты, сол уақытта жергілікті жерді, яғни Сырдарияның төменгі алқабын мекен етіп қалуы мүмкін. Сол уақытта Жетіасар мәдениетінің территориясы барынша ұлғайып, Әмударияның оң

302 Мақала 2023-2025 жылдарға арналған ғылыми және (немесе) ғылыми-техникалық жобалар бойынша жас ғалымдарға арналған гранттық қаржыландыруға арналған конкурсы (Қазақстан Республикасы ғылым және жоғары білім министрлігі) негізінде іске асатын «AP19578213 Шығыс Арал маңының археологиялық мұраларын өзектендіру (Хорезм археологиялық-этнографиялық экспедициясының жаңа архивтік деректерін жүйелеу)» жобасы аясында орындалды.

жағалауы мен Сырдария өзені арасындағы аудандарды қамтып, жетіасарлық халықтың үлкен бөлігі осы аймақтарға көшеді. Ғалымдардың пікірінше, *Жетіасар III кезеңінде* (VI-VII ғғ.) Жетіасар шатқалындағы ескерткіштердің басым көпшілігі өмір сүруін тоқтады.

Үшінші кезеңнің аяғында Жетіасар шатқалы шөлге айналып, жетіасар мәдениеті Сырдарияның төменгі ағысында жойылады. Бірақ, Шығыс Жетіасар қалаларының тобы (қазіргі Жалағаш, Сырдария аудандары аумағы) және Жетіасар шатқалының солтүстігінде, қазіргі Сырдарияның сол жағалауындағы Сортөбе 1, Сортөбе 2, 3 (*Ордазы қалалар тобы*) сияқты қалалар өмір сүруін жалғастырып ³⁰³. Арал теңізінің шығыс маңында Кескен-күйік қала, Күйік қала, Жанкент сияқты оғыз қалалары қалыптаса бастайды.

Оғыз-қыпшақ кезеңінде орын алған үздіксіз соғыстар мен қақтығыстарға, саяси-этникалық жағдайлардың шиеленісуі мен өлкедегі табиғи-экологиялық ахуалдың өзгеріске ұшырауына қарамастан Сырдарияның төменгі ағысын мекендеген тұрғындар IX-XII ғғ. осы аймақта ортағасырлық қала мәдениетін жасап, дамыта алды. Сырдарияның ескі арналарының бассейндеріндегі оғыз-қыпшақтардың бекініс жүйесі мықты қалалары олардың көршілес Хорезм және Шығыс Еуропа елдерімен арадағы саяси, экономикалық, мәдени байланыстарында маңызды роль атқарды.

VIII-X ғғ. Сырдарияның Арал теңізіне құяр атырауында Жанкент, Күйік-қала, Кескен Күйік-қала сынды үлкен қалалар бой көтереді. С. П. Толстов бұл қалаларды «батпақтағы қалалар» деп атаған ³⁰⁴. IX-XI ғғ. бұл қалалар Оғыз мемлекетінің орталығына айналып, тарихи-этникалық, саяси, экономикалық байланыстарда маңызды роль атқарады. Бұл туралы әл-Якуби (IX ғ.), әл-Масуди (X ғ.), ибн Хаукал (X ғ.), ибн Русте (X ғ.), әл-Идриси (XI ғ.), Жувейни және Рашид-ад-Дин (XIV ғ.) секілді ортағасырлық араб, парсы тарихшылары мен географтарының еңбектерінде айтылады. Олар Шаш өзені бойындағы «оғыз қалалары» туралы баяндай отырып, Жанкентті Оғыз мемлекетінің астанасы деп көрсетеді. Сол себепті бұл қалаларды Жанкент тобына біріктіруге болады. Соңғы жылдары барлау экспедицияларының нәтижесінде бұл қалашықтардан бөлек Жанкент маңынан Асар-төбе, Қара-төбе қалашықтары табылып отыр ³⁰⁵.

«Жанкент қалалар тобы» жаңа археологиялық зерттеу барысында VII-VIII ғғ. пайда болғаны анықталса, ескерткіштердің бетінен жиналған материал олардың жоғарғы қабатын IX-XI ғғ. мерзімдейді (Курманкулов, Аржанцева, Зиливинская, 2007; Аржанцева, Тажекеев, 2014, 320). Бұл қалаларды 1946 жылы ХАЭЭ-сы зерттеп, жоспарын түсірді ³⁰⁶. Бұл қалалар аймақтағы тарихи-этникалық процестердің шиеленісуіне және табиғи-экологиялық ахуалдың өзгеруіне байланысты X ғ. ортасы – XI ғ. өмір сүруін тоқтатады. Бұл жағдай оғыздардың оңтүстікке және батысқа қарай, оның ішінде, Үстіртке және Төменгі Еділ бойына қарай үдере көшуіне ықпал етті.

Сырдарияның төменгі ағысындағы Жетіасар шатқалындағы бекіністі ірі қоныстар мен ортағасырлық Жанкент қалалар тобының аймақ үшін ғана емес, ірі сауда жолы, әсіресе, Ұлы Жібек жолы бойында маңызды рол атқарған. Ол ескерткіштерді зерттеу және сақтау арқылы Орта Азия мен Қазақстан аймағындағы қалалық мәдениеттер ошағы мен даму кезеңдерін анықтауға, сақтауға мүмкіндік береді

303 Курманкулов Ж., Тажекеев А.А., Кзылбаев Т. Городище Сортөбе II // Свод памятников истории и культуры РК. Кызылординская область. Алматы, 2007. Б. 222.

304 Толстов С.П. Города гузов // Советская этнография. М., 1947. № 3. С. 55-102

305 Тәжекеев Ә. Ә., Сұлтанжанов Ж. Қ. 2019 және 2022 жж. Ортағасырлық Жанкент қала-жұрты маңына жүргізілген археологиялық барлау жұмыстары жайлы // Қазақстан археологиясы журналы. № 3, 2022. С. 91-102.

306 Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962. 324 с.

1-сурет - Жанкент және Алтынасар ескерткіштері орналасу картасы

Өзбекстан, Қырғызстан және Тәжікстан Республикасымен бірлесіп «Ұлы Жібек жолы: Ферғана-Сырдария дәлізі» трансұлттық номинациясын ілгерілету бойынша досье дайындалып жатқаны мәлім. Бұл трансұлттық номинацияда еліміздің аумағына Сауран, Жеті асар, Жанкент, Сығанақ, Отырар, Күлтөбе-Яссы (Түркістан) нысаны кіреді деп жоспарлануда. Жетіасар шатқалынан оннан аса ескерткіш қамтылатын болады.

Жетіасар оазисі. Қармақшы ауданында орналасқан бұл оазисте б.з.д. I мыңжылдықтың соңы мен б. з. VIII-IX ғғ. дейін тіршілік ошағы болған жалпы саны шамамен 50-ден аса қамал-қалалар бой көтерген. Оның 27-сі Жетіасар алқабында 5-7-ден топ-топ болып, Сырдарияның көне салаларының бірі Қуандария мен Ескідариялықтың ондаған ұсақ тарамдары мен қолдан қазылған оман арықтарының бойына салынған. Олардың қазіргі үйіндісінің биіктігі 18-20 м-ге жетеді. Асарлардың барлығы әртүрлі деңгейде жасалынған қорғаныс жүйелерімен қоршалған.

Жетіасар ескерткіштерінде кешенді археологиялық қазба жұмыстары XX ғасырдың 40-жылдары С. П. Толстовтың жетекшілігімен Хорезм археологиялық-этнографиялық экспедициясы (ХАЭЭ) бастады ³⁰⁷.

Жетіасар мәдениетінің ескерткіштеріне жүргізілген зерттеулерді 4 кезеңге бөлуге болады:

1. Алғашқы өлкетанушылық кезең XIX ғ. 60 ж.бастап 1945 жылға дейінгі зерттеулер (Тәжекеев, Құрманязов, Каналхан, 2022);
2. Екінші кезең (1946-1971 жылдар аралығы) (ХАЭЭ) (Тәжекеев, Құрманязов, 2016, 233-237);
3. Үшінші кезең (1971-1991 жылдар аралығы) (ХАЭЭ);
4. Соңғы кезең (Тәуелсіздік жылдарындағы зерттеулер) ³⁰⁸(Тәжекеев, Дәрменов, Білалов, 2016, 250-255 бб.).

2020-2022 жж. Жетіасар мәдениетінің ірі қалашығының бірі Алтынасар ескерткішінде ғылыми-реставрациялық жұмыстары іске асты.

307 Толстов С.П. По следам древнехорезмской цивилизации. М., 1948. С. 55-62

308 Тәжекеев Ә. Ә., Дәрменов Р.Т., Білалов С.Ө., Әмірғалина Г. Т., Шарапова Қ. Ә., Сұлтанжан Ж. Қ. Оңтүстік-Шығыс Арал маңының қала мәдениеті: Жетіасар ескерткіштеріндегі жаңа зерттеулер // «Қазақстанның тарихи-мәдени мұраларының өзекті мәселелері: өткені, бүгіні мен болашағы» атты халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары. Алматы, 2016. 250-255 бб.

Алтынасар (№ 3 Жетіасар) Қызылорда облысы, Қармақшы ауданы, Жосалы кентінен оңтүстікке қарай 54 шақырым жерде орналасқан.

Ескерткішті 1948, 1958 жж. С. П. Толстовтың жетекшілігімен ХАЭЭ-сы ашып, зерттеген. 1978-1986 жж. Хорезм экспедициясының қызметкерлері (С. Б. Болелов пен А. Н. Гертман) қазба жұмыстарын жүргізді. 2005 ж. Шірікрабат археологиялық экспедициясы (Ж. Құрманқұлов, Ә. Ә. Тәжекеев) географиялық координаттарын анықтап, суретке түсірді.

Қамал пішіні трапеция тәрізді, ауданы 17,4 га, кешен төрт қамалдан тұрады, олар әр кезеңде салынып, белгілі уақытта бір фортификациялық жүйеге біріктірілген.

Ескерткіш төрт құрылыстан: үлкен үй, кіші үй, керуен сарай, дөңгелек қамалдан тұрады.

Үлкен үй дөңгелек немесе сопақ пішінді екі қабатты төбеге өте ұқсас. Ішіндегі ең көнесі болып қалашықтың солтүстік-шығыс бұрышында орналасқан «кіші үй» мен оның екінші алаңы саналады. Орталық дөңгелек алаңның диаметрі – 48 м, сақталған биіктігі – 12 м. Бірқатар фактілер қамалдың б.з.д. I мыңжылдығының ортасында тіршілік еткендігін дәлелдеп отыр. Бірнеше ғасырдан кейін «үлкен үй» салынған, алғашында ол екі қабаттан төмен болмаған. Жоғарғы алаңының өлшемдері 165×165 м, биіктігі – 15 м. Б. з. I мыңжылдығының ортасында кешеннің солтүстік-батыс бұрышына қамал салынған, қабырғаларында (сақталған биіктігі 5 м шамасында) атыс ойығы, ол дұрыс дөңгелек пішінді, диаметрі 50 м. Алтынасар қамалдарының ең соңғысы бесбұрыш пішінді қамал салынады. Ауданы 800 м² болып келген ол «үлкен үйдің» екінші алаңының мәдени қабатына тұрғызылған. Бұл қалашықтың қорғаныс қабырғалары шаршы пішінді қам кесектерден (көлемдері 37-40×37-40×7-9 см) тұрғызылған, кіреберісі екі жақ қапталды және бұрыштық мұнаралармен күшейтілген, биіктігі – 7 м. Алынған материалдар ескерткішті Жетіасар мәдениетінің II және III кезеңдеріне жатқызуға мүмкіндік береді ³⁰⁹(Толстов, 1958; Толстов, 1962; Левина, 1996).

309 Толстов С.П. По следам древнехорезмской цивилизации. М., 1948. С. 55-62; Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962. 324 с.;

2-сурет. Алтынасар қалашығының әуеден көрінісі (Ж.Қ.Сұлтанжанов).

Алтынасар қалашығында қайта қалпына келтіру жұмыстары 2020 жылы басталып, үш далалық маусымда үш нысанда жұмыстар жүрді.

1) 2020 ж. Керуен сарай нысаны қайта қалпына келтірілді. Жалпы керуен сарай бес бұрышты пішінді келеді. Алдыңғы қақпасының сақталған биіктігі 6-8 м. Нысанның артқы бөлігі нашар сақталған, қабырғалары бұзылып, биіктігі кішкене төбе түрінде ғана сақталған.

2) 2021 ж. экспедиция мүшелерімен дөңгелек пішінді камал қайта қалпына келтірілді.

1

2

3

4

3-сурет. Алтынасар қалашығы. Керуен сарай нысанында жүргізілген ғылыми-қайта қалпына келтіру жұмыстары кезең бойынша: 1 – керуен сарайдың қалпына келтіруге дейінгі көрінісі; 2 – тастан құралған түбірін дайындау; 3-4 – керуен сарайдың қалпына келтіргеннен кейінгі көрінісі

1

2

3

4

4-сурет. Алтынасар қалашығы. Дөңгелек қамалда жүргізілген ғылыми-қайта қалпына келтіру жұмыстары кезең бойынша: 1 – қамалдың қалпына келтіруге дейінгі көрінісі; 2 – 2 учкедегі контрфорс; 3 – қабырғаны сылау барысы; 4 – қамалдың қалпына келтіргеннен кейінгі көрінісі

Қамалдың диаметрі – 51 м, қабырғалардың қалыңдығы – 2,5 м, сақталған биіктігі шамамен 4,5-5 м-ді құрайды. Бұл қамалдың да қабырғалары бұзылып төбе ретінде сақталған. Қабырғалардың сақталу деңгейіне баланысты қайта қалпына келтіру жұмыстарына 4 нысан белгіленді. Атап өту қажет, «Қазқайтажаңғырту» кәсіпорнының мамандары 2020 ж. жүргізген талдау жұмыстарында дөңгелек пішінде қамалда қайта қалпына келтіру жұмыстарына 5 нысан белгіленген болатын. Дегенмен, 2021 ж. жұмыстарды жүргізуге келгенде 5-ші нысан толығымен бұзылып, сақталмай қалған.

3) 2022 ж. далалық маусымында қайта қалпына келтіру жұмыстары кіші үйде басталды.

Ескерткіш басындағы талдау жұмыстары негізінде кезек күттірмейтін нысандар белгіленді. Оларға қамал ауласындағы жыраның пайда болуы; қамалдың ауласындағы шартты түрде аталған «құдық»; қамалдың оңтүстік қабырғасы; қамалдың жоғарғы бөлігіндегі екі тұрғын бөлмелері; қамалдың сыртқы қабырғаларының негізгі үш бөлігі жатады.

1

2

3

4

5-сурет. Кіші үйдің қорған қабырғалары. 1 – сыртқы қабырғаның қайта қалпына келтіру жұмыстарына дейінгі, 2 – кейінгі көріністері.

3 – қамалдың оңтүстік қабырғасының қайта қалпына келтіру жұмыстарына дейінгі, 4 – кейінгі көріністері.

Жанкент қалашығы. Қазіргі уақытта Жанкент зерттеу тарихы толықтай қарастырылған еңбектер жеткілікті. Бұл қалашықтардағы жаңа зерттеулердің нәтижелері де жыл сайын жарияланып жүр. 2005 жылы басталған кешенді археологиялық зерттеулер өз нәтижесін беруде ³¹⁰(Левина, 1996; ҚР тарихи-мәдени ..., 2011; Аржанцева, 2013; Аржанцева, Болелов, Тәжекеев, 2018; Arzhantseva I., Gorshenina S., 2018; Harke et al, 2020; Haruda, et al, 2020; Аржанцева, 2020).

6-сурет. Жанкент қалашығының әуеден көрінісі (Ж.Қ.Сұлтанжанов).

310 Левина, 1996; ҚР тарихи-мәдени ..., 2011; Аржанцева И. А. Имперская археология и археологические империи: Советская Хорезмская археологическая экспедиция // Этнографическое обозрение. № 4. 2013. 80-106; Аржанцева И. А., Болелов С. Б., Тәжекеев А.А. Хорезм экспедициясының Сыр өңіріндегі зерттеулерінің тарихы. М.: Олбауқ. 2018. 312; Arzhantseva I., Gorshenina S. The Patrimonial Project of Dzhankent. Constructing a National Symbol in the longue duree. Ancient civilizations from Scythia to Siberia 24 (2018). 467-532; Harke H., Arzhantseva I. A., Tazhekeev A. A., Bronnikova M., Modin I. N., Panin A. V. Interdisciplinary fieldwork at Jankent: Exploring early medieval urbanization on the lower Syrdarya. Margulan readings – 2020: proceedings of the international scientific practical conference “Great Steppe in the light of archaeological and interdisciplinary research” (Almaty, September 17-18, 2020). Almaty: A. Kh. Margulan Institute of Archaeology, 2020. Vol. 1. 219-229; Haruda A.f., Ventresca A.R., Pajmans J.L.A., Barlow A., Tazhekeyev A., Bilalov S., Hesse Y., Preick M., King, T., Thomas R., Harke H., Arzhantseva I. The earliest domestic cat on the Silk Road. Scientific Reports. (2020) 10:11241. doi:10.1038/s41598-020-67798-6; Аржанцева И. А. Начальный этап работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в Казахстане (архивные материалы 1946-1951 гг.) // Маргулановские чтения 2020: материалы международной научно-практической конференции «Великая степь в свете археологических и междисциплинарных исследований» (г. Алматы, 17-18 сентября 2020 г.). Алматы: Институт Археологии им. А.Х. Маргулана, 2020. Т. 1. С. 67-80.

Тюбинген университеті (Германия) мен Қорқыт Ата атындағы Қызылорда университетінің әріптестік келісім-шарты негізінде Германияның неміс гуманитарлық зерттеулер қоры (DFG) қаржыландыратын «Ұлы Жібек жолының солтүстік аймағындағы көшпенділер мемлекетінің қалыптасуы және урбанизациялануы: Ерте орта ғасырдағы Жанкент қаласы (Арал теңізі аймағы, Қазақстан)» атты бірлескен жобасы аясында ескерткіште археологиялық, геофизикалық, геоморфологиялық, остеологиялық т.б. зерттеулер жүргізілуде. Жаратылыстану ғылымдары әдістертерін қолдана отырып, Жанкенттің абсалюттік жасы бойынша жаңа деректерға қол жетті. Осы кезге дейінгі қолда бар деректер қала IX-XI ғғ. өмір сүрді десе, жаңа зерттеулер қаланың іргесі VII ғ. қаланғанын көрсетіп отыр ³¹¹(Harke, Arzhantseva, Tazhekeev, 2022, 111-120).

Жанкент қалашығы Сырдария өзенінің төменгі ағысында орналасқан оғыз кезеңінің ескерткіші. Оның қирандылары Қызылорда облысы, Қазалы ауданы, Жанкент ауылынан оңтүстік-шығысқа қарай 1,5 шақырым жерде орналасқан.

Қалашықтың пішіні төртбұрышқа жақын («Т» әрпіне ұқсас), жалпы ауданы 16 гектарға жуық. Қалашық жарты шеңберлі мұнаралары бар пахсадан тұрғызылған қабырғалармен қоршалған. Шығыс қабырғасы жақсы сақталған, оның ортасында екі тірек мұнарасы бар қақпасы орналасқан. Аэрофотосуреттерден көрініп тұрғандай, қала орталық көше арқылы бірдей екі бөлікке бөлінеді. Көшенің екі жағында шахристан, ал солтүстік-батыс бөлігінде көлемі 110×110 м цитаделі бар.

Соңғы жылдары, Жанкентте қазба жұмыстарымен қатар уақытша тұмшалау, қайта қалпына келтіру және реконструкция жұмыстары қолға алынғанын атап өту қажет. Сол жұмыстарға қысқаша тоқталайық.

Бүгінде Жанкенттің екі қазба нысаны темір және ағаш материалдардан құралған жабындымен жабылған және бұл жауын-шашыннан қорғау әдісі архитектуралық құрылыстардың жақсы сақталуын қамтамасыз етіп, өзінің тиімділігін көрсетуде.

№ 1 қазба нысаны – ескерткіштің шығысында орналасқан тұрғын-үй кешенінде үш бөлмеден тұратын тұрғын үйге реконструкция жұмыстары жүргізілді. Тұрғын үйдің ең үлкен бөлмесінің қабырғалары қарқасты үй тұрғызу техникасы³¹² арқылы тұрғызылды. Сыртынан үш қабат сылақпен сыланды: біріншісі, «қарабатпақ» – сазды еріту арқылы дайындалатын сылақ; екіншісі – сабанмен араластырылған саз-топырақ сылақ; үшіншісі – күріш кебегімен араластырылған сылақ. Бөлменің төбесі пашындарды бір-біріне қосып өру арқылы жабылды және бөлменің ортасына ағашпен жасалған терезе орналастырылды. Негізінде Орталық Азия мен Қазақстан халықтарының этнографиясы бойынша осы халықтардың көп ғасырлық тарихи-мәдени байланыстарын көрсететін материалдар жинақталды. Белгілі бір шаруашылық қызметпен айналысатын «әке, шеше және бала» жанұясының мүсіндері тұрғын-үйге орналастырылды. Мүсіндер эпоксидті шайырдан жасалған.

311 Harke H., Arzhantseva I., Tazhekeev A., Bronnikova M., Panin A. and Modin I. On the interface of steppe and urban civilization: Interdisciplinary research at Dzhanakent (6th – 11th centuries AD). In: A. Onggar, B. Baitanayev, A. Sitdikov and D. Voyakin (eds.), Eurasian steppe civilization: human and the historical and cultural environment. Proceedings of the 5th International Congress of Archaeology of the Eurasian Steppes (Turkistan, 11-14 October, 2022). Vol. 3. Almaty and Turkistan: Margulan Institute of Archaeology. 2022. 111-120.

312 Каркас – Арал мен Қазалы аудандары тұрғындарының жергілікті үй тұрғызу техникасы болып табылады. Бұл техника бойынша үйдің қаңқасы ағашпен тұрғызылып, олардың аралары пашынмен өріледі. Сыртынан бірінші сазды лай – «қарабатпақ», сосын екінші қабат болып сабанмен араластырылған қалың сылақпен сыланады.

1

2

3

4

7-сурет. Жанкент қалашығының шығыс қабырғасында жүргізілген ғылыми-қайта қалпына келтіру жұмыстары кезең бойынша: 1 – шығыс қабырғаның қайта қалпына келтіруге дейінгі көрінісі; 2 – 6 учаскедегі контрфорс көрінісі; 3 – қабырғаның бетін сылау барысы; 4 – шығыс қабырғаның қайта қалпына келтіргеннен кейінгі көрінісі

Осылайша, профилактикалық тұмшалау, одан кейін тұрғын үй-жайларды ғылыми түрде қайта құру, қайта құрылған отбасы бірлігін көрсету арқылы жергілікті тұрғындарға Жанкент қаласының тұрғындарының тұрмыстық өмірін толығырақ елестетуге мүмкіндік береді. Дегенмен, археологиялық нысанға туристер мен тарих әуесқойларын тартудағы бар оң тәжірибе қазіргі уақытта жүйелі түрде пайдаланылмай келеді. Жанкент қалашығын музейлендіру бойынша жүйелі жұмысты жалғастыру қажет, бұл оны сақтап, тиімді пайдалануға ғана емес, сонымен қатар оны облыстың брендіне айналдыруға мүмкіндік береді ³¹³(Тажекеев, Дарменов, Султанжанов, 2020; Тажекеев, Дарменов, Назаров, 2020; Тажекеев, Дарменов, Назаров, 2021).

Осы мақсатта Қорқыт Ата атындағы Қызылорда университетінің археология және этнография ғылыми орталығының археологтары мен ҚР МСМ «Қазқайтажаңғырту» мемлекеттік кәсіпорнының реставратор, архитектор мамандары бірлескен экспедиция

313 Тажекеев А.А., Дарменов Р.Т., Султанжанов Ж.К. Организация охранной зоны и консервационные работы на городище Джанкент. Археология Казахстана. №1 (7). 2020. 88-97; Тажекеев А. А., Дарменов Р. Т. Назаров А. Ж. Полевая консервация и укрепление сырцовых памятников в Приаралье. Маргулановские чтения 2020: материалы международной научно-практической конференции «Великая степь в свете археологических и междисциплинарных исследований» (г. Алматы, 17-18 сентября 2020 г.). Алматы: Институт Археологии им. А.Х. Маргулана, 2020. Т. 1. 211-218; Тажекеев А. А., Дарменов Р. Т., Назаров А. Ж. Опыт консервации и музеефикации городища Джанкент: проблемы и перспективы. Маргулановские чтения – 2021: материалы международной научно-практической конференции «Великая степь в контексте этнокультурных исследований», посвященной 30-летию Независимости Республики Казахстан и 30-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, 26-27 октября, 2021 г.). В 3-х томах. Алматы, 2021. С. 125-131.

Жанкент қалашығында қайта қалпына келтіру жұмыстарын жүргізді. 2020 ж. Жанкент қалашығында екі нысан қарастырылды.

1) Ескерткіштің шығыс қабырғасы (орталық қақпадан оңтүстікке қарай бөлігі). Бұл бөлікте қабырғалардың көп бөлігі жауын-шашын әсерінен құлап, езілу үстінде. Қабырғалардың сақталған бөліктері төбе түрінде ғана қалған. Осы аумақта қайта қалпына келтіру жұмыстарына жалпы 12 нысан белгіленді.

Атап өту қажет, 2019 ж. қабырғаның орталық қақпадан солтүстікке қарай бөлігінде «Қазқайтажаңғырту» кәсіпорнының Қызылорда облыстық филиалы жүргізген болатын.

2) Цитадельдің солтүстік қабырғасы мен мұнараларында археологиялық тазалау мен тұмшалау жұмыстары жүрді.

1

2

3

4

8-сурет. Жанкент қалашығы. Цитадельдің солтүстік қабырғасы мен мұнараларына жүргізілген тұмшалау жұмыстары: 1 – қабырға мен мұнаралардың қайта қалпына келтіруге дейінгі көрінісі; 2 – қабырға мен мұнараларды тазалау барысы; 3 – қабырға мен мұнараларды сылау барысы; 4 – қабырға мен мұнаралардың қайта қалпына келтіргеннен кейінгі көрінісі

Қазір уақытта цитадельдің солтүстік қорған қабырғасы мен оның бес мұнарасы, батыс қабырғасынан бір мұнара орны ашылды. Жалпы қабырғаның ұзындығы 100 метрді құрайды. Соның ішінде мұнаралардың диаметрлері 6-7 м, ал мұнара араларының арақшықтығы – 15-16 м. Қазба барысында мұнаралардың кейінгі жерлеу құрылыстары әсерінен бүлінгені белгілі болып, олардың орны тазаланып, қайта жабылды. Әрі қарай қабырға мен мұнаралары бірінші сабан араластырылған саз-топырақ сылағымен, екінші, кебек араластырылған сазды ерітіндідегі сылақпен сыланды. Болашақта бұл нысанда қабырғалар мен мұнараларды көтеру жұмыстары жоспарлануда

Ескерткіштердің сақталу жағдайын сараптау жұмыстары негізінде Жанкент пен

Алтынасар қалашықтарында зақымданудың ортақ белгілері бар екені анықталды. Оларға: эрозия процестерінен бекініс қабырғаларының негізінің бұзылуы; жоғарғы жазық горизонталь учаскелерде сайлардың пайда болуы, тік жазықтықтардың бұзылуы; ірі фрагменттердің қабырғадан бөлінуі – атмосфералық және антропогендік факторлардың әсерінен пахса блоктары арасындағы байланыстың бұзылуы, жарықтардың пайда болуы, жарықтардың кеңеюі; өсімдіктердің өсуі, өсімдіктердің тамыр жүйесінің кері әсері жатады.

Осы белгілеріне орай, жоғарыда аталған нысандардың барлығында қайта қалпына келтіру жұмыстары бірдей әдіспен жүргізілді:

1. Қабырғалардың негізін сыртқы және ішкі бөлігінен тазалау.
2. Беткі қабатты тығыздау.
3. Тас жаю арқылы қабырғаның негізін бекіту. Тас іргетасы, біріншіден, ұлғайтылған нығыздалған аймақты құру үшін, екіншіден, іргетасқа қысымды төмендету үшін, үшіншіден, жер асты суларының консервация құрылымына капиллярлық сорылуын болдырмау үшін қолданылады. Тығыздалған қабаттың үстіне тас қойылады. Олардың ішіндегі кернеулерді жою үшін тастар тиісті өлшемдерде болуы керек (ені кемінде 50 см және қалыңдығы 6 см артық емес).
4. Қабырғалардың биіктігі 2 метрден асқан жағдайда ағаштан бекіту құрылғысын дайындау.
5. Қабырғалардың жұмыс бөліктерін ағаш байламдармен нығайту – ескі және жаңа қабырғаның байланысын нығайту үшін диаметрі 10 см, аралығы 0,5 м қадаммен ағаш тақтайлар салу. Бекіткіштер қаңқа қабырғаларындағы тозған тауашаларды толтыру үшін тас негіздің үстіне орнатылады. Жұмыс процесінде құрылыс материалы (шикі кірпіш және саз ерітіндісі) материалды жақсырақ жабыстыру үшін суға малынған болуы керек. Алдын ала нығайтылған бетті әлсіз жабысатын фрагменттерден тазалау жұмыстары жүрді.
6. Қабырғаның төменгі бөлігін өру – сазды ерітіндіге 40×20×10 см саз кірпіш дайындау. Осы мақсатта жергілікті топырақты пайдалану арқылы 7000-10000 аралығында саз кесектер дайындалды.
7. Алаңның жоғарғы бөлігіндегі апаттық қабырғаны сазды ерітіндіге дайындалған көлемі 40×20×10 см саз кірпішпен қаптау.
8. Сабанды қосу арқылы жаңа қабырғаны сазды-топырақ сылақпен сылау.
9. Күріш қабығы бар сазды ерітіндімен қабырғаларды екінші рет сылау.
10. Эрозия барысында пайда болған шұңқырларды толтыру. Егер шұңқырдың диаметрі 15 см-ден үлкен болса қою сазды лаймен, ал егер кем болса сұйық сазды лаймен толтыру.
11. Қабырғаның үстіңгі бөлігін қою сазды ерітіндімен жабу.
12. Ақпараттық тақтайшалар орнату жұмыстары атқарылды.

Осылайша, соңғы жылдары қолға алынған Жанкент пен Алтынасар қалашықтарында жүргізілген қайта қалпына келтіру жұмыстары аталмыш ескерткіштердің сақталу мерзімін ұзартуға, сол арқылы тарихи бейнесін сақтап қалуға септігін тигізіп жатыр. Бұл бағыттағы жұмыстар еліміздің басқа өңірлеріндегі археологиялық ескерткіштерінде де жүргізілуде. Мысалы, Отырар, Сауран, Түркістан, Сығанақ және т.б. қалашықтарды атауға болады. Сырдарияның төменгі асығы бойында архитектуралық құрылыстары бар қалалардың 100-ден аса бар екенін ескерсек, қайта қалпына келтіру бағытындағы жұмыстарды жүйелі түрде жүргізуді қолға алу қажет.

Шығыс Арал маңының ежелгі мұраларын археологиялық тұрғыдан зерттеу тарихы жарты ғасырдан астам уақыт өтсе де, мыңдаған жыл бойы қалыптасқан тарихи үдерістерді түсінуге енді ғана жақындап келеміз деп айта аламыз. Ежелгі Сырдария сағалары бойын мекендеген халықтар жайлы көне жазба деректердің аздығы, археологиялық материалдарды талдау ерекше маңызға ие.

Пайдаланған деректер мен әдебиеттер тізімі

- Аржанцева И. А. Имперская археология и археологические империи: Советская Хорезмская археологическая экспедиция // Этнографическое обозрение. № 4. 2013. 80-106.
- Аржанцева И. А. Начальный этап работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в Казахстане (архивные материалы 1946-1951 гг.) // Маргулановские чтения 2020: материалы международной научно-практической конференции «Великая степь в свете археологических и междисциплинарных исследований» (г. Алматы, 17-18 сентября 2020 г.). Алматы: Институт Археологии им. А.Х. Маргулана, 2020. Т. 1. С. 67-80.
- Аржанцева И. А., Болелов С. Б., Тажекеев А.А. Хорезм экспедициясының Сыр өңіріндегі зерттулерінің тарихы. М.: Олбаук. 2018. 312.
- Аржанцева И. А., Тажекеев А. А. Комплексное исследование городища Джанкент: работы 2011-2014 гг. Алматы: Арыс. 2014. 320
- Курманкулов Ж., Аржанцева И. А., Зиливинская Э. Д., Рузанова С. А., Сыдыкова Ж. Т. Археологические работы на городище Джанкент в 2005 г. Алматы, 2007;
- Курманкулов Ж., Тажекеев А. А., Кзылбаев Т. Городище Сортобе I // Свод памятников истории и культуры РК. Кызылординская область. Алматы, 2007. 221 с.;
- Курманкулов Ж., Тажекеев А. А., Кзылбаев Т. Городище Сортобе II // Свод памятников истории и культуры РК. Кызылординская область. Алматы, 2007. 222.
- ҚР тарихи-мәдени ..., 2011 Қазақстан Республикасының тарихи және мәдени ескерткіштерінің жинағы. Кызылорда облысы. Энциклопедиялық ұжымдық басылым. Алматы, «Аруна», 2011. 504 б.
- Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. М., 1996. 369 с.
- Тәжекеев Ә. Ә., Құрманиязов И. С. Жетіасар мәдениеті ескерткіштерінің зерттеу тарихы (1946-1971 жж.) // Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ хабаршысы. Тарих сериясы 4 (83) 2016. 233-237.
- Тәжекеев Ә. Ә., Дәрменов Р.Т., Білалов С.Ө., Әмірғалина Г. Т., Шарапова Қ. Ә., Сұлтанжан Ж. Қ. Оңтүстік-Шығыс Арал маңының қала мәдениеті: Жетіасар ескерткіштеріндегі жаңа зерттеулер // «Қазақстанның тарихи-мәдени мұраларының өзекті мәселелері: өткені, бүгіні мен болашағы» атты халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары. Алматы, 2016. 250-255.
- Тажекеев А. А., Дәрменов Р. Т., Назаров А. Ж. Опыт консервации и музеефикации городища Джанкент: проблемы и перспективы. Маргулановские чтения – 2021: материалы международной научно-практической конференции «Великая степь в контексте этнокультурных исследований», посвященной 30-летию Независимости Республики Казахстан и 30-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, 26-27 октября, 2021 г.). В 3-х томах. Алматы, 2021. С. 125-131.
- Тажекеев А.А., Дәрменов Р.Т., Султанжанов Ж.К. Организация охранной зоны и консервационные работы на городище Джанкент. Археология Казахстана. №1 (7). 2020. С. 88-97.
- Тажекеев А. А., Дәрменов Р. Т. Назаров А. Ж. Полевая консервация и укрепление сырцовых памятников в Приаралье. Маргулановские чтения 2020: материалы международной научно-практической конференции «Великая степь в свете археологических и междисциплинарных исследований» (г. Алматы, 17-18 сентября 2020 г.). Алматы: Институт Археологии им. А. Х. Маргулана, 2020. Т. 1. 211-218.
- Тәжекеев Ә. Ә., Құрманиязов И. С., Каналхан Е. Жетіасар ескерткіштері өлкетанушы ғалымдардың еңбектері мен Ресей империясының картографиялық материалдарында (XIX ғ. аяғы – XX ғ. басы) // Электронный научный журнал «edu.e-history.kz» №1 (29), 2022.
- Тәжекеев Ә. Ә., Сұлтанжанов Ж. Қ. 2019 және 2022 жж. Ортағасырлық Жанкент қала-жұрты маңына жүргізілген археологиялық барлау жұмыстары жайлы // Қазақстан археологиясы журналы. № 3, 2022. С. 91-102.

- Тажекеев А. А., Султанжанов Ж. К., Курманиязов И. С., Бейсембаева Л. С. 2020-2021 жж. Жанкент және Алтынасар ескерткіштерінде жүргізілген ғылыми-қайта қалпына келтіру жұмыстарының нәтижелері // Маргулановские чтения – 2022: материалы международной научно-практической конференции, посвященной празднованию дня работников науки. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2022. 411-418.
- Толстов С.П. Города гузов // Советская этнография. М., 1947. № 3. С. 55-102
- Толстов С.П. По следам древнорезмской цивилизации. М., 1948. С. 55-62
- Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962. 324 с.
- Arzhantseva I., Gorshenina S. The Patrimonial Project of Dzhankent. Constructing a National Symbol in the longue duree. *Ancient civilizations from Scythia to Siberia* 24 (2018). 467-532.
- Harke H., Arzhantseva I. A., Tazhekeev A. A., Bronnikova M., Modin I. N., Panin A. V. Interdisciplinary fieldwork at Jankent: Exploring early medieval urbanization on the lower Syrdarya. *Margulan readings – 2020: proceedings of the international scientific practical conference “Great Steppe in the light of archaeological and interdisciplinary research”* (Almaty, September 17-18, 2020). Almaty: A. Kh. Margulan Institute of Archaeology, 2020. Vol. 1. 219-229.
- Harke H., Arzhantseva I., Tazhekeev A., Bronnikova M., Panin A. and Modin I. On the interface of steppe and urban civilization: Interdisciplinary research at Dzhankent (6th – 11th centuries AD). In: A. Onggar, B. Baitanayev, A. Sitdikov and D. Voyakin (eds.), *Eurasian steppe civilization: human and the historical and cultural environment. Proceedings of the 5th International Congress of Archaeology of the Eurasian Steppes (Turkistan, 11-14 October, 2022)*. Vol. 3. Almaty and Turkistan: Margulan Institute of Archaeology. 2022. 111-120.
- Haruda A. F., Ventresca A. R., Paijmans J. L. A., Barlow A., Tazhekeyev A., Bilalov S., Hesse Y., Preick M., King T., Thomas R., Harke H., Arzhantseva I. The earliest domestic cat on the Silk Road. *Scientific Reports*. (2020) 10:11241. doi:10.1038/s41598-020-67798-6.

List of used references:

- Abu Lughod, J. L. *Before European Hegemony: The World System A.D.1250-1350*, Oxford: OUP, 1989.
- Allsen, T. *The Steppe and the Sea: Pearls in the Mongol Empire*, University of Pennsylvania Press, 2019.
- Chen Wei. *The Science and Technology Stars along the ancient Silk Roads*, Hohhot: Inner Mongolian People Press, forthcoming.
- Frankopan, P. *The Silk Roads: A New History of the World*, London: Bloomsbury Publishing, 2015.
- Simon, S. Hybridity and translation, in Gambier, Y. and van Doorslaer, L., eds., *Handbook of Translation Studies*, vol. 2, Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2010, pp. 49-51.

Сергазина Карлыгаш Тулегеновна
Учебно-научный центр изучения религий
Российского государственного гуманитарного университета
Москва, Российская Федерация
ksergazina@gmail.com

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПРЕДМЕТ В ЭКСПОЗИЦИИ МУЗЕЯ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИЛИ НАРРАТИВ? ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА МАСТЕР-КЛАССА ПО СОЗДАНИЮ АТТРАКТИВНЫХ АННОТАЦИЙ К МУЗЕЙНЫМ ПРЕДМЕТАМ

Abstract. The article aims to highlight the methodical and methodological foundations for a masterclass on forming attractive annotations to museum items. It is addressed both to psychologists and to museum professionals who writes texts and conducts classes for various audiences. The outlined methodology is based on the theory of fascination by Yu. Knorozov, on the philosophy of narrative therapy and on authors' private psychological practice (psychodrama, emotion-image therapy, narrative therapy, coexperiencing psychotherapy by F.E. Vasilyuk); all reimagined and reworked specifically for this issue.

Keywords: Masterclass, narrative, exposition, attractiveness, fascination, Knorozov, psychodrama, narrative therapy

В основе методики авторского мастер-класса К.Т. Сергазиной «Археологический предмет в экспозиции музея: интерпретация или нарратив?» лежит теория фасцинации Ю. Кнорозова, философия нарративного подхода и психологическая практика автора статьи (психодрама, эмоционально-образная терапия, нарративная практика, понимающая психотерапия Ф.Е. Василюка), осмысленная и переработанная специально для этого сборника.

Мастер-класс представляет собой однодневный групповой тренинг (1-2 часа, в зависимости от количества участников), цель которого – обучение специалистов гуманитарных и технических специальностей создавать короткие аттрактивные сообщения о предмете своих исследований, в том числе о музейных предметах и археологических коллекциях.

Популяризация археологических исследований на разных этапах кажется мне необходимым процессом как для развития науки, так и для сохранения наследия и передачи опыта из поколения в поколение, в том числе языковыми средствами.

Цель мастер-класса – научить учёных – археологов, искусствоведов, музееведов, историков – и практиков музейных профессий говорить о предмете своих исследований с аудиторией простым языком, привлекательным для разных групп населения. Речь не идет о полноценном обучении журналистике или стилистике русского языка, в рамках мастер-класса его участники научатся фокусироваться на каждом предмете и создавать его историю, опираясь на собственный чувственный опыт, знания, интуицию, и научатся именно эту историю транслировать своей аудитории (будь то читатели, коллеги или посетители экспозиции, а также представители СМИ).

Мастер-класс включает следующие этапы: знакомство, упражнения, направленные на поддержание групповой динамики, работа с запросами и мотивацией участников, собственно обучение, включая этап формирования или актуализации авторской позиции и творческий этап создания из этой позиции текста - в разных его форматах, а также

завершение в виде представления результатов в группе и в социальной сети.

Мастер-класс направлен на формирование идентичности автора нарратива и поддержание сформированной идентичности в процессе публичного представления результатов своей деятельности (в том числе в СМИ).

Знакомство

На этом этапе формируется группа и создается пространство творческого взаимодействия, включающее ведущего группы и участников группы. Определяются границы группы, правила поведения в группе (активность, бережная обратная связь, правило «стоп» и другие), правила коммуникации между участниками (на «ты» или на «Вы»), переход хода и другие).

Психодинамика

Этот этап по времени может совпадать с этапами знакомства, дополняя вербальную часть знакомства невербальными практиками – упражнениями на освоение пространства, поиском безопасной зоны для творчества, игровыми элементами и элементами театрализации (психодрама).

Мотивация участников

На этом этапе ведущий тренинга собирает пожелания участников и с помощью участников определяет стартовую точку творческого процесса (для каждого участника стартовая точка своя) по созданию аннотации музейного предмета – о чем пишем, для кого пишем, каким языком пишем и с какой целью пишем.

Актуализация авторской позиции участников

На этом этапе начинается обучение – средствами психодрамы и нарративной практики (репозиционирование, смена позиции и ракурса, выбор новой точки восприятия реальности, перефокусировка – так можно назвать поиск авторской позиции для создания нового текста).

Важно помнить, как понимается авторство в нарративном подходе – одном из современных направлений помогающих практик – и как позиция автора – творца новой истории – влияет на созданный им текст (будь то развернутая история или краткая аннотация музейного предмета в экспозиции) и на восприятие его читателем или посетителем экспозиции.

Если посмотреть на предмет исследования ученого, археолога или музейного работника как на текст или совокупность текстов, историй, как и предлагает нарративная практика вслед за постструктуралистами, на что можно обратить внимание? В чем специфика создаваемого нами текста? На каком языке, каким языком мы его пишем. И кто автор этого текста. Какое я пишу сегодня этот текст, а какое – завтра. И что их объединяет, удерживает воедино. Что позволяет нам не терять своего авторства?

В нарративной практике мы предлагаем себе и другим создавать свои истории – выбирая предпочитаемые сценарии и предпочитаемую идентичность из множества возможных историй, каждая из которых реальна только как часть языка, как результат некоторой конвенциональности. И в этом смысле реальность каждой конкретной истории будет определяться, скорее, глаголами, чем существительными, - теми действиями, которые позволяют изменчивой и распределенной идентичности сохраняться в единственном теле. И главный из этих глаголов - именно возможность выбора.

Можно ли считать, что свободный выбор не может быть деконструирован? И если можно подвергнуть сомнению, вслед за философами постмодерна, истинность каждой конкретной идеи и состояния (каждого существительного), между чем и чем

будет делаться выбор, что будет неизменной частью этого акта? Может быть, сама структура? Можно ли мыслить связи между понятиями, между событиями, между людьми подобными языковым связям, неизменным в языке? Можно ли уподобить значимость социальных связей внутри сообщества связям языковым и что может дать эта метафора?

В каком-то смысле – ответ на вопрос об авторстве текста. При попытке таким образом посмотреть на проблему авторства, может оказаться, что автором каждого текста в каком-то смысле является все сообщество, частью которого автор считает себя. Иначе говоря, как мы говорим о распределенной идентичности, можно было бы говорить и о распределенном авторстве, стараясь при этом не вернуться к проблеме средневековых псевдоэпиграфов, а пойти гораздо дальше – посмотрев и на авторство как на процесс (как на глагол, а не существительное). Изменчивое авторское я в изменчивом контексте создает текст, который меняется в процессе создания, при этом не теряя того, что делает текст текстом, не оставляя его на уровне слова или предложения, – не теряя смысла.

Ведущий тренинга исходит из допущения, что каждый текст, обладающий аттрактивностью, воздействующий на аудиторию, создается из состояния единства сознания и тела, то есть из особого творческого состояния, включающего собранность воли и сознания и телесную расслабленность, органичность, «интуитивность». Достижение этого состояния в группе может быть одним из результатов мастер-класса.

Творческий этап (создание нарратива)

На этом этапе автор создает нарратив – историю о предмете своих исследований, исходя из собственных целей и интересов аудитории. Время этого этапа ограничено, средства самовыражения – нет (возможны сценарии невербального выражения – пластика, иллюстрация, невербальное высказывание).

Представление нарратива в виде вербального и невербального текста

На этом этапе автор или коллектив авторов представляют свои тексты – вербальные или невербальные.

Завершение

Последний этап мастер-класса – завершение групповых процессов, закрытие группы, договоренности о последующих контактах между участниками группы. На этом же этапе возможно представление созданных текстов журналистам.

Выводы

Из вышеизложенной краткой философии конструктивистских подходов в психологии и краткой схемы построения тренинга (мастер-класса) мы можем сделать несколько практических выводов:

1. для восприятия посетителями музея или читателями текста рассказанная автором история не менее важна, чем историческая реальность;
2. реальность сотворенная, сконструированная автором, отражает и репрезентирует - открыто или подразумеваемо - идентичность автора, его ценности и мировоззрение;
3. основанный на авторском видении текст включает в себя и чувственную ткань переживания автора, часть его истории;

4. сконструированный таким образом текст – с опорой на собственный чувственный опыт и ценности – рождает отклик читателя или посетителя экспозиции, который в свою очередь, отталкиваясь от предложенного текста, творит свой собственный (см. теории коммуникации Ю.М. Лотмана и теорию фасцинации Ю. В. Кнорозова);
5. сконструированный автором и читателем нарратив сохраняется в истории повседневности не как личный взгляд автора, но как событие культурной жизни народа.

Использованные источники и литература:

- Кнорозов Ю. В. К вопросу о классификации сигнализации // Основные проблемы африканистики. Этнография, история, филология. М., 1973. С. 324-334.
- Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб., 2002.
- Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2001.

ГОСТЕПРИИМНЫЙ МУЗЕЙ: КОНЦЕПТ СОЦИАЛЬНОГО ДИЗАЙНА

Abstract. The report will examine the experience of the Georgian National Museum, its work on the creation of high-class expositions in regional museums, which are the pride of local communities and attract foreign tourists. In this case, the museum acts as a social designer, ensuring the viability of the social system – a welcoming museum and its visitors. In the context of social design, museums also need to pay attention to the gastronomic component of a hospitable museum, as a modern trend in the development of museums. There are vivid examples of gastronomic festivals and projects initiated by museums. In this case, the material heritage from museums or in museums is interpreted, supplemented by gastronomic culture. As experience shows, local history, art, memorial museums have a great resource for preserving heritage through the memory of «taste», especially for solving educational problems. And of course, museums can actively participate in the formation of gastronomic tours, contributing to the development of tourist destinations.

Keywords: hospitable museum, social design, gastronomic culture, tourist destinations.

В нашем мире, где виртуальность начинает превалировать над реальностью по многим вопросам, в музеях есть реальный предмет, свидетель прошлого и настоящего, главный «аргумент» будущего. Музеи занимают прочную позицию в формировании картины мира, утверждении жизнеспособных социальных систем. Наиболее актуальными остаются музеи, следующие своей стратегии развития, сумевшие выстроить отношения с обществом на разных уровнях – местном, страновом, международном. Они знают, что и как предложить местным жителям, внутренним и внешним туристам, понимают, что сегодня «правит балом» синергия (науки, культуры, туризма, общественного мнения).

В докладе будет отдельно рассмотрена модель Грузинского национального музея, поскольку в контексте заявленной темы интересен опыт взаимодействия государства, музея и местных сообществ. В Грузии в середине 2000-х было выбрано стратегическое направление поддержки и развития историко-культурного наследия как приоритетного направления для развития туризма. Музеи стали важной составляющей этой деятельности. К настоящему времени достигнуты значительные результаты за счет усиления региональных музеев. Четкое осознание своей миссии, целей и задач помогает этим музеям справляться с неизбежными трудностями. Работа Грузинского национального музея производит впечатление игры «одной команды», в которой есть «капитан», «нападающие», «защитники», даже те, кто сидит на «скамейке запасных» и имеет шанс в свое время с блеском «вступить в игру». Как результат – в последнее время открылись новыми экспозициями два его филиала в Вани и Болниси.

Вполне себе по-грузински – делать районные музеи красивыми, интересными, искать и находить в них отличительную черту. А все вместе они являют собой лицо Национального музея, который не имеет в основном здании пока своей общей экспозиции. Отличительной чертой музея в Болниси является высокопрофессиональная экспозиция и позиционирование себя как музея местного сообщества. Это музей, в котором представлены бренды Грузии – «первый европеец» (вернее история, с ним связанная, 1 млн 700 тыс лет) и «родина вина» (на стенках сосудов остатки и пр., 8 тыс

лет). Историческая добыча золота – только в музее, современная уничтожила место (гору), где это все происходило. А также история переселения немцев. К сожалению, их история не прослеживается до Казахстана. Для туристов этот край Квемо-Картли интересен старинными церквями. Если располагать временем, то можно увидеть не только копию камня V века с первой грузинской надписью в экспозиции, но и поехать на место её обнаружения. В этом районе, кстати, много азербайджанцев (их здесь больше половины населения, видимо почти все грузинских 6,3%).

Самое яркое музейное профессиональное открытие Грузии этого года – это Археологический музей-заповедник им. Отара Лордкипанидзе в Вани, получивший в 2023 году приз конкурса European Museums Forum в номинации The Silletto «За включенность и участие общественности». Это сайт-музей с великолепной коллекцией античного периода Грузии, который стоит того, чтобы поехать в него специально, хотя он расположен, так сказать, «в тупике», в стороне от магистральных дорог из Тбилиси к морю.

Поскольку во взаимодействии различных направлений деятельности музея создается гостеприимный музей, в докладе будет рассмотрен гастрономический аспект как важная составляющая формирования впечатления о культуре вообще и музее в частности. Одним из факторов, способствующих формированию гостеприимного музея является обеспечение физических и духовных потребностей посетителей музея на уровне всех органов чувств. При этом «лучшая память – это память вкуса и запаха».

В 2003 году была принята Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия, которая акцентировала внимание музейных сотрудников в необходимости изучать, хранить и экспонировать не только материальное наследие, но и нематериальное. Таким образом в музеях достойное место заняли не просто выставки демонстрирующую старинную утварь или оборудование старинных кухонь, но и проекты, в которых был вкус настоящей еды. Музеи через память вкуса и запаха стремятся к закреплению знаний и эмоций своих посетителей, используя самые разные подходы, раскрывающие тему «Еда и музеи». О популярности темы свидетельствует выпуск в 2019 году отдельного тематического номера профессионального музейного журнала «Мир музея», посвященного кулинарным традициям – национальной кухне, старинным рецептам и забытым запахам, застольным обычаям и правилам гостеприимства. В докладе будут рассмотрены примеры гастрономических фестивалей, инициированными музеями как яркий пример того, как нематериальное наследие приносит экономический доход и развивает туристскую дестинацию.

Ресторан-«музей» – главным является ресторан, который может использовать музейный ресурс, как дополнительный инструмент привлечения потребителей (кавычки обозначают условность применения термина в данном контексте). В Казахстане к ресторанам претендующим на статус ресторана-«музея» можно отнести рестораны «Сандык» (SANDYQ) в Шымкенте, Туркестане и Алматы. Цель ресторанов – показать вековые традиции как в приготовлении пищи, угощении яствами, в целом гостеприимства, так и презентовать уникальные предметы историко-культурного значения, изделия быта южно-казахстанского региона (Получит ли казахский ...). Или восточно-казахстанский ресторан «Курт» (QURT), который позиционирует себя как дом казахской кухни в Усть-Каменогорске (Татьяна Николаева. Как горнолыжнику ...).

Особого внимания заслуживают кафе и рестораны при музеях и галереях, которые могли бы претендовать на статус музея-«ресторана». В этом случае они часто являются продолжением экспозиции музея и работают в рамках его концепции. Музей-«ресторан»

– главным здесь является непосредственно музей, а ресторан лишь его дополнением (использование кавычек при написании термина в этом случае обозначают эту самую дополненность).

Кухня как составляющая экспозиции и интерактивной программы музеев характерна больше для российских музеев-усадоб, в которых сохранились кухни как часть экспозиционного пространства. Однако этот опыт вполне может быть использован и мемориальными музеями. Примеры подобных казахстанских музейных проектов – это «Чаепитие с пирогом по рецепту Зухры Шариповны» в Музее Д.М. Кунаева (в рамках акции «Ночь музеев Алматы» 2015 года) и проект «Прогулки с Сабитом Муқановым», в рамках которого в меню ресторана «Дастархан» появились «Пельмени муқановские».

Художественные музеи предлагают свои проекты так или иначе «эксплуатирующие» идею памяти вкуса или досуга со вкусом. Так, в Лувре (Франция) в качестве приза за участие в конкурсе была экскурсия после закрытия музея, аперитив в зале с «Джокондой», ужин рядом с «Венерой Милосской» (Аперитив с Джокондой ...).

Музей Уффици (Италия) пригласил нескольких самых знаменитых шеф-поваров Италии и предложил им приготовить блюда, черпая вдохновения в бесценных работах из его коллекции. Знаменитый музей Флоренции каждое воскресенье представляет на Facebook Уффици новую серию «Уффици на тарелке» – Uffizi da Mangiare (Уффици на тарелке ...).

В последнее время всё большую популярность приобретают гастрономические туры, и даже обычные экскурсии по городу, например, организованные Almaty Tour Studio, имеют конечную точку в маршруте – кафе. Или начинаются с центрального рынка, где экскурсанты пробуют национальные угощения, покупают ароматные конфеты в подарок своим близким. Туры предусмотрены как со знакомством с национальной кухней казахов, так и с дегустацией вин и сыров собственного производства.

Гастрономическая составляющая культурного туризма имеет большое значение в презентации нематериального и материального культурного наследия в музеях и туристских дестинациях. По данным опроса самым влиятельным видом гастрономических туристских активностей для развития региона являются гастрономические события (79%), одинаковую важность имеют мастер классы, семинары и гастрономические туры (62%), менее влиятельными оказались посещение ярмарок (59%) и специальных магазинов или предприятий (47%), наименее влиятельным из всех активностей оказалось посещение тематических гастрономических музеев (12%) (World Tourism Organization (UNWTO) ...; Пишенбаев Э.Р. Гастрономические фестивали ..., с.9). Существуют яркие примеры гастрономических фестивалей и проектов, инициированных музеями. В этом случае материальное наследие из музеев или в музеях интерпретируется, дополняется гастрономической культурой. Как показывает опыт, краеведческие, художественные, мемориальные музеи имеют большой ресурс для сохранения наследия через память «вкуса», особенно для решения образовательных задач. И конечно, музеи активно могут принимать участие в формировании гастрономических туров, способствуя развитию туристских дестинаций.

Таким образом, в докладе представлен опыт Грузинского национального музея, рассказывающий о том, как поддержка со стороны столичного музея региональным музеям приводит к созданию в них высококлассных экспозиций, которые в свою очередь становятся гордостью местных сообществ и привлекают иностранных туристов. В этом случае музей выступает в роли социального дизайнера, обеспечивающего жизнеспособность социальной системы – гостеприимного музея и его посетителей.

Также отмечено, что следует обращать внимание на гастрономическую составляющую гостеприимного музея как современный тренд развития музеев.

Использованные источники и литература:

- World Tourism Organization (UNWTO), Global Report on Food Tourism, – Madrid, 2012. URL: https://webunwto.s3.eu-west-1.amazonaws.com/s3fs-public/2019-09/food_tourism_ok.pdf (дата обращения: 25.06.2023)
- Аперитив с Джокондой и ночь под звездами в знаменитой пирамиде Лувра. 05.04.2019. URL: https://arhive.com/news/3956~Aperitiv_s_Dzhokondoj_i_noch'_pod_zvezdami_v_znamenitoj_piramide_Luvra (дата обращения: 25.06.2023).
- Пишенбаев Э.Р. Гастрономические фестивали – ресурс событийного туризма / Дипломное исследование / Науч.рук-ль д.б.н. Паршина Г.Н. – Алматы: Университет «Туран», 2023. – 40 с.
- Получит ли казахский национальный ресторан звезду «Мишлена»? URL: https://forbes.kz/life/style/poluchit_li_kazahskiy_natsionalnyiy_restoran_zvezdu_mishlena/ (дата обращения: 25.06.2023)
- Татьяна Николаева. Как горнолыжнику и/или гурману провести трехдневный отпуск в Усть-Каменогорске // Курсив. 14.03.2021. URL: <https://kz.kursiv.media/2021-03-14/kak-gornolyzhniku-iili-gurmanu-provesti-trekhdnevnyy-otpusk-v-ust/> (дата обращения: 25.06.2023)
- Уффици на тарелке. Buon appetito! 23.01.2021. <https://newstyle-mag.com/uffitsi-na-tarelke-buon-appetito/> (дата обращения: 07.02.2021).

АВТОРЛАРДЫҢ ТІЗІМІ
СПИСОК АВТОРОВ
LIST OF AUTHORS

Аманбаева Бакыт Элтиндиевна, Тарих, археология және этнология институты Қырғыз Республикасының Ұлттық Ғылым Академиясы, тарих ғылымдарының кандидаты. Қырғызстан Республикасы, Бішкек. E-mail: abakit_@mail.ru.

Аманбаева Бакыт Элтиндиевна, Институт истории, археологии и этнологии Национальная Академия наук Кыргызской Республики, кандидат исторических наук. Бишкек, Кыргызская Республика. E-mail: abakit_@mail.ru.

Amanbayev Bakyt Eltyndievna, Institute of History, Archeology and Ethnology, National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Candidate of Historical Sciences. Bishkek, Republic of Kyrgyzstan. E-mail: abakit_@mail.ru.

Әбсеметов Марат Оралбайұлы, Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ Түркология және алтаистика орталығының бас ғылыми қызметкері, тарих ғылымдарының докторы, профессор. Қазақстан Республикасы, Астана. E-mail: m.absemetov@gmail.com.

Абсеметов Марат Оралбаевич, главный научный сотрудник центра тюркологии и алтаистики Евразийский Национальный Университет им. Л. Н. Гумилева, доктор исторических наук, профессор. Астана, Республика Казахстан. E-mail: m.absemetov@gmail.com.

Absemetov Marat Oralbayevich, Chief Researcher of the Center for Turkology and Altaic Studies, Eurasian National University named after L. N. Gumilyova, Doctor of Historical Sciences, Professor. Astana, Republic of Kazakhstan. E-mail: m.absemetov@gmail.com.

Алтынбеков Қырым Қасенханұлы, «Остров Крым» ғылыми-реставрациялық лаборатория директоры. Қазақстан Республикасы, Алматы. E-mail: tengri05@mail.ru.

Алтынбеков Қырым Касенханович, директор, научно-реставрационная лаборатория «Остров Крым», Алматы, Республика Казахстан. E-mail: tengri05@mail.ru.

Altynbekov Kyrym Kasenkhovich, Director, Scientific-Restoration Laboratory «Ostrov Krym», Almaty, Republic of Kazakhstan. E-mail: tengri05@mail.ru.

Алтынбекова Элина Кырымқызы, «Остров Крым» ғылыми-реставрациялық лаборатория дизайнер-реставраторы, автор-корреспондент. Қазақстан Республикасы, Алматы. E-mail: elina.altyn@gmail.com.

Алтынбекова Элина Кырымовна, автор-корреспондент, дизайнер-реставратор, научно-реставрационная лаборатория «Остров Крым», Алматы, Республика Казахстан. E-mail: elina.altyn@gmail.com.

Altynbekova Elina Kyrymovna, Corresponding Author, Designer-Restorer, Scientific-Restoration Laboratory «Ostrov Krym», Almaty, Republic of Kazakhstan. E-mail: elina.altyn@gmail.com.

Батсуурийн Батцоож, Моңғолия Ғылым академиясы Тарих және этнография институтының ғылыми қызметкері, магистр. Моңғолия, Улан-Батор. E-mail: ganbatn@mas.ac.mn.

Батсуурийн Батцоож, научный сотрудник Института истории и этнографии Академии наук Монголии, магистр. Улан-Батор, Монголия. E-mail: ganbatn@mas.ac.mn.

Batsuuriin Battsoozh, researcher at the Institute of History and Ethnography of the Mongolian Academy of Sciences, Master. Ulaanbaatar, Mongolia. E-mail: ganbatn@mas.ac.mn.

Бейсембаева Ләззат Серікбайқызы, «Қазқайтажанарту» ШЖҚ республикалық мемлекеттік кәсіпорын сәулетшісі зам архитектор. Қазақстан Республикасы, Алматы. E-mail: lazatka@bk.ru.

Бейсембаева Ляззат Серикбаевна, архитектор РГКП «Казреставрация». Алматы, Республика Казахстан. E-mail: lazatka@bk.ru.

Beisembaeva Lyazzat Serikbaevna, architect of the State Enterprise «Kazrestavratsiya». Almaty, Republic of Kazakhstan. E-mail: lazatka@bk.ru.

Вей Чын, Археология институтының зерттеушісі, профессор. Қытай Халық Республикасы, Шиэн. E-mail: aryanyan1419202669@qq.com.

Вей Чын, исследователь Института Археологии, профессор. Сянь, Китайская Народная Республика. E-mail: aryanyan1419202669@qq.com.

Wei Ching, researcher of the Archaeological Institute, professor. Xi'an, China. E-mail: aryanyan1419202669@qq.com.

Досаева (Алтынбекова) Дана Кыргыззы, Қазақстан Республикасы Ұлттық музейі реставрация және консервациялық лаборатория жетекшісі. Қазақстан Республикасы, Астана. E-mail: danatengri@gmail.com.

Досаева (Алтынбекова) Дана Кырымовна, руководитель лаборатории консервации и реставрации, Национальный музей Республики Казахстан, Астана, Республика Казахстан. E-mail: danatengri@gmail.com.

Dosaeva (Altynbekova) Dana Kyrymovna, Head of the Conservation and Restoration Laboratory, National Museum of the Republic of Kazakhstan, Astana, Republic of Kazakhstan. E-mail: danatengri@gmail.com.

Динь Ин, Археология институтының зерттеушісі, профессор. Қытай Халық Республикасы, Шиэн. E-mail: aryanyan1419202669@qq.com.

Динь Ин, исследователь Института Археологии, профессор. Сиань, Китайская Народная Республика. E-mail: aryanyan1419202669@qq.com.

Ding In, researcher of the Archaeological Institute, professor. Xi'an, China. E-mail: aryanyan1419202669@qq.com.

Дуйшаналиева Айсин Тунжуровна, Қырғыз Республикасы Мәдениет, ақпарат және туризм министрлігінің тарих және мәдениет ескерткіштерін қорғау жөніндегі республикалық инспекциясының директоры. Қырғызстан Республикасы, Бішкек. E-mail: aisintd@mail.ru.

Дуйшаналиева Айсин Тунжуровна, директор Республиканской инспекции по охране памятников истории и культуры Министерства культуры, информации и туризма Кыргызской Республики. Бишкек, Кыргызская Республика. E-mail: aisintd@mail.ru.

Duishanalieva Aisin Tunzhurovna, Director of the Republican Inspectorate for the Protection of Historical and Cultural Monuments of the Ministry of Culture, Information and Tourism of the Kyrgyz Republic. Bishkek, Republic of Kyrgyzstan. E-mail: aisintd@mail.ru.

Железняков Борис Анатольевич, Ә. Х. Марғұлан атындағы Археология институтының жетекші ғылыми қызметкері. Қазақстан Республикасы, Алматы. PhD, E-mail: boriszheleznyakov@mail.ru.

Железняков Борис Анатольевич, ведущий научный сотрудник Института археологии им. А. Х. Маргулана, Алматы, Республика Казахстан. PhD, E-mail: boriszheleznyakov@mail.ru.

Zheleznyakov Boris Anatolyevich, Leading Researcher, Institute of Archeology named after A. Kh. Margulan, Almaty, Republic of Kazakhstan. PhD, E-mail: boriszheleznyakov@mail.ru.

Жолдошов Чынарбек Маматович, Қырғыз Республикасы Мәдениет, ақпарат, спорт және жастар саясаты министрлігі. Қырғыз Республикасы, Бішкек. E-mail: abakit_@mail.ru.

Жолдошов Чынарбек Маматович, Министерство культуры, информации, спорта и молодежной политики Кыргызской Республики, Бишкек, Кыргызская Республика. E-mail: abakit_@mail.ru.

Zholdoshov Chynarbek Mamatovich, Ministry of Culture, Information, Sports and Youth Policy of the Kyrgyz Republic, Bishkek, Republic of Kyrgyzstan. E-mail: abakit_@mail.ru.

Құрбанәлі Жазира, «Есік» мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығының бөлім жетекшісі. Қазақстан Республикасы, Есік. E-mail: zhazi1981@inbox.ru.

Құрбанали Жазира, руководитель отдела Государственного историко-культурного музея-заповедника «Есік». Есік, Республика Казахстан. E-mail: zhazi1981@inbox.ru.

Kurbanali Zhazira, head of the State Historical and Cultural Museum-Reserve «Esik». Esik, Republic of Kazakhstan. E-mail: zhazi1981@inbox.ru.

Нямдагийн Ганбат, Моңғолия Ғылым Академиясы Халықаралық зерттеулер институтының жетекші ғылыми қызметкері, доктор (PhD), профессор. Моңғолия, Улан-Батор. E-mail: ganbatn@mas.ac.mn.

Нямдагийн Ганбат, ведущий научный сотрудник Института Международных исследований Академии наук Монголии, доктор (PhD), профессор. Улан-Батор, Монголия. E-mail: ganbatn@mas.ac.mn.

Nyamdagiin Ganbat, leading Researcher, Institute of International Studies, Mongolian Academy of Sciences, Doctor (PhD), Professor. Ulaanbaatar, Mongolia. E-mail: ganbatn@mas.ac.mn.

Плетникова Лариса Николаевна, Ресей мемлекеттік гуманитарлық университетінің сарапшысы, гуманитарлық тәжірибелер федералды орталығының практигі, Мәскеу, Ресей Федерациясы. E-mail: artdeshty@mail.ru.

Плетникова Лариса Николаевна, эксперт Российского государственного гуманитарного университета; Федеральный центр гуманитарных практик, Москва, Российская Федерация. E-mail: artdeshty@mail.ru.

Pletnikova Larisa Nikolaevna, expert of the Russian State University for the Humanities; Federal Center for Humanitarian Practices, Moscow, Russian Federation. E-mail: artdeshty@mail.ru.

Саидзода Савриддини Сайдамир, Тәжікстан Ұлттық музейінің ғылыми қызметкері. Тәжікстан Республикасы, Душанбе. E-mail: Savriddin.saidzoda.98@mail.ru.

Саидзода Савриддини Сайдамир, научный сотрудник Национального музея Таджикистана. Душанбе, Республика Таджикистан. E-mail: Savriddin.saidzoda.98@mail.ru.

Saidzoda Savriddini Saidamir, researcher at the National Museum of Tajikistan. Dushanbe, Republic of Tajikistan. E-mail: Savriddin.saidzoda.98@mail.ru.

Самибаев Масуд Кимович, «Самарқанд» мемлекеттік музей-қорығы директорының орынбасары, PhD. Өзбекстан Республикасы, Самарқанд. E-mail: varagsari@gmail.com.

Самибаев Масуд Кимович, заместитель директора Государственного музея-заповедника «Самарканд», PhD, Самарканд, Республика Узбекистан. E-mail: varagsari@gmail.com.

Samibaev Masud Kimovich, Deputy Director of the State Museum-Reserve «Samarkand», PhD, Samarkand, Republic of Uzbekistan. E-mail: varagsari@gmail.com.

Серғазина Қарлығаш Төлегенқызы, «Мир музей» журналы бас редакторының орынбасары, Ресей мемлекеттік гуманитарлық университеті Діндерді зерттеу оқу-ғылыми орталығы, тарих ғылымдарының кандидаты, доцент, Мәскеу, Ресей Федерациясы. E-mail: ksergazina@gmail.com.

Сергазина Карлыгаш Тулегеновна, заместитель главного редактора журнала «Мир Музея», Учебно-научный центр изучения религий Российского государственного гуманитарного университета, кандидат исторических наук, доцент, Москва, Российская Федерация. E-mail: ksergazina@gmail.com.

Sergazina Karlygash Tulegenovna, Deputy Editor-in-Chief of the Mir Museum magazine, Educational and Scientific Center for the Study of Religions of the Russian State University for the Humanities, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Moscow, Russian Federation. E-mail: ksergazina@gmail.com.

Сұлтанжанов Жетесби Қанпияұлы, Қорқыт Ата атындағы Қызылорда университеті, «Археология және этнография» ғылыми орталығының ғылыми қызметкері, Қазақстан Республикасы, Қызылорда. E-mail: zhetesbi.sultanzhanov@mail.ru.

Султанжанов Жетесби Кананияевич, научный сотрудник научного центра археологии и этнологии Кызылординского университета имени Коркыт ата. Кызылорда, Казахстан. E-mail: zhetesbi.sultanzhanov@mail.ru.

Sultanzhanov Zhetesbi Kanapiyaevich, researcher of the scientific center of archeology and ethnology of Kyzylorda University named after Korkyt ata. Kyzylorda, Republic of Kazakhstan. E-mail: zhetesbi.sultanzhanov@mail.ru.

Тәжекеев Әзілхан Әуезханұлы, Қорқыт Ата атындағы Қызылорда университеті, «Археология және этнография» ғылыми орталығының жетекшісі, тарих ғылымдарының кандидаты, PhD. Қазақстан Республикасы, Қызылорда. E-mail: a.tazhekeyev@gmail.com.

Тажекеев Азилхан Ауезханович, заведующий научного центра археологии и этнологии Кызылординского университета имени Коркыт ата, кандидат исторических наук. Кызылорда, Республика Казахстан. E-mail: a.tazhekeyev@gmail.com.

Tazhekeyev Azil Khan Auezkhanovich, head of the scientific center of archeology and ethnology of Kyzylorda University named after Korkyt ata, candidate of historical sciences. Kyzylorda, Republic of Kazakhstan. E-mail: a.tazhekeyev@gmail.com.

Терещенко Олеся Владимировна, Қырғыз Республикасы Мәдениет, ақпарат және туризм министрлігінің тарих және мәдениет ескерткіштерін қорғау жөніндегі республикалық инспекциясының сәулетші-реставраторы. Қырғызстан Республикасы, Бішкек. E-mail: archolesya@mail.ru.

Терещенко Олеся Владимировна, архитектор-реставратор Республиканской инспекции по охране памятников истории и культуры Министерства культуры, информации и туризма Кыргызской Республики. Бишкек, Кыргызская Республика. E-mail: archolesya@mail.ru.

Tereshchenko Olesya Vladimirovna, architect-restorer of the Republican Inspectorate for the Protection of Historical and Cultural Monuments of the Ministry of Culture, Information and Tourism of the Kyrgyz Republic. Bishkek, Republic of Kyrgyzstan. E-mail: archolesya@mail.ru.

Түлегенов Турали Жақсылықұлы, «Есік» мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығының аға ғылыми қызметкері. Қазақстан Республикасы, Есік. E-mail: tur4ik_kz@mail.ru.

Түлегенов Турали Жақсылықович, старший научный сотрудник Государственного историко-культурного музея-заповедника «Есік». Есік, Республика Казахстан. E-mail: tur4ik_kz@mail.ru.

Tulegenov Turali Zhaksylykovich, senior researcher at the State Historical and Cultural Museum-Reserve «Esik». Esik, Republic of Kazakhstan. E-mail: tur4ik_kz@mail.ru.

Файзуллина Галия Шәукетқызы, «Туран» университеті, «Туризм және сервис» кафедрасының меңгерушісі, тарих ғылымдарының кандидаты. Қазақстан Республикасы, Алматы. E-mail: galiyf2@yandex.kz

Файзуллина Галия Шаукетовна, Университет «Туран», заведующий кафедрой «Туризм и сервис», кандидат исторических наук. Алматы, Республика Казахстан. E-mail: galiyf2@yandex.kz

Fayzullina Galiya Shauketovna, University «Turan», Head of the Department «Tourism and Service», Candidate of Historical Sciences. Almaty, Republic of Kazakhstan. E-mail: galiyf2@yandex.kz

Клаудия Чанг, Ежелгі зерттеулер институтының (ISAW) қауымдастырылған зерттеушісі. Нью-Йорк Университеті. Нью-Йорк, Америка Құрама Штаттары. E-mail: cchang@sbc.edu.

Клаудия Чанг, ассоциированный исследователь Института античных исследований Studies (ISAW). Университет Нью-Йорка. Нью-Йорк, Соединенные Штаты Америки. E-mail: cchang@sbc.edu.

Claudia Chang, research associate, Institute for Ancient Studies (ISAW), New York University, New York, USA. E-mail: cchang@sbc.edu.

Чен Вей, Қытай Ғылым академиясының жаратылыстану ғылымдары тарихы институтының ғылыми қызметкері. Пекин, Қытай Халық Республикасы. E-mail: chenwei@ihns.ac.cn.

Чен Вей, научный сотрудник Института истории естественных наук Китайской академии наук. Пекин, Китайская Народная Республика. E-mail: chenwei@ihns.ac.cn.

Chen Wei, research associate The Institute for the History of Natural Sciences, Chinese Academy of Sciences. Beijing, China. E-mail: chenwei@ihns.ac.cn.

Ли Ерву, Жібек жолы археология бірлескен ғылыми-зерттеу орталығының бағдарламалық жетекшісі, ИКОМОС халықаралық мәдени маршруттар ғылыми Комитетінің (СІІС) мүшесі. Шиэн, Қытай Халық Республикасы. E-mail: lierwu@iicc.org.cn.

Ли Ерву, программный руководитель Совместного научно-исследовательского центра археологии Шелкового пути, член Международного научного комитета культурных маршрутов ИКОМОС (СІІС). Сиань, Китайская Народная Республика. E-mail: lierwu@iicc.org.cn.

Li Erwu, program executive of the Collaborative Research Centre for Archaeology of the Silk Roads, Member of ICOMOS International Scientific Committee of Cultural Routes (СІІС), Xi'an, China. E-mail: lierwu@iicc.org.cn

Иванов Сергей Сергеевич, Кыргыз Ұлттық университетінің ғылыми қызметкері.
Қырғыз Республикасы, Бішкек. E-mail: sergioive@gmail.com.

Иванов Сергей Сергеевич, научный сотрудник Кыргызского национального университета. Бишкек, Кыргызская Республика. E-mail: sergioive@gmail.com.

Ivanov Sergei Sergeivich, research associate, Kyrgyz National University, Bishkek, Republic of Kyrgyzstan E-mail: sergioive@gmail.com.

Перри Тоуртеллоттэ, Сиракузадағы тәуелсіз мектептің зерттеушісі, Сиракуза.
Нью-Йорк, Америка Құрама Штаттары. E-mail: patourtellotte69@gmail.com.

Перри Тоуртеллоттэ, исследователь Независимой Школы в Сиракузах, Сиракузы.
Нью-Йорк, Соединенные Штаты Америки. E-mail: patourtellotte69@gmail.com.

Perry Tourtellote, research Independent Scholar, Syracuse, New York, USA, E-mail:
patourtellotte69@gmail.com.

Ответственный редактор:
кандидат исторических наук Г. Р. Мухтарова
Жауапты редактор:
тарих ғылымдарының кандидаты Г. Р. Мухтарова

Редакционная коллегия:
Редактор: Сураганова З. К. Зікірія Д. Қ
Составитель: Жұмай Г.

Редакциялық алқа:
Редактор: Сураганова З. К., Зікірія Д. Қ
Құрастырушы: Жұмай Г

**«ТАЛҒАР ЖӘНЕ ҚОЙЛЫҚ ҚАЛАШЫҚТАРЫ ЖІБЕК ЖОЛЫНЫҢ
ЧАНЪАНЬ-ТЯНЬ-ШАНЬ ДӘЛІЗІНІҢ ҚҰРАМДАС БӨЛГІ РЕТІНДЕ»
АТТЫ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҒЫЛЫМИ-ТӘЖІРИБЕЛІК СЕМИНАР**

**МАТЕРИАЛДАРЫ МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО
СЕМИНАРА «ГОРОДИЩА ТАЛҒАР И КАЯЛЫК
КАК КОМПОНЕНТЫ ЧАНЪАНЬ-ТЯНЬШАНСКОГО КОРИДОРА ШЁЛКОВОГОПУТИ»**

**COLLECTION OF MATERIALS OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC
AND PRACTICAL SEMINAR «TALGAR AND KAYALYK HILLFORTS
AS COMPONENTS OF SILK ROADS: THE CHANG'AN-TIANSHAN CORRIDOR»**

ISBN 978-9965-23-624-2

ISBN978-9965-23-624-2

КАЗАХСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
МӘДЕНИЕТ ЖӘНЕ АҚПАРАТ
МИНИСТРЛІГІ

unesco
Kazakhstan
National Commission

7-8 қыркүйек
september

2023

ҚОЙЛЫҚ және ТАЛҒАР қалашықтары
Жібек Жолы: Чанъань-Тянь-Шань дәлізінің
құрамдас бөлігі ретінде

Халықаралық семинар

TALGAR and KAYALYK hillforts
as components of Silk Roads:
the Chang'an-Tianshan Corridor

The International seminar

ЖИНАҒЫ

DIGEST

"В РАМКАХ ПРОГРАММЫ
УЧАСТИЯ ЮНЕСКО
НА 2022-2023"